

АКАДЕМИЯ ХУДОЖЕСТВ РЕСПУБЛИКИ УЗБЕКИСТАН
Отдел истории искусств НИИ искусствознания

МАТЕРИАЛЫ ТОХАРИСТАНСКОЙ ЭКСПЕДИЦИИ

ВЫПУСК 1

Археологические исследования
Кампыртепа

Ташкент 2000

ББК 63.4(5Узб)я43
М-341
УДК 902(575.1)(082)

Сборник статей под редакцией
академика АН РУз Э. Ртвеладзе,
кандидата искусствоведения Дж. Ильясова.

М-341 Материалы тохаристанской экспедиции. Выпуск 1.
Археологические исследования Кампыртепа
2000 — 144 с.: илл.

ББК 63.4(5Узб)я43

Данный выпуск открывает серию систематических публикаций результатов археологических исследований, проводимых на одном из самых интересных древних памятников Узбекистана - городище Кампыртепа. Тематически он охватывает важные аспекты истории материальной и художественной культуры этого городища, а в хронологическом плане ограничен периодом от первых веков до н. э. до второй половины II в. н. э.

Для археологов, историков, искусствоведов, студентов и широкого круга читателей, интересующихся древней историей Узбекистана.

Издание осуществлено при финансовой поддержке Японского Агентства Международного Сотрудничества Japan international Cooperation Agency.

Издательство «**SAN'AT**» Академии художеств Узбекистана
© Оригинал-макет «MEDIA LAND»

ПРЕДИСЛОВИЕ:

**Археологические
исследования Кампыртепа:
цель и некоторые итоги**

Одно из самых незаурядных городищ Бактрии - Кампыртепа - было открыто автором этих строк в июле 1972 г. во время археологической рекогносцировки в долине Окса (Амударьи).

С 1979 по 1992 г. включительно на этом городище отдельным отрядом Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ) проводились стационарные исследования, приведшие к вскрытию по верхнему строительному горизонту большей части городища. В том числе была полностью раскопана цитадель, наполовину площади - основная часть городища и расчищена по всему периметру защищавшая его крепостная стена. За пределами этой стены, с северо-западной и западной сторон, были раскопаны своеобразные наземные сооружения - погребальные наусы или миниатюрные храмы - «дома для духов предков». С восточной стороны было вскрыто оригинальное продолговатое здание, представляющее собой, как мне удалось доказать, зороастрийское ката, выполнявшее также функции науса и дахмы. Памятник такого рода был открыт и исследован впервые для Средней Азии. Там же открыты гончарная печь маргианского типа и ряд погребальных построек.

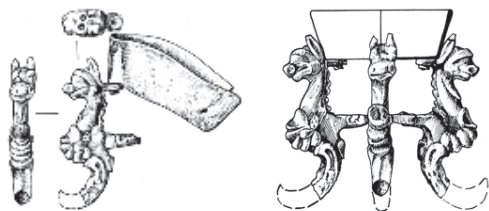
Эти раскопки дали большое число предметов материальной и художественной культуры, богатую коллекцию монет, в том числе четыре монетных клада, а также памятники четырех письменностей - греческой, бактрийской, брахми и неизвестного письма. Среди них выдающееся значение имеет открытие старейших бактрийских рукописей на папирусе, датированных концом I - началом II в. н. э., что делает их вообще древнейшими рукописными текстами, когда-либо найденными в Средней Азии.

Нашими исследованиями установлено, что Кампыртепа (первоначально только на месте цитадели) было возведено как крепость в селевкидское или раннее греко-бактрийское время для охраны одной из древнейших переправ на Оксе, откуда шла прямая дорога в столичный город Бактры, до которого от Кампыртепа немногим более 60 км.

Роль крепости сохранилась за этим пунктом и в кушанское время, но затем его функции изменяются: Кампыртепа (особенно цитадель) превращается в своеобразный торгово-таможенный пункт для обслуживания проходивших торговых караванов и их таможенного обложения.

Не случайно многие помещения цитадели имели складской характер, где найдено значительное число (по 8 - 10) хумов для хранения жидкостей и зерна, а также большое количество монет.

Комплекс полученных данных уже давно привел меня к отождествлению Кампыртепа с известной греческой переправой (Пандахейон, Пардагви), упо-

мянутой Хафиз-и Абру. Последние находки остраков с греческими надписями не только указывают на проживание в этом пункте греческого населения, но и подтверждают наше мнение. Некоторые результаты этих исследований отражены в опубликованных статьях и книгах, но многое осталось еще неизданным.

В 1992 г. по ряду обстоятельств раскопки на Кампыртепа были прерваны и возобновились лишь спустя семь лет, в 1999 г., когда насущная необходимость продолжения этих исследований стала еще более очевидной.

Раскопки этого года были сконцентрированы в восточной (К. Шейко, О. Цепова) и северной (Дж. Ильясов) частях, где продолжалось вскрытие жилых блоков.

Продолжение наших исследований преследует основную цель - полное вскрытие всей площади городища. Это будет осуществлено впервые для городищ Бактрии и позволит не только определить градостроительные принципы того времени, но и представить социальную структуру городища.

Уже сейчас можно говорить, что Кампыртепа заселялось по больше-семейному принципу, т. е. для каждой большой семьи возводился жилой блок, состоящий из десятков разнофункциональных помещений. Таких блоков, разделенных между собой узкими улочками-галереями, уже выделено шесть. По всей вероятности, в них проживали большие семьи, подобные тем, которые выявлены В. Лившицем на прочитанных им документах (так наз. «Списки домов»), найденных в Хорезме на городище Топраккала.

Учитывая исключительную важность городища Кампыртепа для понимания многих проблем истории и истории культуры Бактрии, Отдел истории искусств НИИ искусствоведения Академии художеств Республики Узбекистан принял решение о создании самостоятельной экспедиции. Она получила название «Тохаристанская экспедиция», и ее цель - не только исследование Кампыртепа, но и углубленное изучение юго-западной части Сурхандарьинской области, в том числе археологических памятников, расположенных в горной системе Кугитанга.

Первый выпуск материалов экспедиции включает статьи и публикации только части археологических данных, полученных в предшествующие годы. В нем, в частности, не представлены результаты стратиграфических исследований, что найдет свое отражение в последующих выпусках.

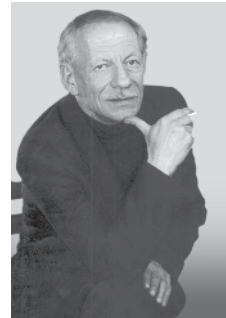
В заключение отметим, что в определенные годы работы на Кампыртепа проводились совместно с Сурхандарьинским областным краеведческим музеем, а в 1988 - 1991 гг. - с Ленинградским отделением Института археологии, а также укажем имена ученых, внесших свой вклад в исследование Кампыртепа. Это археологи С. Курбанов (Савчук), Дж. Ильясов, К. Шейко (Ташкент), В. Никоноров и Д. Абдуллаев (Санкт-Петербург), О. Цепова (Париж), архитекторы И. Лунькова (Москва), И. Азимов, Д. Русанов (Ташкент) и краевед-этнограф Ш. Устает (пос. Гагарино). Отметим также важную роль в продолжении исследований на Кампыртепа Японского агентства Международного сотрудничества (JICA), которому все участники экспедиции искренне благодарны.

Эдвард Ртвеладзе.

В иерархии кушанских поселений немаловажное место принадлежало крепостям, воздвигнутым на перекрестках торговых путей, у речных переправ, на границах государств, в «головах» ирригационных сооружений. Функции некоторых из них, помимо прямого назначения, заключались и во взимании таможенного сбора. Таковым, в частности, было Пардагви, население которого, согласно донесенным Хафиз-и Абру древним преданиям, не только охраняло переправу через Окс, но и занималось сбором пошлины [1, с. 93]. Вероятно, одним из терминов, применявшихся в бактрийском языке для обозначения крепостей, было слово «ΜΑΛΙΖΟ» или «ΛΙΖΟ».

В бактрийской лексике уже определено несколько терминов для лиц военного сословия: «ΚΑΡΑΛΛΡΑΓΟ» - наместник, начальник пограничной области; «ΑΣΒΑΡΟΒΙΔΟ» - начальник конницы; «ΖΕΝΟΒΙΔΟ» - начальник арсенала [3, с. 47-55]. Бесспорно, существовало и слово, обозначающее главное должностное лицо в крепости, подобно тому, как в Парфии термином «ΑΡΚΑΠΑΤ» именовался начальник крепости [10, с. 65].

Исходя из закономерностей фонетических изменений, можно допустить, что в бактрийском языке это словосочетание передавалось как «ΜΑΛΙΖΟΒΙΔΟ» или «ΛΙΖΟΒΙΔΟ».

Структура и культура кушанских крепостей до сих пор остается неизученной. Имея в виду это обстоятельство, НИИ искусствоведения с 1979 по 1992 г. проводил археологические исследования крепости Кампыртепа (другое название - Кафыркала). Она находится на высокой лёссовой террасе правого берега Амударьи, в 30 км к западу от г. Термеза и в 1,5 км в том же направлении от кишлака Шуроб Музрабадского района Сурхандарьинской области Узбекистана.

Кроме Кампыртепа, здесь имеются еще два городища: в 0,5 км к вос-

Рис 1.
Городище
Кампыртепа.

току от него - Шуробкурбан, обживавшийся с IV - V вв. до позднего средневековья включительно, и Шортепа, в 1 км к западу от Кампыртепа, датируемое VI - IV вв. до н. э.

Кампыртепа, как и Шуробкурбан, было обнаружено автором данной статьи при рекогносцировочных обследованиях правобережья Амударьи [14, с. 74-85]. На основании этих исследований нами было высказано предположение о локализации здесь древнего поселения Пардагви (от греческого «Пандоки» - «гостиница») [16, с. 182-186], вопреки мнению В. Минорского, определившего его местонахождение к востоку от городища Старого Термеза, при впадении Сурхандарьи в Амударью [11, с. 45-53].

В 1979 г. за пределами укрепленной части городища, с северо-западной стороны нами были произведены пробные раскопки, приведшие к открытию своеобразных сооружений, первоначально определенных как погребальные наусы [13, с. 86-106], а впоследствии как «дома для духов предков» [5, с. 200-251].

С 1982 по 1992 г. отряд экспедиции проводил на городище стационарные раскопки, имея своей целью полное его вскрытие. В результате этих работ полностью раскопана площадь цитадели по верхнему строительному горизонту, расчищена на протяжении более 400 м крепостная стена с башнями и стрелковой галереей. В восточной части крепости исследованы пять зданий с разделяющими их улицами или коридорами. За пределами крепости с восточной стороны вскрыт ряд погребальных зданий, в том числе типа «ката», с западной стороны - группа культовых сооружений - «домов для духов предков».

В целом за семь лет раскопок уже вскрыты 3/4 площади всего городища. Учитывая, что эта крепость прекратила свое существование вскоре после правления кушанского царя Канишки I, теперь впервые в науке возможно получить реальное представление об инфраструктуре и архитектурно-планировочном облике одного из типов поселений великокушанского времени (рис. 1).

ТОПОГРАФИЯ И ИНФРАСТРУКТУРА КРЕПОСТИ

Выбор места для постройки крепости был продиктован тремя обстоятельствами: стратегической важностью дислокации данной местности, расположенной при переправе через Окс на караванном пути из Бактр в Согд (через «Железные ворота»); исторической традицией, согласно которой здесь находилась древнейшая переправа через Окс, использовавшаяся еще в эпоху бронзы и, возможно, неолита, а также природными условиями.

Рельеф данной местности характеризуется наличием высокой лёссовой террасы с небольшими всхолмлениями и сетью оврагов и ложбин, образующих в ряде мест подобие «цирков». Они были умело приспособлены для рвов и крепостных стен, направление которых определялось в основном ориентацией естественной возвышенности, на которой они были сооружены. По этой причине общий план укрепленной части крепости не имеет четкого прямоугольного или квадратного абриса.

Создание здесь крепости было обусловлено, таким образом, сочетанием естественных факторов: оврагов, возвышений, с южной стороны - реки Окс, и

искусственных сооружений - крепостных стен и рвов, защищающих крепость с напольной стороны.

Крепость состоит из укрепленной и неукрепленной частей общей протяженностью (по крайним пределам распространения керамики и наличию каких-либо построек) с запада на восток - более 800 м, с севера на юг - немногим более 300 м (южная часть поселения частично смыта).

Укрепленная часть имеет общие размеры: запад-восток - 275 м, север-юг - 175 м, площадь - 4 га. Ориентация по странам света, с небольшим отклонением от осей. В ее структуре выделяются цитадель и территория между цитаделью и внешней крепостной стеной, занятая в основном жилыми постройками.

Цитадель расположена в центре крепости, на краю высокой террасы, обращенной к Амударье, с южной стороны значительная часть ее смыта. С запада на восток ее длина - 150 м, с севера на юг - 100 м, площадь - 1,5 га. В юго-восточном углу цитадели - полого спускающаяся широкая ложбина, вероятно, на месте бывших ворот. Вершина цитадели плоская, высота от поверхности поймы Амударьи с южной стороны - 22 м, с северной до современного уровня дна рва - 5-6 м. Раскопки на цитадели осуществлялись С. Савчуком, некоторые их итоги отражены им в ряде статей и тезисов [8, с. 73-81].

Для внутренней застройки характерны компактность и регулярность плана, полное использование всей площади.

Центральная «улица» (ширина - 1,80 м, длина - около 90 м), идущая с востока на запад, делит цитадель на две части: северную и южную. От нее в разных направлениях отходят прямые и Г-образные «тупики», разделявшие эти части на ряд массивов.

Так, в полностью сохранившейся северной части два параллельно отходящих от «центральной» улицы «тупика» выделяют центральный массив, а отходящие от них, в свою очередь, «тупики» разделяют западную и восточную половины еще на два массива в каждой из них. Всего в северной части имеется пять массивов. Наиболее крупный из них - центральный - включает около 30 помещений. Каждый массив состоит из ряда изолированных ячеек. Как правило, в них имеются святилище, жилые, хозяйственные и подсобные помещения, в том числе трапезная и кухня, а также складские помещения и обязательно хумханы. Причем помещения подсобно-хозяйственного назначения группируются в основном по периметру цитадели, вдоль ее стен. Всего на сохранившейся части цитадели вскрыто более 110 помещений, в том числе 20 хумхана, в каждом из массивов - по 4-5. В некоторых из них размещено от 15 до 20 хумов большой вместимости.

Такое большое количество хумхана на небольшой площади цитадели свидетельствует, на наш взгляд, о том, что они предназначались не только для обслуживания населения данной крепости, а, вероятнее всего, для снабжения продовольствием проходивших здесь торговых караванов.

Помещения цитадели различны по размерам: 2,10х3,80 м; 2,10х4,30 м; 2,80х3,00 м; 2,20х4,00 м; 4,80х4,90 м; 4,90х5,60 м; 5,30х5,70 м; 5,30х5,30 м; 6,20х6,40 м; а по плану - квадратные, прямоугольные и трапециевидные, имеют один или два дверных проема, расположенных в центре одной из стен или в одном из углов комнаты.

Во многих из них имеются суфы, из сырцового кирпича, расположенные

вдоль одной или двух стен либо по периметру всех стен помещения (пом. 11). В двух помещениях сохранились арки дверных проемов, сложенные из сырцовых кирпичей напуском.

В трех помещениях обнаружены культовые и настенные алтари с прямоугольным подиумом и полуциркульным арочным перекрытием. Высота одного из полностью сохранившихся алтарей - около 2 м. На них, как правило, значительный слой золы.

В ряде помещений выявлены отопительные и хозяйственные очаги, а также своеобразные очажные ямки (пом. 28, 32), зачастую заполненные золой с обугленными веточками растений и какими-то плодами. Рядом с ними (пом. 32) - цилиндрические небольшие углубления в полу, заполненные чистой золой и песком, видимо, как и первые, имевшие культовое назначение.

Стены помещений возведены из сырцовых кирпичей размерами 32х32х9-10 см; 34х34х9-10 см; 36х36х10-12 см; 38х38х12-14 см; 40х40х14-15 см. Толщина стен - 0,75-1,10 м.

Поверхности стен покрыты гладкой глиносаманной штукатуркой в несколько слоев, а поверх нее побелены в белый или черный цвет.

Полы в помещениях хорошо утрамбованы и покрыты глиняной обмазкой в несколько слоев.

По внешнему абрису цитадель была защищена мощной оборонительной стеной, сохранившейся с восточной и северной сторон. Ширина восточной стены - 4,80 м. Она возведена из сырцового кирпича на краю склона холма, причем с внешней стороны основание стены в ряде мест покоится на зольно-мусорных слоях. Если это не более поздняя пристройка, то, возможно, цитадель некоторое время не имела оборонительной стены.

Внешний фас ее имеет уступчатую конструкцию: через 5,80 и 11,40 м стена делает уступы по 0,50 м. что, возможно, определялось характером рельефа. В центре стена фланкирована монолитным «бастионом» длиной 11,70 м с прямоугольным в плане выступом-«башенкой» в юго-восточном углу, выступающим от основной линии стен с северной стороны на 3,40 м, а с южной - на

Рис 2.
Кампыртепа.
Восточная часть
городища.

5,30 м. Судя по тому, что основание «бастиона» покоится на мусорно-зольном слое и наличию разделительного шва, «бастион» был пристроен к стене несколько позднее.

Ниже основной стены по склону холма имеются три идущие параллельно друг другу барьерные стенки-протейхизмы, покоящиеся на ступенях подрубленного материка. Пространства между ними заложены мусорно-зольными слоями, в отдельных местах отмечены днища хумов, что, вероятно, говорит об обживании этого места, а также об утрате первоначальной функции этих стен, видимо, в последнем периоде обживания цитадели.

Ширина стены с северной стороны - 3,20-6,30 м. Она также имеет уступчатую конструкцию и три башни: первая из них расположена в северо-восточном углу, вторая - на расстоянии 16,50 м от нее и третья - на расстоянии 24 м от второй. Башни, прямоугольные в плане, длиной - 10-11 м выступают от линии стен на 3-4 м. Они покоятся на вырубленном из материкового лёсса основании, обложенном с трех сторон сырцовым кирпичом.

За стеной до рва в разрезе выявлены три параллельно идущие стенки из квадратного сырцового кирпича, принятые первоначально за стенки коридорообразных помещений, но, вероятно, представляющие собой аналогичные барьерные стенки-протейхизмы, как на восточном фасае.

Они ограничивают с южной стороны ров, опоясывающий с трех сторон цитадель, ширина его - около 6 м.

Примечательно, что на глубине около 9 м от вершины цитадели во рву была выявлена вымостка из сырцового кирпича толщиной 13 см в два ряда по высоте, прослеженная на всю ширину рва, т. е. с северной стороны. Со стороны собственно поселения она ограничена стеной помещения шириной 0,80 м. Не исключено, что на последнем этапе обживания крепости ров утрачивает свои прямые функции и превращается в вымощенную сырцовым кирпичом улицу, опоясывающую цитадель.

Полученные данные в первую очередь характеризуют структуру цитадели Кампыртепа в последний период ее существования, который, судя по монетным данным, приходится на время Канишки I.

Вероятно, в более ранний период цитадель возводилась как чисто военное-оборонительное сооружение, о чем свидетельствует мощь укреплений, но с течением времени ее функции несколько видоизменились.

Внутреннее пространство тесно застраивается комплексом жилых, хозяйственных и складских помещений. С северной стороны цитадель опоясывает тройной ряд коридорообразных помещений, а былой ров превращается в мощеную улицу. Не исключено, что возведение жилых (судя по специфике культурного слоя) помещений у стен цитадели потребовалось в связи с увеличением количества жителей крепости и отсутствием свободной площади внутри нее. Вместе с тем цитадель не теряет полностью своего военно-оборонительного значения - стены поддерживаются и ремонтируются. Не исключено и другое - возведение этих помещений создавало сложную систему лабиринта, затруднявшую подступы к цитадели, но соответствующих аналогов для сравнения пока не имеется, поскольку цитадели Бактрии, как и других городов Средней Азии кушанского времени, изучены не совсем полно. Цитадель Дильберджина - крупного кушанского города, расположенного всего в 60 км к югу от Кампыртепа, - в поздний период своего существования имела примерно ана-

логичную тесную застройку помещениями [7, с. 153]. В цитадели Топраккалы в Хорезме в позднеантичный период находились дворец, храм огня и ряд построек служебного назначения, по предположению Е. Неразик, возможно, казармы или хранилища [4, с. 136-139]. В цитадели Эркала древнего Мерва имелись дворец правителя, арсенал и административные здания [9].

По предположению Г. Пугаченковой, цитадели античных городов Средней Азии были местом сосредоточения административных зданий, различных служб при находившемся там дворце правителя, складов, построек для гарнизона [12, с. 256].

Вместе с тем, как показывают цитадели Дильберджина [2, с. 42-43] и Кампыртепа, на поздних этапах существования они частично утрачивают свою военно-административную функцию и превращаются по существу в жилые комплексы с присущими им чертами.

Жилая часть. Инфраструктура ее определяется наличием жилых массивов застройки, крепостной стены с башнями и внешнего рва.

Массив жилой застройки, охватывающий внутренний ров с трех сторон, расположен в виде амфитеатра, в котором помещения одного и того же здания, начиная от крепостной стены, спускаются ко рву ступенчатыми террасами, вырубленными в материковом лёссе. Перепад высот между верхними и нижними помещениями в восточной части составляет более 3 м.

Плотность застройки всей части неодинакова. Наибольшая концентрация зданий наблюдается в восточной половине, которая, начиная от крепостной стены, полностью занята под жилую застройку. Она состояла из четырех или пяти отдельных зданий-блоков, включающих множество помещений. Эти здания разделялись между собой узкими «улочками» или крытыми галереями. Так, между зданиями 2 и 3 выявлена улица шириной 1,50 м, сохранившаяся в длину на 27 м. Аналогичная, но более широкая улица, более 2,00 м, выявлена и между зданиями 4 и 5 в юго-восточной части. Охарактеризуем одно из зданий.

Жилой блок 1. Здание 1 выстроено на четырех террасах, вырубленных в материковом лёссе, причем уровень пола помещения первой (нижней) террасы на 3,50 м ниже пола верхней (четвертой) террасы, а перепад уровней полов помещений второй и третьей террасы составляет 2,00 м. «Обрезы» террас дополнительно обкладывались стенами из квадратного сырцового кирпича (40х40х12 см), внутренние грани которых покрывались толстым (до 1,5 см) глиносаманным и тонким известковым слоем штукатурки.

В планировочной структуре здания выделяется центральное ядро из двух помещений с П-образным коридором, по четырем сторонам которого группируются помещения различных размеров и функционального назначения. Верхнее помещение (5,75х5,17 м) в центральном ядре, видимо, культового характера, с хорошо утрамбованным полом, покрытым тонким слоем глиняной обмазки, и тщательным покрытием стен известковой штукатуркой. Нижнее помещение - прямоугольное в плане (4,90х5,75 м), характер находок в нем и специфика культурного слоя позволяют считать его трапезной.

Характерно распределение помещений этого здания по функциям: помещения, устроенные на первых двух нижних террасах, как правило, хозяйственного и производственного назначения, в частности одно, из помещений представляло собой мастерскую, где изготовлялись каменные архитектурные де-

тали. Помещения, расположенные на верхней террасе, иного назначения: одно из них - культовое, другое (пом. 6), где найдены рукописи, было, вероятно, своего рода хранилищем документов. Любопытно отсутствие в здании большого зала - мехмонханы - и айвана, являвшихся неременной принадлежностью крупных построек кушанского времени.

С северной стороны к зданию 1 примыкало другое здание - 2, возможно, того же жилого блока, но построенное позднее. С западной стороны оно было обращено ко рву; с восточной стороны перед зданием находилось большое помещение или двор, а за ним, до крепостной стены - ряд помещений, тогда как с южной оно было ограничено от другого здания глухой стеной и узкой улочкой (рис. 7 в статье Д. Русанова).

Судя по стратиграфии, здание имело два периода обживания, хорошо датированных монетами: первый - Кадфиза II, второй - Канишки I, никаких более ранних или более поздних материалов здесь не обнаружено.

Северный сектор поселения, где раскопки только начаты, также был занят жилыми постройками, примыкающими непосредственно к внутренней крепостной стене.

Западный сектор второй части вообще лишен застройки, поскольку здесь внешняя крепостная стена непосредственно примыкает к внутреннему рву.

Крепостная стена и ров. Исследование крепостной стены производилось оконтуриванием ее на всем протяжении, раскопками больших участков до основания, расчисткой в ряде мест стрелковой галереи до уровня нижнего пола и разрезом (разрез 4), охватившим все структурные части стены, а также внешний ров. Обобщенные данные этих исследований приведены ниже.

Оборонительная стена, охватывающая крепость с трех сторон, с южной разрушена, но, вероятно, здесь она подходила к цитадели. Выявленный периметр стен - 410 м. Сохранность стен в высоту - 0,50 м в юго-восточной части и 3,00-3,50 м - на северном и западном фасах. Она включает переднюю стенку шириной 3,00-3,15 м, стрелковую галерею - 1,70 м и заднюю стенку - 0,60 м, к которой примыкают жилые здания. Общая ширина стены - 5,20-5,30 м. Она возведена из квадратного сырцового кирпича 29-34х34х10-14 см вперевязку, толщина швов - 2-3 см. Основание передней стенки впущено в материк на 0,35 м для большей устойчивости и предохранения от воздействия природных факторов. Стена поставлена на лёссовую возвышенность, подрубленную таким образом, что перед стеной образовался своеобразный выступ - берма, - шириной на восточном фасах 2,00 м, на северном - 8,60-9,00 м, предохранявший основание от разрушения. По северному и западному внешнему фасах стена фланкирована выступающими на 4,00-4,50 м одиннадцатью башнями. Все башни, за исключением угловой северо-восточной, полуовальной, прямоугольные в плане (3,70-5,40х3,90-8,60 м) с внутрибашенным помещением (2,20-3,70х2,60-5,70 м), из которого в стрелковую галерею ведет проход шириной 0,80-1,20 м.

В каждой из башен по семь бойниц: три - на фронтальной и по две - на боковых стенах. Бойницы - щелевидные, снаружи со стреловидным завершением из двух наклонных кирпичей. Размеры - 50х10х12 см. Нижний ряд аналогичных бойниц в каждой куртине проходит на высоте 0,50 м от основания стены. На восточном фасах, на расстоянии 13,90 м от угловой северо-восточной башни, в стене имеется арочный вход шириной 1,60 м, подход к которому осуществляется по наклонному естественному пандусу вдоль стен. Вход за-

Рис. 3. План городища Кампыртепа.

щищало предвратное сооружение, от которого сохранились лишь отдельные участки стен. Судя по ним, это было прямоугольное в плане сооружение 16,00х2,20 м, возведенное из аналогичных размеров сырцового кирпича, в стенах которого, во всяком случае на сохранившемся северном отрезке, имелись бойницы.

Видимо, это сооружение было пристроено к стене для защиты входа несколько позднее, так как внутри него оказалось пять бойниц основной стены, а еще одна бойница была полностью закрыта южной стеной сооружения. Вероятно, первоначально предвратное сооружение было иной планировки. Характерно, что и на северном, и западном фасае ряд башен также закрывает бойницы основной стены.

Аналогичного типа арочный вход, но фланкированный по обеим сторонам башнями и также на восточном фасае, отмечен в крепостной стене Дильберджина [2].

Перед выступом-бермой, на котором покоится стена, - ровная, с небольшим уступом площадка, переходящая в ров шириной вверху до 4 м, понизу - 2,50 м, глубиной - 1,50-1,70 м, дно которого ниже основания стен на 5,60 м.

Внутри стены проходит стрелковая галерея шириной 1,70-2,50 м, уровень нижнего, самого первого пола ее совпадает в ряде мест с уровнем основания стен, что, возможно, свидетельствует о одновременности всех структурных частей крепостной стены. В заполнении галереи отмечены чередующиеся друг с другом культурные слои, насыщенные керамикой, золотом, органикой, костями животных, разделенные несколькими уровнями полов.

Хронология оборонительной стены выявляется достаточно определенно. В основании стен найдены монеты Сотера Мегаса и парфянская монета с надчеканом. Монета Сотера Мегаса обнаружена и на первом полу галереи, в верхних ее горизонтах зафиксированы монеты Канишки I, а в среднем слое - Кадфиза II. Таким образом, возведение стены предпочтительно отнести ко времени правления Сотера Мегаса, а ее функционирование - к периоду между правлением этого царя и Канишки I. Отсутствие здесь монет более поздних кушанских царей, а также факт превращения некоторых башен в погребальные сооружения, датируемые монетами Хувишки, позволяют считать, что крепостные стены перестают использоваться по прямому назначению ко времени правления этого царя.

С этой относительной хронологией соотносятся и три этапа истории крепостных стен. На первом этапе стена имела меньше башен и иного типа предвратное сооружение, на втором она дополнительно усиливается новыми башнями, перестраивается предвратное сооружение, а на третьем стена постепенно утрачивает свои функции, с внешней ее стороны скапливаются мусор и хозяйственные отходы, прикрывшие частично нижний ряд бойниц. Затем некоторые башни используются в качестве погребальных склепов.

Неукрепленная часть. Здесь в основном сосредоточены погребальные и культовые здания. Характерно, что вся территория к северу от крепости лишена каких-либо построек - это сделано, видимо, для достижения надлежащего эффекта обороны. К западу от крепости также отсутствуют какие-либо следы ее обживания. На расстоянии 250-300 м здесь расположены девять продолговатых холмов, вытянутых в три ряда с юго-запада на северо-восток на 60 м. Общая площадь занятой ими территории - около 1 га. На

вершинах холмов находятся сырцовые прямоугольные в плане сооружения, состоящие из нескольких камер. Перед сооружениями отмечены ритуальные площадки, на которых имеются очажные пятна и зольники, найдены целые сосуды, кости животных и обугленные ветки растений. Отсутствие в сооружениях человеческих костей и наличие значительного числа приношений позволили нам определить эти сооружения как своеобразные «дома для духов предков» [5, с. 209-251].

В то же время территория к востоку от крепости за рвом были занята в основном погребальными постройками. На расстоянии 60 м от рва здесь располагается прямоугольное в плане здание, вытянутое с севера на юг почти на 60 м и состоящее из отдельных камер. Вдоль его восточной стены сложены в несколько «этажей» человеческие кости, черепа и множество керамических сосудов. Анализ ряда данных позволил определить это здание как зороастрийское ката с одновременным совмещением функций дахмы и науса [6, с. 35-39].

Далее, к востоку от него, на расстоянии 20 м находится еще одно погребальное сооружение, в виде Г-образной отдельной стены, длиной 13,00 м и шириной 1,50 м, вдоль которой уложены человеческие кости и большое число керамических сосудов, а за ним на расстоянии 10 м вскрыта керамическая печь, имеющая в плане вид восьми-лучевой звезды.

Южная окраина восточной части, обращенная к Амударье, была занята какими-то постройками, от которых сохранились лишь небольшие участки основания. Сравнительный анализ керамики показывает, что время возведения имеющих в восточной части сооружений, в том числе погребальных, совпадает с первым и вторым периодами обживания здания 1, датирующимися монетами Кадфица II и Канишки I.

В результате проведенных исследований были установлены четыре основных периода в истории этого городища.

1. III - II вв. до н. э. Возникновение одночастной крепости, в которой, вероятно, содержался только военный гарнизон. Первоначальная функция ее заключалась в охране переправы через Окс на важнейшей дороге, ведущей в Бактры. Крепость была основана в южной части городища, на месте будущей цитадели, причем большая часть ее сейчас не сохранилась из-за обвала берега, подмытого Амударьей.

Тогда же была возведена в традициях эллинистической фортификации первоначальная стена.

2. Вторая половина II - I в. до н. э. Интенсивное обживание и застройка всей площади крепости (цитадели), продолжавшей выполнять функцию военно-оборонительного сооружения.

3. I в. н. э. - первая четверть II в. н. э. Расширение крепости, обвод значительной незаселенной прежде территории к востоку, западу и северу от нее мощной стеной с башнями. Застройка этой части жилыми домами-блоками, разделенными улицами-галереями. Каждый блок предназначался для проживания большой патриархальной семьи. Возведение за пределами крепостной стены с запада и востока от нее культовых и погребальных построек. Таким

образом, происходит превращение одночастной крепости в трехчастное поселение: цитадель, основная жилая часть, пригородная территория с погребальными постройками.

С течением времени изменяется и первоначальная роль городища - из крепости оно превращается в городок, выполнявший функции не только военно-оборонительного характера, но также таможни и obsługi проходивших через переправу караванов.

4. Середина II в. н. э. Полное запустение поселения, по-видимому, из-за угрозы уничтожения его Амударьей. Использование некоторых башен крепостной стены для погребений, датированных монетами Хувишки.

КАМПИРТЕПА - ПАНДАХЕЙОН: «ГРЕЧЕСКАЯ ПЕРЕПРАВА» НА ОКСЕ

В перечне переправ на Амударье (древний Окс, средневековый Джейхун) персидский автор XV в. Хафиз-и Абру называет после Термеза по направлению к западу еще одну переправу - пассаж о ней дословно переведен на русский язык В. Бартольдом [1, с. 93] и на английский В. Минорским (с этого перевода он также воспроизведен на русский язык О. Чехович [11, с. 45-53]), а также перепроверен мною в некоторых важных деталях.

Вот что он гласит: «Бурдагуй» - место на берегу Джейхуна, около Термеза. Говорят, оно существовало задолго до Термеза и было основано тоже Александром. И это «Бурдагуй» есть греческое название, которое дано было ему тоже при Александре в значении «гостеприимный дом». В древние времена крупные судовладельцы, ответственные за переправу через Джейхун, находились в этом «Бурдагуй». Переправа (гузаргох) султанов, которые переезжали через реку, была здесь. Древние падишахи покровительствовали жителям этого места за то, что они стерегли переправу через реку, и освобождали их от налогов (тархан). По этой причине население было многочисленно и хозяева (ходжагон) богаты. Они хорошо служили каждому путешественнику, который проезжал там. Так, поскольку местные жители узнали об их щедрости, путешественники, проезжавшие те места, стали объектом конкуренции между жителями «Бурдагуй». Каждый из них стремился принять (путешественников) в своем доме. Между жителями Термеза и «Бурдагуй» большую часть времени шла борьба. В окрестностях «Бурдагуй» имеется много лесов (джангал) и в них водятся тигры (шер).

В этой же области имеется другая переправа, называемая Келиф. Она считается принадлежащей Хорасану...

В. Минорский доказал, что в основе слова «Бурдагуй» лежит греческое слово «пандахейон», от «пандоки» - гостиница, равнозначного персидскому «мехмонхана» [11, с. 45-53]. Позднее греческое «пандоки», по мнению В. Хеннинга, превратилось в «пардавки» (или даже в «пардагви») в каком-то согдийском диалекте, что в персидском написании дало форму «Бурдагуй» или «Пардагуи» - последнее написание отмечено в одной из рукописей сочинения Хафиз-и Абру [11]. Об этой же переправе, но под названием Йаргах или Ярггах упоминает и автор XVII в. Махмуд б. Вали [17, с. 95, 137].

Локализацией этой переправы занимался ряд исследователей. Так, М. Массон полагал, что она находилась в 30 км к западу от Термеза, на месте переправы Чушка-Гузар. В. Минорский считал, что данное место, первоначаль-

чально носившее древнегреческое название, находилось к востоку от Термеза, у впадения Сурхана в Амударью, но затем было присоединено к владениям Термеза с утратой греческого имени [11, с. 45-53].

Автор настоящей статьи на основании результатов первых археологических разведок в долине Окса высказал гипотезу о нахождении поселения с этим древнегреческим названием на месте городища Кампыртепа, у одной из переправ через Амударью [16, с. 182-188]. Сейчас эта гипотеза находит подтверждение в археологических исследованиях данного городища.

Среди большого числа находок с этого городища выделяются три острaka с древнегреческими граффити, по мнению К. Рапэна, II в. до н. э. Одно из них передает греческое имя, начинавшееся с «Клет...», два других - меры веса и жидкости, выраженные в драхме и хое. Эти находки, о которых мы подробно написали в статье, опубликованной в Париже [15, с. 20-24], имеют чрезвычайно важное значение для подтверждения нашей гипотезы. Они убедительно свидетельствуют о проживании здесь в первых веках до н. э. греческого населения, знакомого с правилами и нормами греческого языка и письменности. Вполне вероятно поэтому, что городище Кампыртепа было основано по велению эллинских правителей Бактрии как военное поселение-катойкия для охраны важнейшей переправы, через которую шла прямая дорога в столицу Бактрии - Бактры (на месте современного Балха в Северном Афганистане). Весьма существенно и то обстоятельство, что первоначальная стена цитадели Кампыртепа возведена в традициях эллинской фортификации с протейхизмой и «глухими» бастионами без внутрибашенных помещений.

Не менее значимо и другое обстоятельство. На Кампыртепе найдено весьма большое количество монет, а во многих помещениях - значительное число больших хумов - сосудов для хранения жидкостей и зерна. Все это свидетельствует о ярко выраженном торговом характере данного поселения, выполнявшего, вероятно, и функции таможни, и функции гостиницы для проживавших здесь людей, о чем говорит наличие большого числа помещений складского характера на цитадели Кампыртепа. Здесь же найдены монеты эллинских правителей Бактрии: Антиоха I (280-261 гг. до н. э.), Диодота (250-230 гг. до н. э.), Евтидема (230-200 гг. до н. э.), Деметрия (200-185 гг. до н. э.), Евкратиды (171-155 гг. до н. э.), Гелиокла (155-140 гг. до н. э.), керамика типа амфор, фиал и кратеров и предметы быта, к примеру, ключи, а также терракотовые статуэтки, выполненные в эллинистических традициях.

Примечательно также, что всего лишь в 0,5 км от Кампыртепа расположено поселение Шортепа, датируемое VI - IV вв. до н. э., рядом с которым вскрыто погребение эпохи поздней бронзы. В связи с этим вспомним, что у Хафиз-и Абру изложены две версии основания Пандахейона. По одной из них, он возник задолго до Александра Македонского, по другой основание его приписывается Александру.

Имеющиеся сейчас фактические данные, таким образом, подтверждают первую версию Хафиз-и Абру, в которой, видимо, нашли отражение отголоски старых представлений о Пандахейоне как о древнейшей переправе через Окс на участке между Термезом и Келифом. Несомненно, что древнее бактрийское население еще в эпоху первобытнообщинного строя и задолго до Александра освоило эту переправу. С другой стороны, создание у этой переправы крепости связано с эпохой эллинизма, что отразилось в греческом названии

этого места - Пандахейон - и подтверждается приведенными выше данными археологических изысканий.

Библиография:

1. Бартольд В. В. Хафиз-и Абру и его сочинения // Соч. VIII. М., 1973.
2. Дьяконов И. М., Дьяконов М. М., Лившиц В. А., Массон М. Е. Налоговые парфянские документы II в. до н. э. из Нисы // Материалы ЮТАКЭ. Вып. 2. М.-Л., 1951.
3. Кругликова И. Т. Дильберджин - кушанский город в Северном Афганистане // Археология Старого и Нового Света. М., 1982.
4. Кругликова И. Т. Дильберджин (раскопки 1970-1972 гг.). Ч. I. М., 1974.
5. Махмуд ибн Вали. Море тайн. Ташкент, 1977.
6. Неразик Е. Е. Некоторые вопросы истории и культуры городов древнего Хорезма в свете раскопок городища Топраккала // Городище Топраккала. М., 1981.
7. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966.
8. Ртвеладзе Э. В. К локализации «греческой переправы» на Оксе // ВДИ. 1977. 4.
9. Ртвеладзе Э. В. Культовые и погребальные сооружения кушанского времени на Кампыртепе // Ученые записки Комиссии по изучению памятников цивилизации древнего и средневекового Востока. М., 1989.
10. Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость на Кампыртепе // ВДИ. 1984. 2.
11. Ртвеладзе Э. В. Разведочное изучение бактрийских памятников на юге Узбекистана // Древняя Бактрия. Л., 1974.
12. Савчук С. А. Цитадель Кампыртепе // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1983.
13. Усманова З. И. Эркала: новые данные к археологической стратиграфии Эркала // Труды ЮТАКЭ. Т. II. Ашхабад, 1969.
14. Henning W. B. The Bactrian Inscription // BSOAS, 23 (1960).
15. Minorsky. V. F. A Greek Crossing on the Oxus // BSOAS. 30 (1967).
16. Rtveldze E. V. Decouvertes en numismatique et epigraphie Greco-Bactriennes a Kampyr-Tepe (Bactriane du Nord) // RN (150 v.). Paris, 1995.
17. Rtveldze E. V. Les edifices funeraires de la Bactriane Septentrionale et leur rapport au zoroastrisme // Cultes et monuments religieux dans l'Asie Centrale preislamique. Paris, 1987.

ГРАДОСТРОИТЕЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КАМПЫРТЕПА ЭПОХИ КУШАН

Д. Русанов

Стационарные археологические и архитектурные исследования античной крепости Кампыртепа проводятся с 1982 г.¹, но строительная практика этого памятника до сих пор не была предметом специального изучения. Предпринимались попытки, в том числе автором этих строк, графически воссоздать архитектуру Кампыртепа. При этом за рамками исследований оставались вопросы, касающиеся общих тенденций строительной практики, формирования жилой и культовой архитектуры на Кампыртепа. В недостаточной мере изучена архитектура жилых сооружений, хотя основная масса построек этого памятника относится именно к данной категории сооружений.

Пока не изучены нижние строительные горизонты цитадели, представляющие самый ранний - греко-бактрийский период формирования поселения. Однако уже сейчас есть возможность охарактеризовать основные направле-

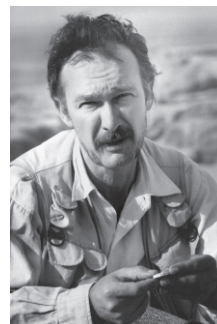

Рис. 1.
Этапы застройки
Кампыртепа в I-II вв.
нашей эры:

а) возможный первый
этап застройки;

б) возможный второй
этап застройки.

ния развития застройки и композиционно-планировочной организации территории памятника великокушанского времени.

К настоящему времени на основе стратиграфических данных выявлено три исторических периода формирования Кампыртепа [8, с. 222]:

1. Греко-бактрийский период - время возникновения крепости на месте будущей цитадели (III - II вв. до н. э.).

2. Юечжийско-кушанский период - время частичного обживания цитадели (II - I вв. до н. э.).

3. Великокушанский период - время интенсивного строительства и формирования мощной крепости (I - середина II в. н. э.).

Изучение архитектуры фортификационных сооружений внешней линии крепостных стен поселения позволило выявить несколько этапов их эксплуатации, два из которых приходятся на великокушанский период и один на позднекушанский (конец II - III в. н. э.), когда башни использовали под склепы для захоронений [5, с. 66].

Первый этап. Основной, интенсивный подъем строительства жилых сооружений приходится на конец первого - начало второго этапа формирования крепости, когда жилая застройка «выплескивается» за границу цитадели и образует жилые и хозяйственные зоны в границах новой линии крепостных стен поселения. Однако для характеристики первого этапа, приходящегося на время правления Сотера Мегаса, еще недостаточно материалов.

Второй этап. Он приходится на время правления Кадфиза II и Канишки I. Как уже отмечалось рядом исследователей, застройка Кампыртепа делилась на крупные жилые блоки [8, с. 221; 10, с. 74]. Все жилые дома независимо от планировки и внешнего облика сгруппированы в блоки-кварталы, которые включали 1, 2-3, иногда до 9 жилых домов. Анализируя планировку цитадели, можно условно выделить шесть жилых (Бл. 1, Бл. 2, Бл. 3, Бл. 4, Бл. 6, Бл. 7) и один общественный блок застройки (Бл. 5) (рис. 1а). Блоки были разделены узкими кривыми улочками-коридорами шириной 1,1 - 2,5 м. Каждый жилой блок включал несколько жилых ячеек-домов, которые, в свою очередь, имели несколько помещений. В их состав входили кухонные, складские и спальные помещения. Можно предположить, что в некоторых домах были маленькие дворiki, необходимые для проветривания жилых и кухонных помещений при большой глубине застройки.

Выявление планировки на большей части цитадели показало, что жилая застройка рассматриваемого периода не имела четкой прямоугольной планировочной структуры. Однако при внимательном рассмотрении можно заметить некоторое подобие радиальной композиции плана застройки, где планировочным центром являлся культовый комплекс, речь о котором пойдет ниже. Возможно, уже в греко-бактрийское время подготовленные под застройку террасы определили горизонтальные площадки в виде сегментов для будущих блоков-кварталов. Так или иначе, застройка цитадели кушанского времени получила радиально-кольцевую схему плана. Такая планировка могла сформироваться в силу уже сложившейся более ранней застройки, которая обязана была учитывать рельеф древней материковой поверхности этого участка. Поэтому застройку цитадели Кампыртепа нельзя считать хаотичной.

Планировка жилой застройки цитадели на этом этапе наглядно отражает процесс роста плотности населения Кампыртепа. Это хорошо видно на примере приспособления некоторых помещений западного, а также восточного участков фортификации под жилые и хозяйственные помещения [10, с. 76]. В это же время жилая застройка блоков претерпевает стихийную перепланировку в пределах ограниченного пространства цитадели. Изначально крупные помещения перегораживаются стенками, делаются новые входы, образуются неудобные в использовании вытянутые коридорообразные помещения. Происходит массовая перепланировка крупных жилых домов с целью образования пусть небольших, но нескольких самостоятельных жилых ячеек.

Такое дробление хорошо заметно на примере помещений 32, 33, 35, 40, 45, 60, 67, 69, 98 (рис. 2).

Указанная тенденция в жилой архитектуре Средней Азии хорошо известна и характеризует изменение структуры и численности семей. В условиях плотной городской застройки дети хозяина дома, образовав свои семьи, вынуждены претендовать на определенное жилье родителей. Наличие в блоках застройки жилых ячеек с одним, двумя, тремя и более помещениями свидетельствует об одновременном проживании здесь разных по составу семей (рис. 3а, б, в, г). Это доказывает, что цитадель того времени была застроена жилыми постройками, а не только казарменными сооружениями для военного контингента крепости². В то же время культовый блок, занимающий западную часть застройки и включающий самые большие помещения, остается нетронутым.

Застройка западной части цитадели включает культовый комплекс из четырех помещений (рис. 2; пом. 5, 9, 11 и 15). Комплекс состоял из большого прямоугольного помещения (пом. 5), из которого можно было попасть в квадратное алтарное помещение меньшего размера (пом. 11), соединяющееся с совсем маленьким (пом. 9). В комплекс входил и коридор (пом. 15), который огибал квадратное помещение с алтарем (рис. 4).

Принадлежность этих помещений храму огня не вызывает сомнений и не только потому, что здесь был обнаружен алтарь огня, но и потому, что выявленная планировка повторяет классическую схему храма огня, обнаруженного на горе Кухи-Хаджа в Систане, на юго-востоке Ирана. Хотя храм в Систане, относящийся к селевкидскому или раннепарфянскому времени, перестраивался, в греко-бактрийский период была повторена та же планировочная схема. Именно в греко-бактрийское время в планировочную композицию храма был включен коридор, огибающий квадратные помещения храма [2, с. 106-107]. Наличие аналогичного комплекса помещений и коридора в планировке храма на Кампыртепа свидетельствует о том, что строители были знакомы со схемой храма огня, характерной для Ирана III - II вв. до н. э., которую успешно применяли и в Бактрии. Более того, максимальное уплотнение застройки на цитадели, как уже говорилось, не затрагивает традиционной планировки культового зороастрийского комплекса. И это вполне закономерно, так как расширение жилых площадей за счет храмовых маловероятно.

Интересно отметить, что на перекрестках улочек-коридоров располагались небольшие помещения, как правило, состоящие из одной комнаты (рис. 2, 5; пом. 44, 51, 57, 81?). Возможно, в них находились торговые лавочки. Наличие небольших торговых помещений на пересечении улиц - отличительная черта жилых образований. Именно на перекрестках городских дорог испокон веков формировались торговые ряды. На цитадели Кампыртепа в этих маленьких лавочках могла происходить торговля всякой бытовой мелочью и продуктами питания. Стесненные условия плотной застройки цитадели не позволяли организовывать здесь большие базарные площади, которые больше характерны для шахристанов крупных городов, как, например, Дальварзинтепа³. С другой стороны, лавочная форма торговли характерна для жилых образований типа махалля средневековых городов Средней Азии. Архитектор И. Азимов на основе выявленной планировки цитадели предложил удачный вариант графич-

ческой реконструкции цитадели Кампыртепа (рис. 6), передающий колорит среднеазиатского городка [1, с. 89-91; 8, с. 55].

Северный участок крепостных стен цитадели до нас практически не сохранился, чего нельзя сказать о восточном. Поэтому малоубедительным кажется предположение о том, что северный участок был со временем смыт водой. Вероятно, что кирпичи верхних частей крепостных стен цитадели были вторично использованы при возведении новых стен, тем более, что с момента возведения второй линии обороны цитадель потеряла свое первоначальное назначение. Однако надо отметить, что стены были разобраны не полностью и центральный участок застройки оставался отгороженным, пусть уже не высокими, но все же стенами (рис. 2). Поэтому застройка цитадели не получила планировочного раскрытия в направлении новых жилых блоков и оставалась обособленным планировочным центром. Это, возможно, вызвано сохранением некоторых охранных функций.

К этому же этапу великокушанского периода относятся строительные работы, связанные с интенсивным обживанием новой территории поселения. На это время, в первую очередь, приходится строительство новой крепостной стены, необходимой для защиты новых участков поселения. Стена в начале этого строительного периода не имела башен и была воздвигнута с максимальным использованием природного рельефа местности. Изучение данного участка крепости показало, что часть помещений, примыкающих к крепостной стене, имеет трапециевидную или близкую к треугольной форму плана. Эта неудобная планировка продиктована уже существовавшими к тому времени границами крепости [9, с. 15].

После этого были осуществлены большие объемы подготовительных строительных работ по созданию площадок под будущие постройки. Раскопки, проведенные на разных участках памятника, выявили характерную особенность всех сооружений Кампыртепа великокушанского времени - наличие террас, на которых покоятся стены сооружений. Верхние террасы сооружались способом горизонтальной подрезки материкового грунта, а нижние - способом подсыпки высвободившейся земли. Более того, чтобы придать террасам прямоугольную форму, удобную для возведения на ней построек, кампыртепинские зодчие укрепляли нижние края террас подпорными стенками, сложенными из сырцовых кирпичей. Надо отметить, что способ возведения террас под застройку широко применялся бактрийскими зодчими. Большинство пещерно-дворовых буддийских комплексов Каратепа были возведены на специально устроенных террасах, а недавно обнаруженная там буддийская ступа имела нижнюю платформу, покоящуюся на вырезанной в материке террасе.

После возведения крепостной стены и жилых построек на новых, включенных в поселение территориях был предпринят ряд благоустроительных мероприятий. Ров, некогда опоясывавший цитадель и с момента возведения новой линии обороны утративший свое фортификационное назначение, засыпается хозяйственным мусором. Над ним мостится в два слоя кирпичей поверхность улицы [10, с. 78]. Эта улица, опоясывающая центр поселения - цитадель, за исключением восточного и, возможно, юго-восточного участков, где она, вероятно, проходила по противоположному краю оврага, определила дальнейшую планировочную ориентацию возводимых жилых блоков поселения. Так или иначе, но все выявленные улочки между жилыми блоками «вли-

ваются» в ту, которая опоясывала центральную часть поселения. Этот принцип радиальной планировки улиц присутствует на всех изученных участках Кампыртепа. Это подтверждается также новыми данными раскопок 1999 г. (раскопки К. Шейко и Дж. Ильясова).

За время раскопок на Кампыртепа были выявлены в общей сложности семь жилых блоков за пределами цитадели. Судя по микрорельефу, на сохранившейся территории поселения их могло быть не менее десяти (рис. 1б). Надо сказать, что планировка новых жилых блоков немногим отличается от планировки застройки территории цитадели. Улочки также делят их на блоки-кварталы, блоки содержат жилые дома с характерным составом помещений и внутри каждого блока тоже имелось квартальное святилище. Однако необходимо отметить немаловажную деталь: в новой застройке помещения имеют более крупные размеры и прямоугольные планы (рис. 7). Это различие объясняется тем, что некоторые участки застройки Кампыртепа не претерпели процесса жесткого уплотнения жилых образований. Поэтому выявленная планировка на участках блоков Bl. 1, Bl. 2, Bl. 3 и Bl. 4 выглядит более просторной.

К этому периоду можно также отнести второй этап формирования крепостной фортификации. Вероятно, уже в конце I - начале II в. н. э. к стене через расстояние в 15-17 м были пристроены прямоугольные башни [6, р. 155]. Под основанием своих стен они имеют слои, характеризующие период интенсивного и достаточно мирного, позволившего какое-то время не следить за состоянием оборонительных сооружений, обживания пространства внутри крепостных стен. Но затем, видимо, мирный отрезок жизни закончился и появившаяся внешняя угроза заставила укрепить крепостную стену за счет возведения выступающих за грань стены башен с бойницами. Последние раскопки северного участка Кампыртепа выявили дополнительные сооружения в виде платформ, примыкающих к крепостной стене, но уже с внутренней стороны⁴.

Интерьеры помещений изученной части Кампыртепа достаточно просты. До настоящего времени не обнаружено настенных росписей, монументальной скульптуры, резного дерева. Художественное оформление домов ограничивалось возведением суф-лежанок, ниш для светильников и образков, многократным оштукатуриванием и побелкой стен. Однако хотелось бы отметить некоторые культовые помещения, оборудованные алтарями-каминами, которые вносили некоторое разнообразие в незатейливые интерьеры жилых блоков (рис. 7а, б). Это так называемые семейные святилища, имевшие отдельные, независимые от жилых помещений, входы со стороны улиц-коридоров (рис. 2, 7; пом. 33, 95).

Святилища, оборудованные алтарями огня, выполненными по типу пристенных каминов, содержались, вероятно, на средства приверженцев зороастрийской религии, проживавших на территории одного блока и являвшихся членами одной семьи. В отличие от главного святилища, находящегося в западной части цитадели, разбросанные по блокам квартальные святилища не имели четкой типовой планировки (рис. 7в, г). Однако все они имели двух- или трехчастную схему построения плана. Ориентация алтарей не имела принципиального значения. Обнаружены алтари, пристроенные к южной, западной или восточной стене и, как правило, приподнятые над полом за счет невысоких подиумов [7, с. 144].

Содержанию такого святилища уделялось большое внимание, о чем сви-

детельствуют многочисленные ремонты стен и декоративное оформление самих алтарей. Каменные основания под деревянные колонки, которые оформляли алтарь в пом. 95 на цитадели, очень интересны с точки зрения стилового направления в декоре интерьера (рис. 8). Дело в том, что они, будучи выточенными из целого камня, являют собой пример нехарактерных для эллинистических пропорций профилей каменных оснований. Более того, порода камня отлична от той, которая в то время повсеместно использовалась для изготовления каменного декора в Северной Бактрии. Вероятно, пропорции обнаруженных микробаз несут в себе отголоски форм архитектурного ордера, сформированного на основе местных художественных традиций.

На разных участках Кампыртепа в разные годы были обнаружены фрагменты каменного архитектурного декора. Белый камень, из которого они изготовлены, - это хорошо известный мраморовидный известняк - главный облицовочный материал каменного оформления сооружений. Кампыртепинские фрагменты являются частями античного архитектурного ордера, некогда украшавшего монументальное здание. Такого сооружения на изученной территории памятника не обнаружено, и можно полагать, что эти фрагменты переложены из более ранних культурных слоев цитадели либо принесены с несохранившегося, смытого Амударьей, участка застройки Кампыртепа. Поэтому есть все основания предполагать существование на Кампыртепе монументальных построек административного или культового назначения, которые не сохранились до настоящего времени. Возможно, эти сооружения относятся к греко-бактрийскому времени и находятся в нижних культурных слоях памятника. В любом случае выявленная планировка великокушанского периода не характерна для застройки, окружавшей монументальные сооружения.

Выявленная структура уличной сети на цитадели (рис. 2)⁵ свидетельствует о том, что южную, несохранившуюся часть с северной связывала только одна узкая улица-коридор (коридор 5), в отличие от северной, куда ведут два подобных коридора (коридор 2 и 4). Коридор 5 мог обеспечивать доступ в помещения блока, которые когда-то находились в юго-восточной, несохранившейся части застройки (Бл. 7 и частично Бл. 6). Помещения юго-западного блока (Бл. 6) проходами ориентированы на магистральную улицу-коридор (коридор 1). Если бы этот блок имел большие размеры в южном направлении, то помещения в центральной части его не имели бы выхода на уличную сеть. Поэтому можно предположить, что несохранившаяся, южная часть застройки цитадели была гораздо меньше северной.

Объемно-планировочное решение жилых построек Кампыртепа I - II вв. н. э. предусматривало в общей массе строительство одноэтажного жилья. Однако на основании археологического материала, полученного в процессе изучения восточных участков застройки, примыкающих к крепостной стене (рис. 6, Вл. 5, пом. 9, 23), можно утверждать, что сооружения имели эксплуатируемую крышу. Обнаруженные на этом участке лестничные марши, сложенные из сырцового кирпича, не исключают также существование здесь частичной двухэтажной застройки. Интересные наблюдения сделаны автором после раскопок сооружений крепостной фортификации на северном участке поселения (Вл. 6)⁶. Они также позволяют говорить о конструкции крыш и использовании их поверхности в хозяйственных целях [11, с. 16]. Так, крыши сооружений использовались для высушивания фруктов в летнее и осеннее время года. Такая традиция

использования плоских земляных крыш до сих пор бытует среди сельского населения Средней Азии.

К концу второго этапа (вторая четверть - середина II в. н. э.) намечается сокращение строительной деятельности на Кампыртепа. Это хорошо заметно по тому, что под хозяйственные нужды приспособляются фортификационные постройки северной части поселения. В галерее появляются многочисленные очаги, хозяйственные ямы, устанавливаются хумы. В жилых постройках не производят ремонт помещений, а входы в некоторые помещения закладываются. В это же время подобные изменения происходят и в других кварталах Кампыртепа. Согласно материалам раскопок восточного блока-квартала (Bl. 2), планировка жилых помещений, полы которых датируются монетами Канишки I, подвергались незначительным перестройкам. Они заключались в том, что часть помещений перегораживалась стенками, проходы других вовсе закладывались, исключая их из состава используемых помещений.

Такая тенденция прекращения строительной деятельности и сокращения используемых сооружений как-будто бы, с одной стороны, отражает процесс сокращения численности населения и затухания жизни на поселении. С другой стороны, не исключено, что подобные перестройки связаны с изменением функций поселения. И только во второй четверти - середине II в. н. э., когда жизнь в поселении полностью прекратилась, башенные пространства крепостной стены стали приспособлять для захоронений.

Что могло привести к прекращению жизни на Кампыртепа? Ведь люди не ушли из этого района, о чем свидетельствуют их захоронения в башнях. Этот вопрос всегда интересовал исследователей данного памятника, которые сошлись на том мнении, что поселение стало размываться водами Амударьи. Ныне Амударья находится на большом удалении от поселения и трудно представить себе, насколько река должна была быть полноводной, чтобы доходить до Кампыртепа. Однако при обследовании археологических памятников округа Дальварзинтепа удалось выяснить, что все поселения в пойменной части Сурхандарьи между Дальварзинтепа и руслом реки основаны не ранее VI в. н. э. [4, с. 222-227]. За исключением одного, полностью разрушенного тепа, все другие поселения появились в период раннего средневековья. В то же время территория, расположенная выше Дальварзинтепа, насыщена античными поселениями. Возможно, это связано с тем, что античные поселения и могильники, находившиеся в пойменной части, были разрушены водами реки во время сильного наводнения. Видимо, это природное явление также способствовало затуханию жизни на Дальварзинтепа. Насколько это городище пострадало от наводнения, явствует из фотоснимка, сделанного из космоса в 1964 г. [12, р. 159]. На снимке хорошо видно, как изменялось русло реки Сурхандарьи. В какой-то период река дошла до городища и разрушила юго-восточную крепостную стену шахристана.

Тогда же частично был размыт участок, на котором в 1997 г. был обнаружен некрополь с захоронениями в керамических саркофагах, предварительно датированных кушано-сасанидским периодом [3, с. 37-40]. В 1999 г. на участке, подвергшемся в прошлом размытию рекой, было обнаружено несколько фрагментов керамических саркофагов, аналогичных ранее найденным. Это говорит о том, что разрушение Дальварзинтепа рекой могло произойти ранее III в. Сурхандарья как один из главных притоков сильно влияла на уро-

вень Амударьи. Поэтому возможно, что во второй четверти II в. н. э. в силу каких-то стихийных причин уровень воды в этих реках поднялся настолько, что поселения, находящиеся в поймах рек, попали в зону затопления. Это время хорошо согласуется со временем начала разрушения Кампыртепа. В этой связи можно упомянуть разрушения цитадели античного Термеза и восстановление укрепительных сооружений береговой линии в развитое средневековье. Вероятно, из-за этого же наводнения стали вымываться песочные слои надпойменной террасы, на которой находилась крепость Кампыртепа. Это повлекло за собой разрушение материкового массива под поселением. Метр за метром в мутные воды Амударьи уходили постройки крепости, и люди стали оставлять свои жилища и покидать Кампыртепа.

Итак, строительная деятельность великокушанского времени на Кампыртепе прошла несколько фаз в своей истории. Время расцвета - I - первая четверть II в. н. э., период упадка относится ко второй четверти II в. н. э. Кампыртепинские жилые дома не имели четкого типового плана и были больше похожи на простые сельские поселения предгорной местности. В постройках жилых блоков применялись сырцовые кирпичи квадратного формата, деревянные конструкции перекрытий и обожженная плитка. Связующим раствором служили глина и алебастр (гипс), смешанный с пойменным песком. Стены покрывались глиносаманной штукатуркой, поверх которой в некоторых помещениях осуществлялась побелка.

Архитектура жилых и культовых построек проста и лаконична. Качество строительства жилых домов практически одинаковое, что свидетельствует об одинаковом благосостоянии населения блоков-кварталов. Многочисленные ремонты квартальных святилищ с алтарями огня свидетельствуют о почитании населением культа огня.

Жилые сооружения Кампыртепа отчетливо демонстрируют среду проживания рядовых жителей небольшого кушанского городка-крепости, их скромный быт и религиозные представления. Выявленная планировка этого интересного памятника позволяет рассматривать жилище в общем контексте застройки города-крепости, который в течение последующих семнадцати веков был погребен под толщей земли.

Примечания:

¹ В состав Кампыртепинского отряда входил и автор настоящей статьи. Первые топографические и планировочные обмеры памятника и его окружи были сделаны архитектором И. Луньковой. Эта значительная по объему работа проводилась с использованием геодезических приборов. В дальнейшем эти обмеры продолжил автор статьи, которому И. Лунькова передала свои практические навыки работы, за что автор ей признателен.

² В северной части застройки цитадели есть два однотипных дома, каждый из которых состоит из одного помещения, разделенного перегородкой. Это простейшее жилище, больше напоминающее «гостиничный номер», нежели жилой дом, вполне могло быть местом отдыха для военного контингента крепости. При внимательном рассмотрении плана застройки становится очевидным, что соседние, расположенные вдоль галереи, помещения имели до перепланировки подобную схему. Поэтому можно пред-

положить, что цитадель на предыдущем строительном этапе вдоль крепостных стен была застроена «казарменными помещениями», с выходами в галерею.

³ В то же время остается невыясненным назначение платформы, находящейся в центральной части застройки цитадели и вымощенной сырцовыми кирпичами (пом. 17). Рядом с этим помещением находилось другое большое помещение складского характера, так называемая «хумхона». Возможно, это место было отведено для торговли в специальные дни. Однако, исходя из количества жилых домов, находящихся на цитадели, можно предположить, что лавочной формы торговли было вполне достаточно для обеспечения товарами первой необходимости и что население не нуждалось в базарных площадях. Поэтому более вероятно, что эти помещения имели другое общественное назначение, которое пока не выяснено.

⁴ Первое такое сооружение было открыто группой ленинградских археологов, работавших под руководством В. Никонорова. Второе подобное сооружение открыто археологом Дж. Ильясовым в 1999 г. Назначение их пока не совсем ясно, однако, по предположению Дж. Ильясова, они могли иметь фортификационное назначение.

⁵ Настоящий план застройки цитадели является результатом последних обмеров архитектурных остатков на цитадели, проведенных автором совместно с археологом С. Савчуком, а также включает открытую в предыдущие годы планировку построек, окружавших цитадель. Публикуется впервые.

⁶ Для удобства различия блоки застройки цитадели обозначены символами Бл. 1, Бл. 2, Бл. 3 и т. д., а блоки за пределами цитадели - соответственно Bl. 1, Bl. 2, Bl. 3 и т. д.

Библиография:

1. Азимов И. *Архитектура цитадели Кампыртепа* // ОНУ. Ташкент, 1995. 5-6-7-8.
2. Бойс М. *Зороастрийцы: Верования и обычаи*. М., 1988.
3. Ильясов Дж. Я., Русанов Д. В., Восковский А. А. *Саркофаг из Дальверзинтепа* // *Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития*: ТДК. Ташкент, 1997.
4. Исхаков М. Х., Маликов О. С. *Археологические памятники в округе Дальверзина* // *Дальверзинтепе: кушанский город на юге Узбекистана*. Ташкент, 1978.
5. Ртвеладзе Э. В. *Кушанская богиня* // *Вехи времен: Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана*. Ташкент, 1989.
6. Ртвеладзе Э. В. *Великий шелковый путь: Энциклопедический справочник: Древность и раннее средневековье*. Ташкент, 1999.
7. Русанов Д. В. *Фортификация Кампыртепе* // АСУ, Ташкент, 1991, 4.
8. Русанов Д. В. *Плоское глиносаманное перекрытие по деревянным балкам в древних сооружениях* // Маскан, Ташкент, 1992. 5-6.
9. Савчук С. А. *Цитадель Кампыртепе* // *Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана: В свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции*. Ташкент, 1989.
10. Rtveldaze E. V. *Kampir-tepe: Structures, Written Documents, and Coins* // *The Archaeology and Art of Central Asia: Studies from the Former Soviet Union* // *Bulletin of the Asia Institute*. V. 8. 1994.
11. Rusanov D. V. *The Fortification of Kampir-Tepe: A Reconstruction* // *The*

Archaeology and Art of Central Asia: Studies from the Former Soviet Union // Bulletin of the Asia Institute. V. 8. 1994.

12. Tanabe K., Hori A. et al. *Excavation at Dalverzin Tepe, Uzbekistan // Bulletin of the Ancient Orient Museum*. V.18. Tokyo, 1997.

Рис. 3.
Жилые дома в
застройке блоков на
цитадели
Кампыртепа.

- а) 2 комнатный
дом;
б) 3 комнатный
дом;
в-г) 4 комнатный
дом.

Рис. 4.
Центральный
культовый комплекс
в застройке
Цитадели
Кампыртепа:

- а) интерьер
алтарного
помещения;
б) общий план
комплекса;
в) план алтарного
помещения.

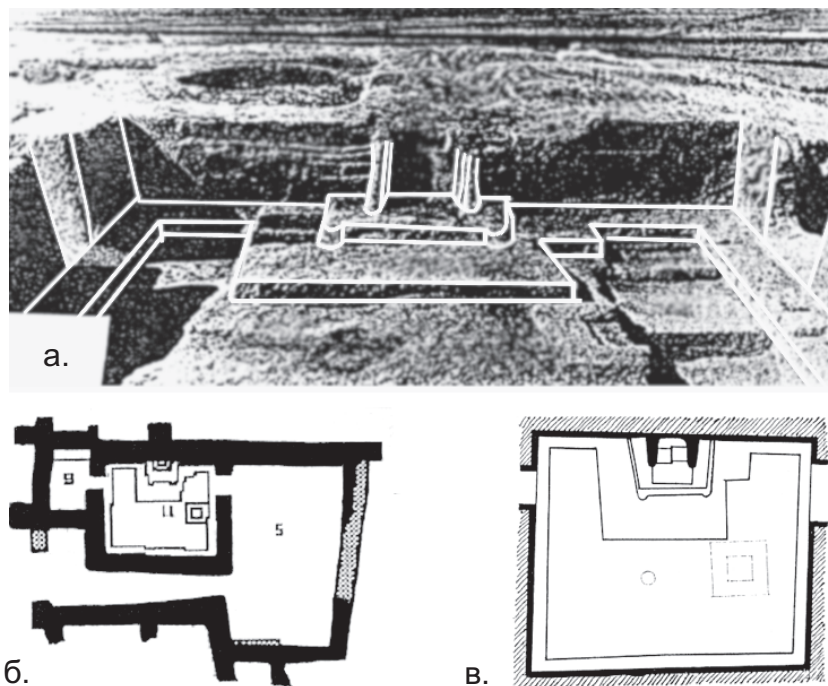
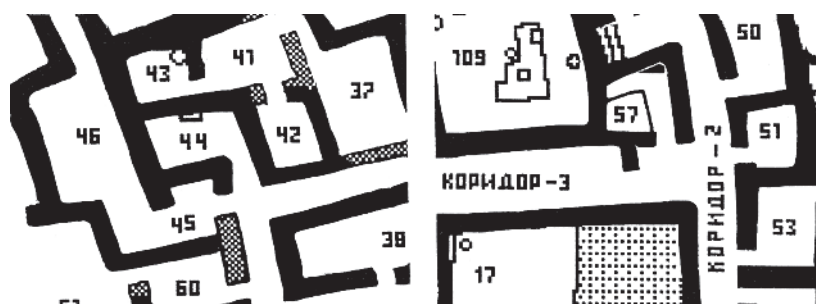

Рис. 5.
План торговых
лавочек в застройке
цитадели
Кампыртепа.

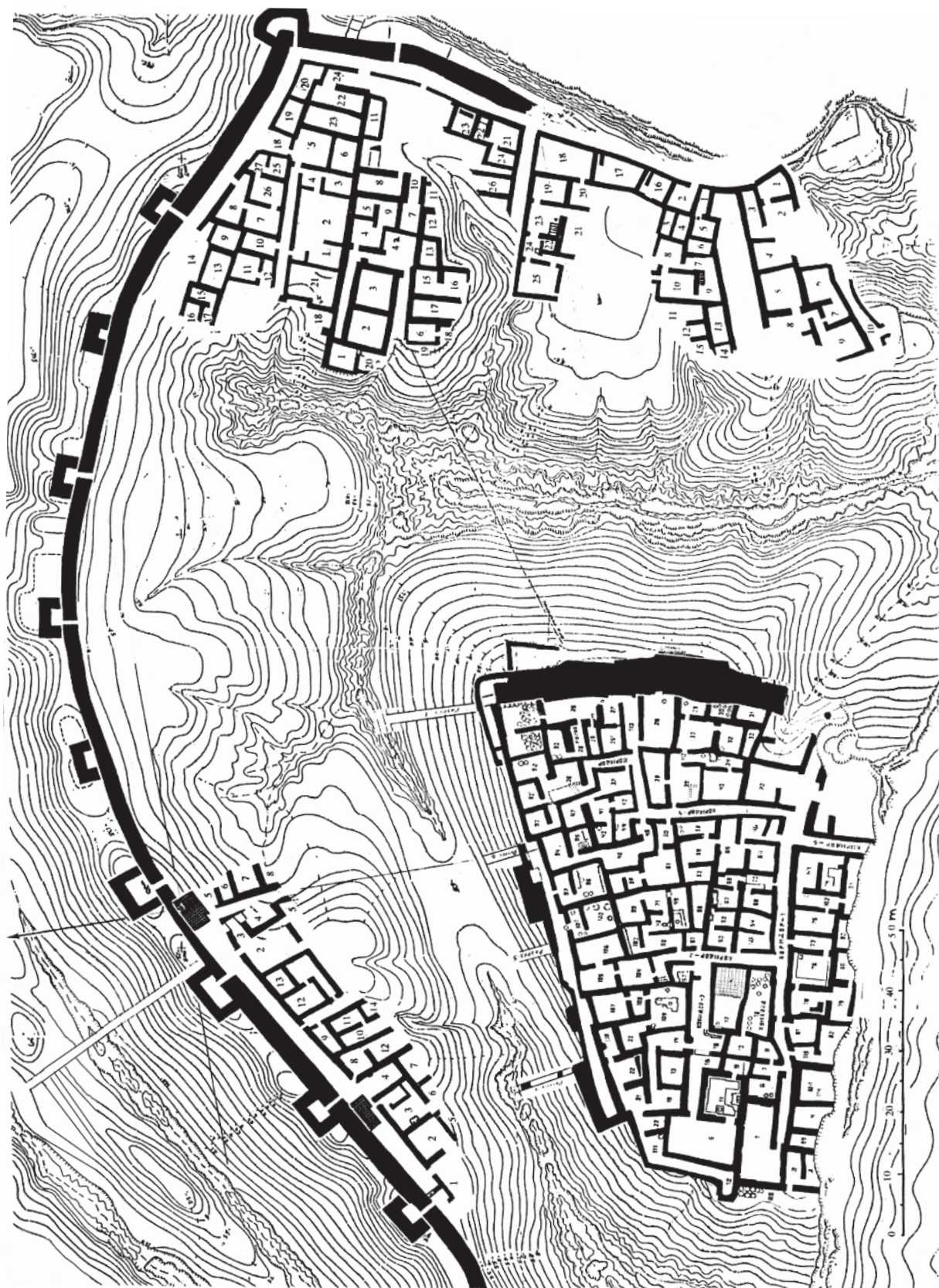

Рис. 6. Застройка в крепости Кампыртепа. Генеральный план.

Рис. 7.
Квартальные
святителища:

а) алтарь
квартального
святителяща
(цитадель, пом. 33);

б) алтарь
квартального
святителяща
(цитадель, пом. 95);

в) план
квартального
святителяща
(цитадель,
пом. 94, 95);

г) план
квартального
святителяща (Вл. 6,
пом. 3).

а) в)

б) г)

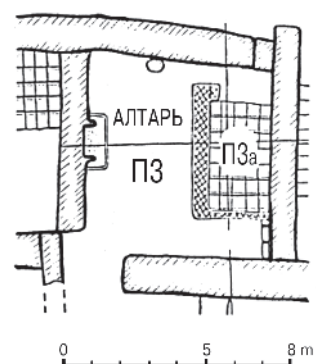
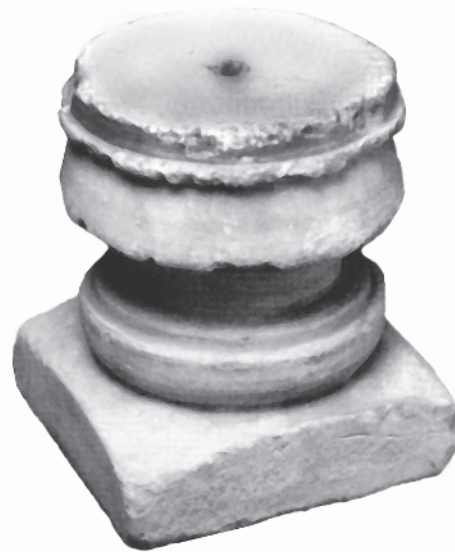
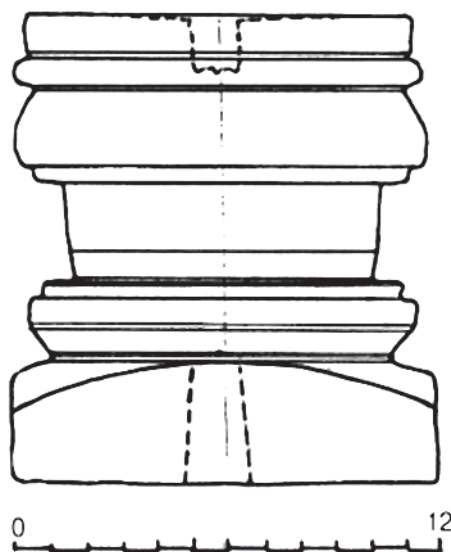

Рис. 8.
Каменные
базы колонн из
оформления алтаря
огня (цитадель,
пом. 95).

К ВОССТАНОВЛЕНИЮ АРХИТЕКТУРНОГО ОБЛИКА КУШАНСКОЙ КРЕПОСТИ КАМПЫРТЕПА

И. Азимов

Крепость Кампыртепа была построена в местности, имеющей сложный рельеф: лёссовые террасы и холмы, овраги и ложбины, которые были умело приспособлены для крепостных стен и города в целом. С южной стороны город защищала река, а с остальных трех сторон были возведены мощные стены. Цитадель занимает центральную, возвышенную часть, которая ныне с южной стороны частично смыта водами реки. По оси запад - восток ее протяженность составляет 100 м, по оси север - юг - 60 м, т. е. площадь достигает 0,6 га. С южной стороны от уровня поймы реки до верхней площадки цитадели более 20 м. По периметру цитадели были возведены сырцовые стены толщиной 5 м (рис. 6 в статье Д. Русанова).

Судя по археологическим материалам, Кампыртепа служила не только для военно-оборонительных целей. Здесь постоянно проживало значительное число семей, о чем свидетельствует множество остатков жилых домов, для которых характерно функциональное распределение помещений.

В юго-восточном углу цитадели в рельефе прослеживается пандус, возможно, здесь был въезд. Отсюда в направлении восток - запад протекает главная улица шириной около 2 м, ведущая к «дворцу» и «храму», построенным смежно в западной части цитадели. За ее пределами, на территории шахристана, сохранились фрагменты жилых построек, которые были возведены с учетом рельефа. По археологическим данным, дома здесь были ступенчатой композиции, на разных уровнях, где, вероятно, использовались и крыши в качестве террас. С внешней стороны к западу и востоку от городища находятся руины культовых и мемориальных сооружений.

Какой же была объемно-пространственная композиция данного поселения? Какова была архитектура цитадели? Остатки стен, фрагменты конструкций, многочисленные археологические находки и ближайшие аналоги позволяют воспроизвести первоначальный облик поселения-крепости.

В I-II вв. в Северной Бактрии, на берегу реки, в живописной рельефной

местности, на фоне гор Кугитанг возвышались монументальные стены крепости с двумя рядами стреловидных бойниц и прямоугольными башнями. Их графическую реконструкцию предлагает архитектор Д. Русанов [1, с.14-16]. За ними был возведен второй ряд стен цитадели с мощными бастionsами, над которыми, вероятно, выделялся силуэт зубчатого парапета «дворца» и «храма» (рис.1). В центре цитадели, в самой возвышенной части, со-

Рис. 1.
Панорама города,
вид с севера.

хранилась платформа. Возможно, здесь была сооружена наблюдательная площадка с легким навесом, откуда хорошо просматривалась прилегающая местность. Снаружи, по периметру стен шахристана и цитадели, был устроен ров глубиной более 5 м (рис.2). С южной стороны река делала крепость неприступной. Въезд в цитадель, очевидно, осуществлялся с восточной стороны, через ворота. Они здесь утрачены, но сохранившиеся ворота другого кушанского города - Дильберджина, который находится в нескольких десятках километров южнее Кампыртепа, могут служить аналогом. Ворота цитадели, вероятно, были фланкированы двумя башнями. Возможно, они были прямоугольными, с узкими камерами и бойницами в двух уровнях (рис.3). За воротами от главной улицы разветвлялись поперечные тупики. Если считать главную улицу относительной осью симметрии, то к югу от нее, видимо, находилась такая же часть, как в северной половине (рис.4). Однако она не сохранилась, и мы попытаемся представить в объеме лишь оставшуюся часть цитадели.

Прежде всего мысленно восполним разрушенные части стен в отдельных домах. Для сурхандарьинских построек кушанского времени, да и средневековых, и современных, характерно наличие замкнутых дворов и айванов. В блоках выделяются одно-, двух- и трехкомнатные дома (рис.6). Помещения прямоугольные либо квадратные, реже трапециевидные. Их размеры достигают 4х4 м, 4х7 м. Застройка вплотную примыкает к крепостным стенам, в которых имеется валганг - открытая галерея с бойницами. «Дворец» и «храм» были возведены в наименее уязвимой, самой удаленной от ворот части цитадели. Дворцовые постройки - более крупных размеров: двор - 6х6 м, зал - 4х2 м. О культовом назначении смежных построек свидетельствуют просторный зал (6х6 м) с алтарем и большой двор (6х11 м). Сразу за воротами находятся площадь (5х5 м) и квадратное помещение такой же величины. Возможно, здесь размещалась кордегардия.

Основным строительным материалом служит сырцовый кирпич (40х40х12 см). В структуре стен пахса чередуется с кирпичной кладкой (рис. 5). Примечательно, что такая техника возведения стен весьма устойчива и бытует здесь до наших дней. Достаточно сравнить хорошо сохранившиеся стены построек I - II вв. н. э. и современных зданий в той же местности: материал, форма и техника возведения идентичны. Стены толщиной около 1 м огораживали замкнутые помещения и дворы. Учитывая значительную толщину стен, можно предположить, что в интерьере оставлялись ниши для бытовой утвари, керамической посуды, которая здесь выявлена в большом количестве. Это чаши, кубки, вазы, кувшины, огнеупорные котлы, светильники. Здесь найдено

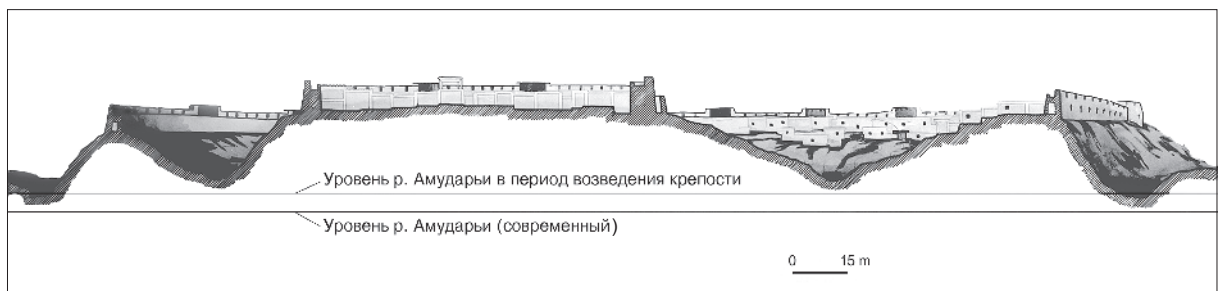

Рис. 2.
Разрез города по оси
запад-восток.

также множество крупных хумов. Нередко по периметру помещений возводились сырцовые суфы. На видном месте в жилой комнате устраивался алтарь. Формы и размеры алтарей очень разнообразны и заслуживают специального исследования. Помещения, вероятно, отапливались жаровнями в виде углублений в центре пола, либо пристенными каминами. Интерьеры отделывались глиняной, а затем известковой штукатурой.

Дверные и оконные проемы могли быть прямоугольной формы с дере-

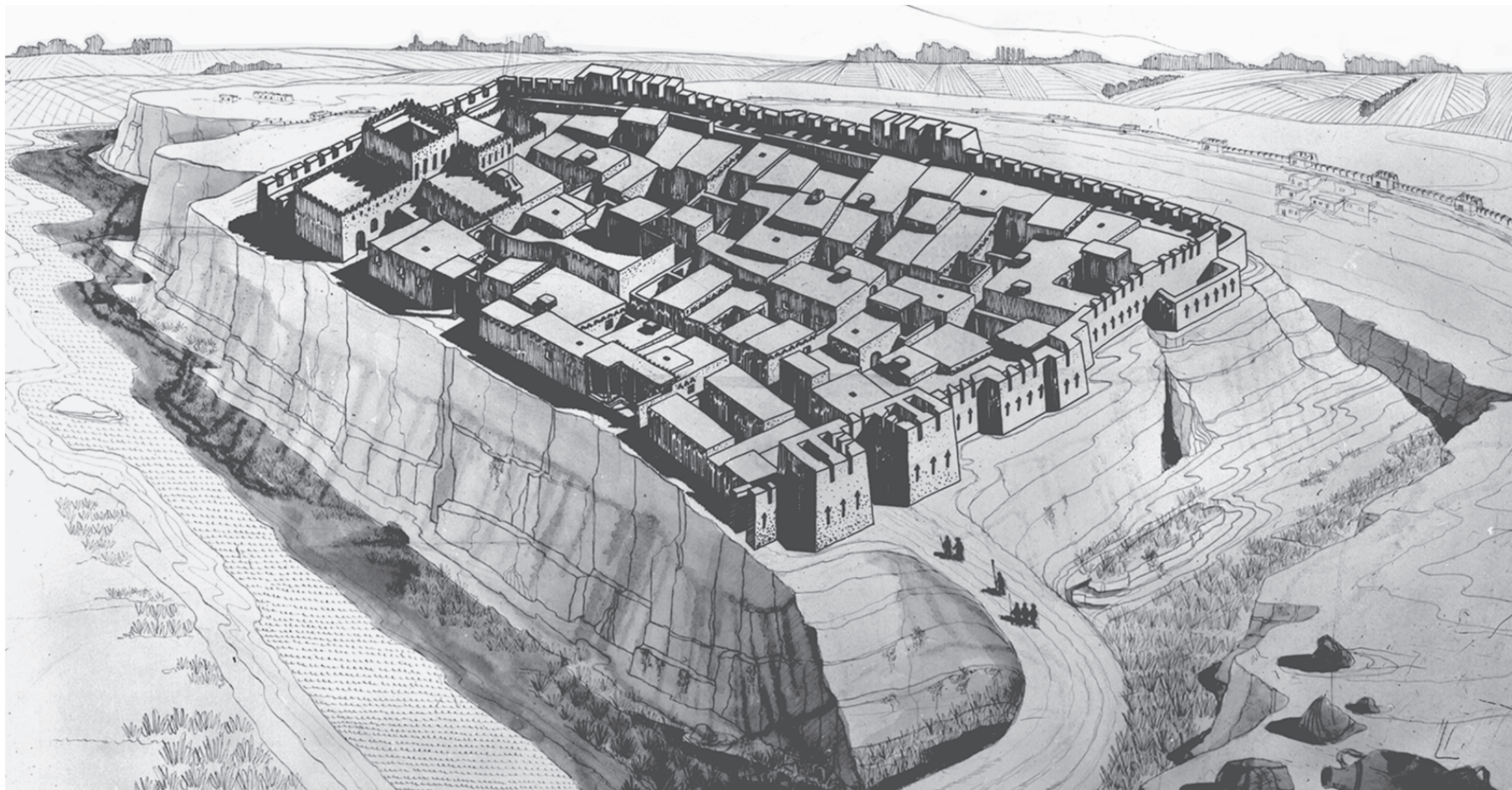

Рис. 3. Перспектива цитадели Кампыртепа. Реконструкция Э. Азова и И. Азимова.

вянными балками и с арочным завершением (рис. 5). Квадратные помещения, очевидно, перекрывались балками, которые последовательно укладывались под углом 45° , тем самым сокращая пролет, а в центральной части оставался небольшой проем для освещения и проветривания (рис. 7). Конструкции такого типа известны в Средней Азии уже более двух тысячелетий (дворец в Нисе, жилые дома в горных районах Таджикистана и др.). Плоское перекрытие прямоугольных комнат покоилось на деревянных балках, уложенных вдоль короткой стороны (рис. 7). Узкие помещения коридорного типа, возможно, имели сводчатые конструкции, образцы которых сохранились в мемориальных сооружениях (наусы) и в более поздних памятниках этой области (Кырккыз).

Кампыртепа органично вписывается в рельеф. Контуры повторяют формы местности, а постройки амфитеатром раскрывались к цитадели. С учетом климатических условий было обеспечено искусное сочетание летних дворов, айванов и зимних помещений. Кампыртепа - яркий пример градостроительного искусства Северной Бактрии, где материально воплощен богатый опыт строителей античной эпохи.

Рис. 4.
Предполагаемые
границы городища
Кампыртепа.

Библиография:

1. Русанов Д.В. Фортификация Кампыр-тепе // АСУ. 1991. 4.

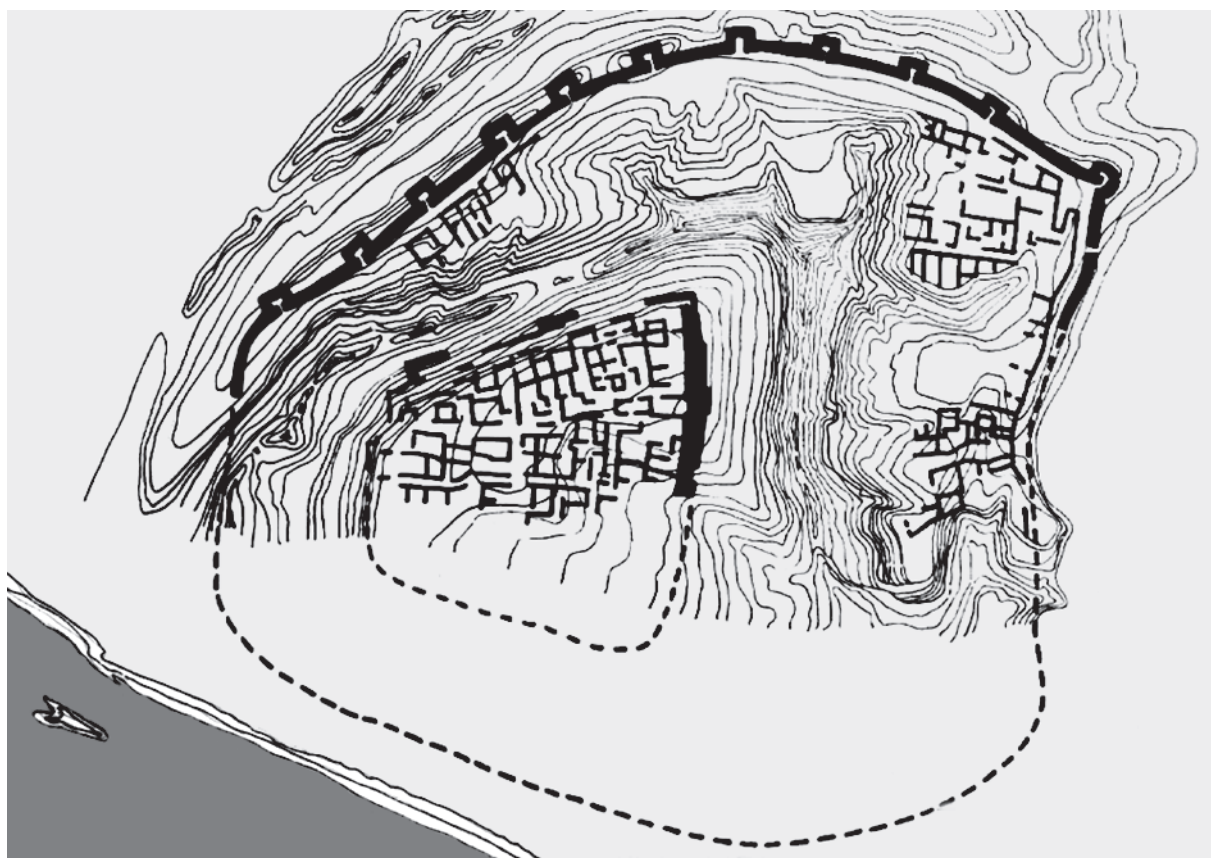
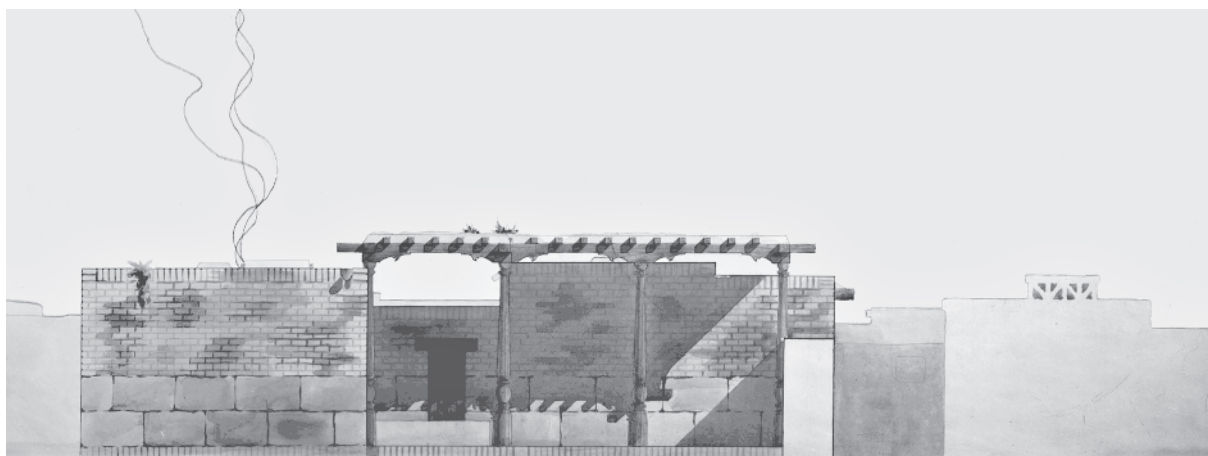
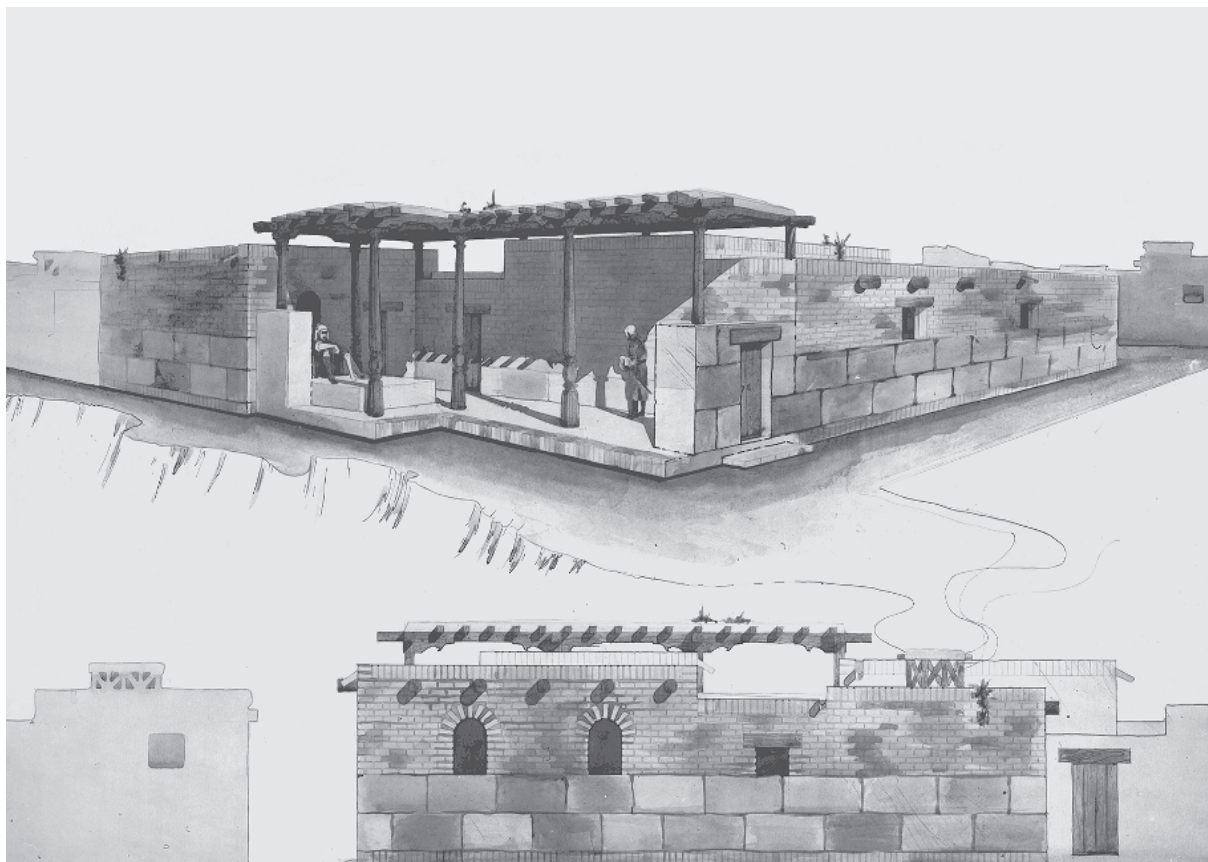

Рис. 5.
Перспективы и
фасады жилых
домов.

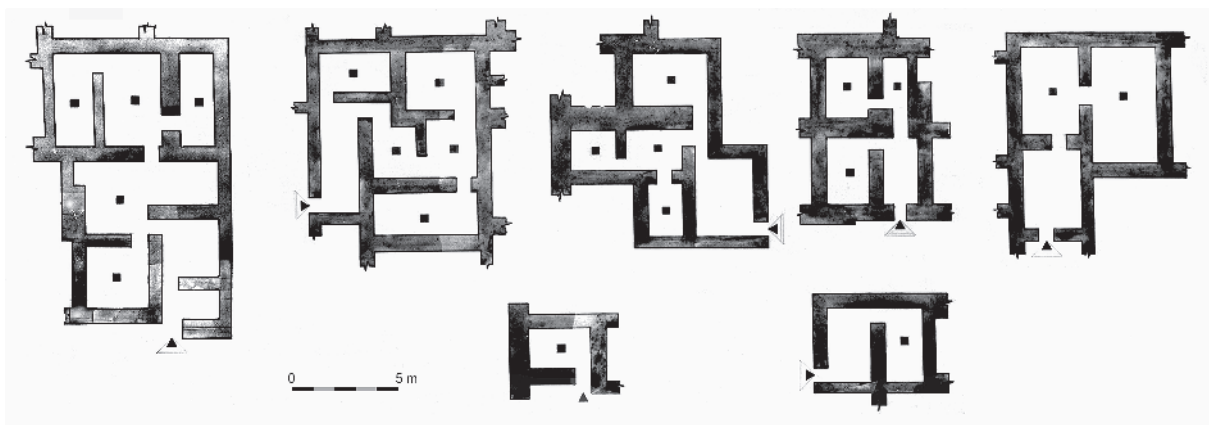

Рис. 6. План жилых домов на цитадели.

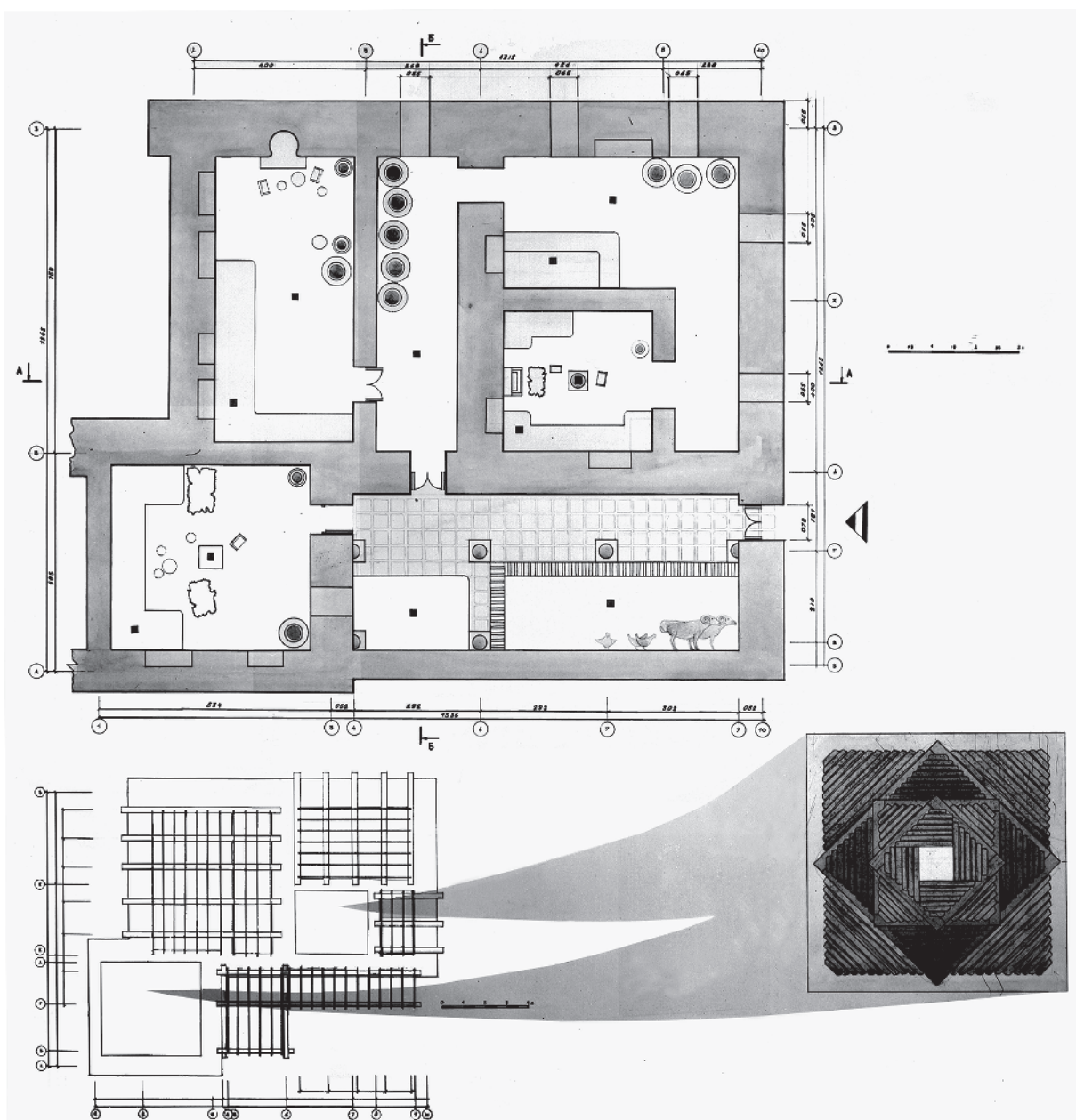

Рис. 7. План жилого дома; план балочных перекрытий.

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ ЦИТАДЕЛИ КАМПЫРТЕПА¹

С. Курбанов

В 1982-1991 гг. Кампыртепинский отряд² УзИскЭ проводил стационарные исследования на цитадели городища Кампыртепа [2, 5, 8, 17 - 29, 33].

Цитадель площадью 0,6 га, трапециевидная в плане, расположена в южной части городища со смещением к западу от центральной оси. Южная сторона ее частично смыта рекой и заканчивается 20-метровым обрывом. Подступы с других сторон надежно защищались глубоким рвом шириной более 19 м, отделявшим цитадель от «городской» части. Вскрытие сохранившегося участка цитадели (45-75х100 м) и полученные при этом данные позволяют предположить, что утраченная часть составляла около 1/3 былой ее площади [28, с. 73].

Комплекс цитадели включал сплошную внутреннюю застройку³ с платформой (пом. 17) наблюдательной башни (?) или суфы (?) почти в ее центре, развитую систему фортификации и «ворота» в юго-восточном углу с пандусом-спуском в пойму реки к пристани (?) у переправы. Причем пандус был защищен с обеих сторон стенами и «предвратным» сооружением, руины стен которого сохранились в обрыве берега.

До полных раскопок предполагаемого местонахождения ворот крепости нельзя исключать вероятность применения рва, опоясывающего цитадель, для прохода в «город». Об этом, возможно, свидетельствует выкладка поверхности рва сырцовым кирпичом в два ряда толщиной, зафиксированная в разрезе-4 (рис. 11, 12) на северо-западном фасе цитадели [28, с. 78]. Там же сохранились руины помещений здания, пристроенного к башне-4 (последний ремонт которой датирован монетами Вимы Кадфиза) цитадели, которое мог-

ло выполнять функции предвратного сооружения на данном участке. Аналогичную охранную функцию на юго-востоке, видимо, выполняло сооружение, предварявшее вход на пандус цитадели перед рвом.

Стратиграфическими исследованиями установлена неравномерность сохранности культурных слоев по периметру цитадели, где местами утрачены

Вид на святилище (пом. 11) на северо-западе цитадели Кампыртепа.

верхние кушанские и юечжийские напластования. Ввиду этого мощность сохранившихся культурных слоев варьирует от 1 до 8 м.

Нижние слои содержат материалы III - I вв. до н. э., а кроющие - I - II вв. н. э. Полы последнего периода обживания и обнаруженные на них предметы датируются монетами Канишки I.

Среди характерных находок из нижних слоев - фрагменты греко-бактрийских ключевидных, Г-образных и Т-образных венчиков, монеты селевкидского царя Антиоха Сотера (281-261 гг. до н. э.) и первых греко-бактрийских царей - Диодота (250-230 гг. до н. э.) и Евтидема I (230-200 гг. до н. э.) [18, с. 61-62].

Сначала поселение появилось на вершине холма цитадели. Затем на подрубленных в виде ступенек-террас склонах по периметру возвели строения, защищенные монолитной крепостной стеной с башнями-пилонами. Фортификационные сооружения цитадели⁴ сохранились на северном и восточном фасах (рис. 1-1, 1-2), а на западе они размыты. На юге, если они и имели место, то были утрачены вместе с частью внутренней застройки.

В течение десяти полевых сезонов была вскрыта вся площадь (6000 м²) цитадели Кампыртепа, верхние строения которой функционировали в великокушанское время. Раскопано более 120 помещений и пять длинных коридоров-улиц, связывавших между собой блоки застройки, входящие в них комплексы и «секции-домовладения».

На северо-западном участке цитадели частично вскрыто несколько складских помещений - хумхона (пом. 24, 91, 93, 94), относящихся к различным комплексам нижнего (докушанского) строительного горизонта.

Верхний строительный горизонт содержит всего три уровня полов с халками Сотера Мегаса, Вимы Кадфиза, Канишки I, соответственно расположенными последовательно снизу вверх.

Связующие функции на цитадели выполняли прямые и коленчатые улицы-коридоры, а роль планировочно-организующего ядра в культовых комплексах - святилища с алтарем-камином. В жилых секциях-домовладениях такие функции, вероятнее всего, выполняла кухня или заменяющее ее помещение с очагом.

Вход в цитадель был устроен в виде коридора между двумя стенами, защищавшими пандус подъема, протяженностью не менее 20 м при ширине 2 м, и заканчивался в пом. 88 (4,5-4,6 x 5,0-5,6 м). А в 3 м от него находится широкий (длина ок. 6 м) колодец, впоследствии заполненный мусором.

Пом. 88 связано проходом в северной стене с пом. 72 (кордегардией). Близ юго-западного угла его западной стены имелся дверной проем в «распределительное» пом. 87. Точная ширина прохода не установлена ввиду сильного размыва граней стен. Кушанские слои указанных помещений смыты. Верхние культурные напластования, сохранившиеся на этом участке, содержат керамические материалы и монеты юечжийского времени. В наиболее пониженной части (на востоке) они тоже утрачены и остались только греко-бактрийские (?) слои.

ИНФРАСТРУКТУРА ЦИТАДЕЛИ

Центральная улица пронизывает сплошную застройку цитадели с востока на запад, разделяя ее на две части - северную и южную. Она заканчивается перед входом в пом. 1, которое представляло собой большой Г-образный зал с возвышением-«эстрадой» в узком (восточном) торце и каминообразным очагом-алтарем у южной стены. Функционально оно могло использоваться как зал для аудиенций или ритуальных трапез. Последнее назначение не исклю-

чено для кушанского периода, культурные слои которого насыщены фрагментами керамики и костей животных.

Северная часть строений цитадели также разделена «глухой» стеной почти посередине. Изолированные таким образом друг от друга (северо-западный и северо-восточный) участки застройки можно было бы условно назвать блоками-кварталами. В каждом из них находится по несколько «секций» жилого и культового назначения, названных условно «домовладениями». Для удобства описания им присвоены буквенные обозначения от «А» до «Я». Они включают: северо-восточный блок - 7 домовладений «М» - «Т»; северо-западный блок - 10 домовладений «У» - «Я» (из них в двух комплексах по 4 домовладения и в одном комплексе - 2 спаренных домовладения «У» - «Ф» - казармы (?)); северная группа - 2 спаренных домовладения-казармы «К» - «Л»; центральная группа - 3 домовладения «Е» - «Ж» с выходами в коридор-1; юго-западный блок-комплекс - 4 домовладения «Б» - «Д»; юго-восточный блок - частично сохранилось 2 домовладения «З» - «И».

Таким образом, сохранившиеся на цитадели более 120 помещений составляли в целом 28 домовладений. Их можно классифицировать по одному общему признаку - количеству комнат - на однокомнатные, двух-, четырех-, восьми-, девяти- и одиннадцатикомнатные.

Среди них по ряду специфических признаков выделялись 7 культовых комплексов («Б», «М», «П», «С», «Ц», «Ш», «Я»), не имевших помещений для жилья. О ритуальном назначении ряда помещений можно судить как по планировке (Г- или П-образным обводам коридорами или помещениями), строительным конструкциям, более частым и качественным «косметическим» ремонтам, так и по ряду других, второстепенных признаков (отличным от рядовых компонентам строительных растворов и материалов) и т. д. Наряду с этим наблюдалось и существенное различие в оформлении интерьеров, в частности, наличие алтарей-каминов, напольных очагов и многочисленных очажных ямок со складированной золой, либо ее скопления в углах (иногда отгороженных тонкой стеночкой - закромом) помещений, а также обилие цилиндрических лунок в полах, заполненных золой или песком. В некоторых помещениях найдены кости жертвенных животных, в основном левые половинки нижних челюстей, рога со спилами, а в одном случае - череп. В других обнаружены терракотовые скульптурки мужских и женских персонажей и т. п. Характерно, что в каждом из таких культовых комплексов обязательно наличие нескольких помещений подсобного назначения: складских (кладовых) или хозяйственных (с хумами). Так, в кладовых иногда встречаются курильницы, votивные алтарики и микробазы от колонн.

Сравнительный анализ, проведенный автором, показал следующее пропорциональное соотношение площадей в ряде помещений культового назначения в цитадели Кампыртепа: домовладение «С». Пом. 35А (святилище, $S = 11,84 \text{ м}^2$) и пом. 35 (кладовая, $S = 3,28 \text{ м}^2$) - 3,5:1; пом. 27 (молитвенный (?) зал, $S = 12,23 \text{ м}^2$) и пом. 28 (поминальный (?) зал, $S = 36,55 \text{ м}^2$) - 1:3; пом. 35А и 27 - 3:1; пом. 35А и 28 = 1:3; домовладение «П». Пом. 95 (святилище, $S = 9,60 \text{ м}^2$) и пом. 46 (молитвенная комната, $S = 19,48 \text{ м}^2$) - 2:1; домовладение «Я». Пом. 11 (святилище, $S = 32,81 \text{ кв. м}^2$) и пом. 9 (кладовая, $S = 7,04 \text{ м}^2$) - 4:1; пом. 5 (зал молитвенных собраний (?), $S = 60,95 \text{ м}^2$) и пом. 11 - 2:1; пом. 9 и 5 - 8:1.

Общие характеристики таковы, что соотношение площадей святилищ и молитвенных залов в большинстве случаев - 1:2, реже - 1:3, а святилищ и кладовых - 8:1; 4,5:1; 3,5:1.

Сообщение между домовладениями внутри блоков-кварталов осуществлялось по перекрытым (сводами (?)) или плоской кровлей) «улицам»-коридо-

рам, которые перпендикулярно соединялись с главной улицей-1. Они ответвлялись от нее в северном и южном направлениях. «Улицы»-коридоры, пронизывая застройку цитадели, разграничивали ее на несколько частей - блоковых кварталов и одновременно служили связующими «артериями» между ними. Они имели на всем протяжении несколько поворотов - «колен» и были разделены поперечными стенками с узкими «дверными» (?) проемами (ширина - 1,0-1,2 м) на «отсеки». На ранней стадии их функционирования вдоль стен пристраивали сырцовые «скамьи» (?) толщиной в 1-2 ряда и шириной в два сырцовых кирпича квадратного формата.

Ширина «улиц» - от 1,3 до 2,2 м. Уровни их полов, понижающиеся к концам, отсутствие на них натечных слоев и признаков размытости углов на поворотах свидетельствуют, что они не предназначались для стока вод. В противном случае помещениям, имевшим выходы на «улицы», могло грозить затопление во время проливных дождей. Свидетельство тому - накопившиеся на полах комнат уже после заброса крепости и разрушения кровли значительные по толщине натечные слои.

Практически все домовладения имели выходы в эти улицы. Каждый из их проходов имел порог, выложенный из сырцового кирпича. Только два спаренных, изолированных от других двухкомнатных домовладения «К» и «Л» имели выходы на боевую площадку валганга, соединявшую башни 3 и 4 на северном фасаде цитадели (рис. 1-2). Вероятно, они могли выполнять функции казарм для военного гарнизона этой твердыни власти местного владетеля городка-крепости. Еще два спаренных двухкомнатных домовладения (казармы (?)) почти аналогичной планировки располагались в начале коридора-2 у входа в северо-западный блок (рис. 1-4).

Подобное расположение и функциональное назначение имела серия северных помещений (34-37) во дворце цитадели Топраккалы в Хорезме [16, рис. 5-6, с. 136-139], хотя сходные постройки цитадели Кампыртепа хронологически предшествовали им, поскольку относились еще к ранне- или доюечжийскому времени. Но затем они планиграфически сохранились и в строениях кушанского времени.

Характерно, что в двух частях - «кварталах» северной половины цитадели Кампыртепа отмечено по три «домовладения» - комплекса с помещениями культового назначения и следами ритуальной практики. Седьмым «домовладением» с аналогичными функциями, вероятнее всего, был изолированный комплекс (с пом. 1), расположенный на западном завершении главной улицы, описанный выше. Находившиеся поблизости от этих комплексов домовладения могли использоваться в качестве жилья для обслуживавших их священнослужителей и их прислуги.

Южная половина цитадели сохранилась лишь частично, так как оказалась смытой, вероятно, еще в античное время. Она также была разделена на две части стеной (план цитадели см. в статье Д. Русанова, рис. 2), проходившей между пом. 77 и 75, 80 и 83.

Анализ материалов, полученных при исследовании южных блоков застройки цитадели, свидетельствует, что, кроме зала 1 (домовладение «Б»), вероятно, предназначавшегося для аудиенций или ритуалов, остальные помещения домовладений имели жилое и подсобно-хозяйственное утилитарное назначение.

К югу от коридора-1 раскопаны руины пяти домовладений, сохранившихся частично. Три из них имели выходы на «главную улицу»-1, а два других из юго-восточного «квартала» - на «улицу»-коридор-5.

В помещениях двух соседних домовладений в центре южной половины

обнаружены отдельные предметы, связанные с отправлением ритуалов. В одном из них (домовладение «Е») встречены фрагменты керамического ритуала для ритуальных возлияний с налёпом - головой обезьянки и фрагмент бронзового алтарика с резервуаром и ножкой в виде протомы львогрифона. В другом (домовладение «З»), в одной из комнат, условно названной «лавкой ювелира», обнаружен клад из шести бронзовых зеркал, двое бронзовых весов, а также деревянная статуэтка мужчины в серебряном окладе, возможно, функционально связанная с культом предков.

Следует также отметить, что в помещениях домовладений жилого назначения культурные слои над полами обильно насыщены фрагментами столовой (кубки, бокалы, фиалы, чашки, миски и т. п.), кухонной («казаны», горшки, сковороды и крышки от них) и тарной (тагара, кувшины, горшки, хумчи, хумы) посуды попеременно с костями животных.

Произведения коропластики чаще всего встречаются в святилищах, их кладовых и молитвенных залах, реже - в помещениях с очагами, а иногда в коридорах. Например, терракотовая скульптурка нагой богини с перекрестными ремнями на груди [2, кат. № 185, с. 291; 5, кат. № 130, илл., с. 117; 5, с. 81-82], найденная *in situ* между двумя очагами у северной стены в пом. 52. Две терракоты - Силен [2, кат. № 186, с. 291; 5, кат. № 131, илл., с. 117] и столбообразная статуэтка богини обнаружены у южной стены центральной «улицы» (кор.1 «Б»). Первая - между пом. 18 и 78, а последняя - на месте пересечения ее с коридором-5.

ВХОД В ЦИТАДЕЛЬ И ЮЖНАЯ ПОЛОВИНА ДОМОВЛАДЕНИЙ

Домовладение «А» (рис. 1-3). Пом. 72 (кордегардия-сторожка). Прямоугольное в плане (4,5 x 5,8-6,0 м). Кушанские слои смыты. Находки: керамика II в. до н. э. и нижняя половина матрицы с изображением богини-воительницы Афины с копьем [2, кат. № 177, с. 289].

Пом. 87 с проходами (ширина от 1 до 2 м) в углах в «улицы»-коридоры. Связано проходом с пом. 88. Кушанские слои смыты. Находки: керамика, монеты - юечжийские подражания Гелиоклу, фрагмент женской (?) «столбообразной» статуэтки в полосатой одежде, голова утрачена.

Коридор-1. От юго-западного угла прохода из пом. 87 до прохода в пом. 1 (Г-образный зал) имел протяженность 48,8 м. Причем первая и практически самая прямая его часть имеет длину (до поперечной стенки с проемом) 28 м. Ее условно можно разделить на два отрезка: 1 «А» - от угла прохода в пом. 66 до поворота на север коридора-2, длина этого отрезка - 18,5 м, при ширине 1,7-1,9 м.; 1 «Б» - шириной 1,6-2,1 м. По обе стороны вдоль стен располагались скамьи из сырцовых кирпичей высотой в один ряд. В последний период обживания накопившиеся культурные слои перекрыли их вместе с новым уровнем пола. Заполнение коридора состоит из рыхлого культурного слоя с зеленоватым гумусом, фрагментами керамики, костями животных. Среди находок - кушанские монеты и бронзовая закладка.

Находящийся западнее участок «В» отделен от предыдущего поперечной стенкой (толщина - 1,10 м) с проходом, через 2,6 м дугообразно загибается к югу. Через 5,9 м он ограничен с запада поперечной стеной с проходом в конечный отсек кор. 1 «Г». В северной стене рядом с ним - дверной проем, ведущий в трехкомнатный блок. В одном метре восточнее на всю ширину коридора прослеживается округлое пятно устроенного в полу колодца, заполненного мусором, слои которого пока не раскопаны. В верхнем слое завала стены над колодцем обнаружена бронзовая монета Антиоха I (281-261 гг. до н. э.) [18, с. 61-62].

Отсек 1 «Г» (длина - 10,75 м, ширина - 0,80 м), отделенный от предыдущего стенкой (толщина - 0,75 м) с дверным проемом, замыкал коридор-1 перед входом в пом. 1.

Юго-западный блок включал четыре домовладения от «Б» до «Д» (рис. 1-7).

Домовладение «Б». Пом. 1 - Г-образный в плане зал, вытянут В-З на 12,1 м при ширине 4,2 и 6,3 м, с суфой в восточной половине и каминообразным очагом у южной стены [20, с. 90-92.], перекрытыми полами. Последние насыщены фрагментами посуды и костей животных. Многократные (более 12) глиносаманные штукатурки и побелки, а также фрагменты продолговатых, подквадратных или полусферических в поперечном сечении «брусочков» из ганчевой «лепнины» свидетельствуют о его былом богатом интерьере. Помещение аналогичной планировки, вскрытое при раскопках замка Джумалактепа [1, с. 57, рис. 38], трактовалось В. Нильсеном как аудиенц-зал [12, с. 140-153, рис. 49-56].

Наличие каминообразного очага, конструктивно схожего с алтарями из святилищ в цитадели и городской части крепости, позволяет предположить, помимо его бытовых функций, возможность отправления в нем ритуальных церемоний (в том числе трапез). Ряд исследователей отмечает наличие подобных помещений «служебного характера» на хорезмских памятниках Гяуркала и Джанбаскала [32, с. 95-98, рис. 314-317]. На последнем из них схожее расположение по отношению к святилищу с алтарем имел «зал ритуальных трапез». В нашем случае молитвенный зал (пом. 5) и святилище (пом. 11) расположены за северной стеной пом. 1, но имеют отношение к другому домовладению и блоку застройки. Наличие «зала для ритуальных трапез» отмечено исследователями и в замке Балалыктепа [1, с. 61-162; 10, с. 154-163, рис. 49-61], где он имел квадратные очертания и суфы вдоль стен.

Домовладение «В» (трехкомнатное) - жилого назначения (рис 1-8). Имеет общую западную стену (толщина - 1,1 м.) с пом. 1.

Пом. 6. Прямоугольное в плане (4,0 x 2,9 м), с проходом в Ю-В углу в пом. 7 (4,00x1,95 м). В восточной стене имеется проход в трапециевидное пом. 8. В Ю-З углу расчищены два хума, врытые в пол.

Домовладение «Г» (семикомнатное - (?)). Расположено в Ю-З углу цитадели (рис. 1-8). Сохранилась только его северная часть. Вход в северной стене пом. 115 размыт, как и стены. Южная стена плохо сохранилась, вероятно, имела дверной проем в пом. 82, от которого сохранился С-В угол с участками стен. Характер находок подтверждает их утилитарное - жилое и подсобно-хозяйственное назначение.

Пом. 114 (хумхана), в нем расчищены два ряда из восьми хумов. Внутренние грани его стен скрыты шурфом⁵. Приблизительные размеры - 4-5 x 3 м. К югу - узкий коридор, соединяющий пом. 82 на востоке с группой помещений домовладения «Г». Возможно, у Ю-В угла был выход в этот «южный» коридор.

Пом. 4 (хумхана). Расположено западнее пом. 114. Прямоугольное в плане. В пол врыто в три ряда восемь хумов.

Пом. 89. Прямоугольное в плане (2,4 x 4,? м). Южная часть разрушена. Сохранность стен от верхнего пола - 0,5-1,1 м.

Пом. 3. Прямоугольное в плане. Располагалось к Ю-З от пом. 89. Сохранилась С-В часть с участками восточной и северной стен. Находки: фрагменты посуды и терракотовая скульптурка лошади.

Пом. 2. Расположено к западу от пом. 89 и к северу от пом. 3. Прямоугольное в плане (2,50x5,25м). Ю-З часть смыта до материка.

Домовладение «Д» (однокомнатное - сторожка или лавка (?)). Подквадратное в плане (4,4 x 4,5 м) с выходом (ширина - 0,9 м) у С-В угла в коридор 1 «В».

К центральной группе условно можно отнести три домовладения «Е», «Ё», «Ж», имевших выходы в коридор-1.

Домовладение «Е» (пяти- или восьмикомнатное). В центре южной половины цитадели - вход (ширина - 0,75 м) с участка «А» коридора-1, восточнее коридора-2.

Пом. 77 (вестибюль). Прямоугольное в плане (5,5x1,8-1,9 м) со скамьей вдоль восточной стены. Дверь в центре северной стены. Высота стен (ширина - 0,8м) около 0,3-0,4 м от верхнего уровня пола. В западной стене проход (ширина - 0,85 м) в пом. 76. Находки: одноручный кувшинчик с цилиндрическим туловом [2, кат. № 156, илл., с. 285].

Пом. 76. Прямоугольное в плане (4,7 x 5,7 м), со скамьей вдоль северной и западной стен. В Ю-З углу имеются два врытых в пол хума, а в С-В углу - еще один. Находки: монета «Варварского Гелиокла» и бронзовая ножка в виде протомы львогрифона с резервуаром от миниатюрного алтарика (рис. 7) - в заполнении рядом с хумом в С-В углу [2, кат. № 200, с. 294; 5, кат. № 143, с. 122], прут - железный (рис. 3), серповидный, округлый в сечении, со следами деревянной обкладки на ручке [2, кат. № 211, с. 296].

Пом. 78 с проходом (ширина - 0,90 м) в С-В углу в пом. 76. Длина северной стены - 3,7 м. Западная стена в 3 м к югу от угла имеет уступы: два - метровых и один - полуметровый, выходящие к проходу шириной 1,15 м в Ю-В углу в пом. 79. Находки: фрагменты столовой посуды и ритон с налетом в виде обезьяньей головки [2, кат. № 171, илл., с. 288; 5, кат. № 123, илл., с. 113].

Пом. 79. Западная стена общая с пом. 82. Прямоугольное в плане (6,1x2,6 м), с двумя проходами (ширина - 0,75 м) в южной части восточной стены и в западной (ширина - 1,10 м). За южной стеной - обрыв террасы. Толщина стен: западной - 0,75-0,80 м, восточной - 1,10 м, южной и северной - 1,00 м.

Пом. 80. Прямоугольное в плане (4,25 x 2,75 м). Значительная часть его южной стены утрачена, но в ней сохранился дверной проем, за которым на месте обрыва находился еще ряд помещений.

Домовладение «Ё» (четырёхкомнатное).

Находится к западу от домовладения «Ж» с выходом в коридор-1. Дверной проем (ширина - 0,70-0,75 м) с порогом в один кирпич ведет в пом. 70, где верхний пол на уровне 0,15 м IV яруса, а в пом. 68 - 0,26 м III яруса, в пом. 69 и 67 - на отметках 0,45 м IV яруса - 0,05 м III яруса. Максимальное расхождение в уровнях - 0,75-0,80 м.

Пом. 70. Прямоугольное в плане (4,00-4,20x2,25-2,30 м). В Ю-З углу, слева от входа - скамья (0,6x0,4 м), а у западной стены - суфа (2,75 x 0,70 м), торцом примыкающая к северной стене. Суфа возвышается над верхним полом на 0,3 м. Второй пол на 0,20-0,25 м ниже. Находки: фрагменты столовой посуды, каменные зернотерка с терочником.

Пом. 68 соединялось проходом с пом. 70. Прямоугольное в плане (4,10x2,50 - 2,75 м).

Пол выложен квадратным сырцовым кирпичом. В середину северной стены заглублена закопченная ниша напольного очага.

Пом. 69. Прямоугольное в плане (3,50x1,65 м), с дверным проемом (ширина - 0,80-0,85 м), двухступенчатым порогом из сырцового кирпича в пом. 70 и проходом (ширина - 0,90 м) на юге западной стены.

Пом. 67. Прямоугольное в плане (3,50-3,65 x 3,00-3,05 м). В Ю-З углу - скамья из сырцового кирпича (длина - 1,15 м, ширина - 0,70 м, высота - 0,30 м). Севернее к западной стене пристроен квадратный (0,8x0,8x0,5 м) стол (?). В

южной стене, под глиносаманной штукатуркой - закладка дверного проема (ширина - 0,8 м) с сохранившейся аркой. Сохранность стен до 2 м, а в другом помещении их высота - от 0,2 до 1,5 м. Находки: фрагменты мелкой тарной и столовой посуды, целый кувшинчик.

Домовладение «Ж» (семикомнатное) с входом из коридора-1 в пом. 66. Толщина стен всего блока - от 0,70 до 0,95-1,10 м.

Пом. 66 («вестибюль» - хумхана) с хумом в проходе. Прямоугольное в плане (3,40x1,50-1,53 м), с дверью (ширина - 1,30 м) в Ю-З углу южной стены. Северная стена его была пристроена к восточной в один из строительных этапов и разделила помещение на две части. Вдоль западной стены - проход шириной 0,78-0,80 м, ведущий в хумхану, расположенную севернее.

Пом. 66А (хумхана). Подквадратное в плане (3,10x3,25-3,30 м), в С-З углу западной стены - дверь в следующее помещение.

Пом. 65, с пристенным квадратным очагом (0,50-0,50 м) в Ю-З углу.

Пом. 64. Подквадратное в плане (4,20x4,40 м), с проходом в северной стене и нишей для чироба (ширина - 0,22 м, глубина - 0,12 м) в западной стене. Находки: фрагмент кружки с ручкой в виде пятнистой кошки - барса (?)

Пом. 59 (кухня). Прямоугольное в плане (5,00-5,75x3,60-3,75 м), с тремя дверными проемами: в южной стене - в пом. 65, восточной - в пом. 58 и западной - в пом. 62. У северной и восточной стен два зольных пятна. В пол южного дверного проема врыты хумы.

Пом. 58 (трапезная). Прямоугольное в плане (6,05-6,00x1,90-2,00 м). В углах северной части врыты хумы. Находки: фрагменты кубков, бокалов, «рюмок», чашек, мисок.

Пом. 62 (кладовая при кухне). Прямоугольное в плане (4,75x2,25 м). В центре и Ю-З углу - резервуары врытых в пол хумов. У северной стены - золотое пятно. Находки: фрагменты кухонных горшков и сковороды, каменная зернотерка.

От юго-восточного блока сохранились частично два домовладения: «З» и «И» (рис. 1-6).

Домовладение «З» (семи- или десятикомнатное). Находилось восточнее предыдущего и к западу от коридора-5. Сохранилось пять помещений полностью и два - частично, еще несколько утрачены в результате разрушения южной части цитадели.

Возможно, вход в домовладение был со стороны коридора-5 через «вестибюль» пом. 84. Сохранилась его северная половина в длину на 8,60 м. Восточная и западная стены сохранились на 1,00 м. В С-З углу и у северной стены найдены донные части двух хумов, врытых в пол.

Пом. 83. Сохранность стен: северной - 5,30 м, восточной - 0,50 м, западной - 1,00 м. Найдено несколько врытых в пол хумов.

Пом. 102 (хумхана). Прямоугольное в плане (7,20x2,00-2,20 м), с тремя дверными проемами: в южной стене - шириной 0,85 м, в западной - 0,70 м, в восточной - до 1,00 м. Вдоль стен врыто девять хумов. Находки: фрагменты столовой и тарной посуды, жженный кирпич (30x31x10 см).

Пом. 75 (кухня). Прямоугольное в плане (3,20x6,75 м). Имеет общую восточную стену (толщина - 0,75 м) с пом. 102. В южной части найдено пять хумов. У северной стены расположен напольный пристенный очаг. Стены кушанского строительного горизонта сложены из сырцового кирпича (32-33x32-33x10-12 см). Находки: фрагменты кухонной (горшки и жаровни) и столовой посуды, бронзовая монета «Варварского Гелиокла» из завала стен.

Пом. 63. Прямоугольное в плане (5,60-6,70x3,00-3,05 м), с хумом, находившимся в проходе в С-З углу, ведущем в пом. 102.

Пом. 74 и 74А разделены стеной более позднего времени. Первоначально комната имела размеры - 5,70х3,05 м.

Восточное пом. 74А - прямоугольное в плане (3,00х2,00 м). Западное пом. 74 - квадратное в плане (3,00х3,00 м), с Г-образной суфой (высотой в один кирпич) у восточной и южной стен.

В пом. 74 в юго-восточном углу, у суфы, найден клад из шести бронзовых зеркал (рис. 8, **2-7**) [описание одного из них - 2, кат. № 166, с. 287; 5, кат. № 142, с. 121], а в центре его найдены весы двух типов (рис. 6-1, 6-2) с полусферическими чашами, изготовленными из бронзы, у западной стены лежала деревянная скульптурка мужчины в серебряном окладе [2, кат. № 165, с. 287, илл. 66; 5, кат. № 137, илл., с. 120; 27, с. 101;]. Вместе с ними обнаружены монеты Канишки I.

Домовладение «И» (двухкомнатное (?))

Пом. 73. Прямоугольное в плане. Северная стена размыта и перекрыта натеками. Западная стена толщиной 1,00-1,10 м прослежена на протяжении более 2,00 м до юго-западного угла. Южная стена толщиной 1,00-1,05 м сохранилась на 5,00 м в длину. Найдены несколько днищ хумов и терракотовая плакетка с изображением женщины в высокоподпоясанном хитоне с фиалой в руке [2, кат. № 184, илл., с. 291].

Пом. 86 (хумхана). Расположено южнее. Сохранность северной стены - 1,50 м, толщина - 0,65-0,70 м; в пол врыто несколько хумов.

СЕВЕРНАЯ ПОЛОВИНА ЦИТАДЕЛИ

Разделена на две части глухой стеной, начинающейся на юге между пом. 64 и 70 и завершающейся на севере между пом. 101 и 97. По отношению к этой осевой линии отмечена симметричность расположения домовладений. Таковы, например, домовладение «Ё» (пом. 67-70) на западе, домовладение «Ж» (пом. 58, 59, 62, 64-66А) на востоке. Они имеют главные входы со стороны коридора-1 на юге. На севере так же симметрично расположены двухкомнатные «секции» домовладений «К» (пом. 96 и 97) и «Л» (пом. 100 и 101).

Северо-восточный блок домовладений северной половины цитадели включал семь домовладений от «М» до «Т» (рис. 1-9). Они были связаны выходами с коридором-4, который пронизывал всю застройку этого участка-квартала с юга (от пом. 67) на север (до пом. 36), завершаясь несколькими поворотами - «коленами».

Общая протяженность коридора-4 - около 45 м (ширина - 1,00-1,50-2,10 м). Наибольшая ширина его отмечается только на участке «Б», сразу после двух выступов-пилонов, как бы ограничивающих участок «А». В данном месте симметрично друг другу расположены заглубленные на 0,20 м в толщу стен ниши шириной 2,00 м. На расстоянии около 16 м от начала коридора на восточной стене имеется еще один пилон (ширина - 1,50 м), выступающий на 0,30 м от ее грани. За ним находился проход в первое на этом участке домовладение.

Домовладение «М» (одиннадцатикомнатное) (рис. 1-10).

Пом. 39 («прихожая»). Подквадратное в плане (4,30-4,75х5,25-5,75 м), с тремя дверными проемами в западной, восточной и северной стенах. В юго-западном углу - скопление золы (1,90х1,20х0,50 м) за стеночкой из сырцового кирпича, поставленного на ребро. Находки: фрагменты керамики и костей животных.

Пом. 38. Подпрямоугольное в плане (9,35-2,50х8,10-8,75 м), с проходом в южной стене. В центре и юго-западном углу - хумы, врытые в пол. В восточной части - прямоугольная яма, в заполнении которой обнаружены находки: хум,

тагара, фрагменты кубков и бокалов, терракотовая плакетка с поясным изображением мужского персонажа в короткой куртке, с гривной на шее и жезлом в руке [2, кат. № 189, с. 292]. Южная стена стоит на втором уровне кушанского пола (конец II яруса), датированного монетами Вимы Кадфиза.

Пом. 112. П-образный коридор (ширина - 1,25-1,40 м), южная половина - с врытыми в пол хумами. Находки: фрагменты керамики и костей животных - ребер, челюстей, череп быка.

Пом. 43 (склад-хумхана). Коридор, продолжающий предыдущее помещение. Кушанские слои смыты. В двух нижних уровнях - хумы, стоящие в два ряда. В западной стене - проход (ширина - 0,70 м) в пом. 40.

Пом. 40. Прямоугольное в плане (5,75-6,10x4,50-4,55 м). Слои кушанского периода с тремя уровнями полов сохранились на участке - 0,50-1,00 м близ северной стены. На полах - прослойки (0,15-0,20 м) красно-черно-белой золы с костями жертвенных животных, глиняными шариками и астрагалами.

На третьем от верха полу (датируется временем Сотера Мегаса) находится пристроенная к западной стене трехступенчатая скамья из сырца при ширине каждого уступа в один и высоте в два кирпича. Находки с этого уровня: торс мужской (?) скульптурки из необожженной глины и фрагмент терракотовой плитки с изображением сидящей богини с нагим козлоногим младенцем на руках [2, кат. № 190, с. 292; 5, кат. № 135, с. 135]. В размытых слоях и полах нижних горизонтов - ямки (длина - 0,10-0,20 м, глубина - 0,05-0,10 м), заполненные белой или черной золой, резервуар из бронзы (от киафа или ложки для жертвоприношений).

Пом. 33 (святилище) с дверным проемом (ширина - 0,65-0,85 м), прорубленным в северной части западной стены в кушанское время. Его основание на 1,90 м выше уровня пола с юечжийскими монетами. Через проход (ширина - 0,80 м) в южной стене оно было связано с пом. 32. В восточной стене - вход в пом. 29. Сохранившаяся высота стен от юечжийского пола: южной - 0,50 и северной - 2,50 м. К этому же периоду относится алтарь-камин у восточной стены с «топочной» камерой (0,80x0,50-0,53 м) на прямоугольном одноступенчатом подиуме (0,70-0,75x1,23-1,25 м, высотой 0,35 м) из сырцового кирпича. Его ниша с плечиками перекрыта полуциркулярной аркой. Плечики (толщина - 0,10-0,15 м) выступают за грань стены (на 0,25-0,36 м). В плане они имеют двухступенчатую профилировку. В обкладке ниши, по бокам подиума, на задней, восточной стенке топочной камеры, для облицовки использованы плиты из обожженной глины (0,68x0,34x0,03 м). Высота алтаря от второго пола с монетой «Варварского Гелиокла» до верхней точки арочного перекрытия ниши - 1,7 м [20, с. 90-92].

К югу от алтаря имеется цилиндрическая ямка (длина - 0,15 м) с белой золой, точильный камень и зернотерка. В стенах С-В угла на высоте около 1,50 м - две маленькие ниши. Над меньшей из них на глиносаманной штукатурке - нанесенные пальцами тройные полосы в виде полуокружностей-полумесяцев рожками вниз. В этом же углу - скамейка (высота - 0,20 м) из сырцового кирпича. Рядом в восточной стене - дверной проем (ширина - 0,85 м). Южная часть западной стены с трещиной, деформирована. В дверном проеме в пом. 29 расчищен завал арки перекрытия, а в алтаре - развал перекрытия ниши. Автор склонен рассматривать эти данные как свидетельства тектонических явлений.

В С-В части помещения, на полу - два скопления (15 и 20 экз.) округлых уплощенных глиняных «лепешек» с отверстиями в центре, похожих на характерные для Бактрии эллипсоидные ткацкие грузила.

Помещение вместе с алтарем было «законсервировано» песком в два

этапа. После заполнения комнаты песком на высоту до 0,45-0,50 м в ее северной половине была сооружена площадка из глины толщиной до 0,20 м.

На ней разложены кости (челюсти, конечности, ребра) животных и их рога со следами поперечных спилов. В западной части площадки, рядом с костями стояли разбитые, перевернутые кубки и чаши. К северу от алтаря отмечено зольное пятно ритуального очага. Восточная стенка и северное плечико алтарной ниши сильно закопчены. Южнее алтаря - терракотовая лошадка. После возжигания огня, ритуальных действий и жертвоприношений засыпка комнаты песком была доведена до высоты - 1,50-1,70 м над уровнем пола с понижением к центру. Затем заполнение перекрыли слоем рубленой соломы (0,5-1,0 см), поверх которого нанесли такой же слой глиносаманной обмазки нового уровня пола.

Ремонтно-строительные работы и последующее обживание помещения датируются монетами Сотера Мегаса. Причем в культурном слое вместе с кушанскими халками этого правителя найдены медная монета парфянского царя Готарза II (43-50 гг. н. э.) [18, с. 61-62] и фрагменты керамики.

Пом. 29 (кладовая) с хумом и несколькими мелкими тарными сосудами. Прямоугольное в плане (2,00-2,30х3,75 м).

Пом. 32. Подквадратное в плане (3,50 х 4,50 м), с дверным проемом в пом. 33 и хумом в С-В углу - сохранились верхние полы юечжийского времени (кушанские слои смыты) с цилиндрическими ямками диаметром 8-14 см и глубиной 20-26 см. В их заполнении - белый пепел с фрагментами обугленных веточек или песок. Сохранилось до восьми глиносаманных штукатурок с побелкой на стенах. На южном участке западной стены - уступ, образующий нишу шириной 1,00 м.

Пом. 34 с северной пристроенной стеной, отделяющей его от пом. 32. Г-образное в плане. Протяженность стен: северной - 4,50 м, восточной - 1,50 м, западной - 0,70 м, южной с 30-сантиметровым изломом - 2,80+1,80 = 4,60 м.

Пом. 30 (склад-хумхана). Прямоугольное в плане (3,50х2,00 м), с хумами, врытыми в пол в три ряда по пять штук.

Пом. 31 (хозяйственное). Прямоугольное в плане (2,10-2,35х4,25-4,30 м). Кушанские слои смыты, но прослежены нижележащие 25 слоев и прослойки мощностью 4,50 м - с середины XII яруса до конца XXI. Большинство из них (толщина - 0,07-0,20 м) - понижающиеся к югу мусорные прослойки. Северная стена пом. 31 стоит на материковой ступени на уровне 0,10 м XVI яруса (7,00 м от нулевого репера (н. р.)). Основание пристроенной позднее к ней и южной стене западной стенки - на уровне 0,10 м XVIII яруса (или 8,60 м от н. р.). Бронзовая монета Евтидема I (230-200 гг. до н. э.) из завала стены (уровень 7,50 м) указывает на нижнюю хронологическую границу ее возведения. Мусорная яма, впущенная (с уровня 7,30 до 10,00 м) с верхней площадки сnivelированного завала, содержит керамические материалы юечжийского времени. Вытесанные из материкового грунта ступени под основаниями восточной крепостной стены и южной стены помещения располагались ниже этих культурных слоев (и отметки - 10,50 м).

Домовладение «Н» (четырёхкомнатное - жилье жрецов (?)) (рис. 1-10). Сохранность стен - до 0,50 м от верхнего пола.

Пом. 60. Прямоугольное в плане (2,50х3,50 м), с проходом (ширина - 0,75 м) в восточной стене из коридора-4 «Б» и дверью в западной стене в пом. 61. Находки: фрагменты столовой и тарной посуды.

Пом. 61. Протяженность стен: северной - 4,75, западной - 4,70, южной - 5,40 м, восточная имела ломаную конфигурацию. Находки: монеты, фрагменты хумов и столовой посуды.

Пом. 98 с дверным проемом (ширина - 1,05 м) в южной стене в 0,50 м от Ю-В угла. Трапецевидное в плане (2,50х3,50 м). Затем, уже, вероятно, при Канишке I, оно было поделено пополам поперечной стенкой с проходом. Таким образом, на последнем этапе обживания его размеры были 2,00х3,00-3,20 м, а располагавшееся севернее пом. 98А - соответственно 2,00х3,25-3,50 м. Находки: керамика, а в завале стен монеты «Варварского Гелиокла» и Сотера Мегаса. На трех уровнях полов, последовательно снизу вверх, - монеты Сотера Мегаса, Вимы Кадфиза и Канишки I.

Пом. 98А, с пристроенной к северной стене суфой (ширина - 0,20-0,25 м) из сырцового кирпича. Находки: несколько монет Канишки I на верхнем полу.

Домовладение «О» (однокомнатное - сторожка или лавка (?)) (рис. 1-11).

Пом. 44 (сторожка (?)) при святилище). Прямоугольное в плане (4,00-4,50х2,40 м), с дверным проемом (ширина - 0,95 м) в южной стене и очажным пятном с закопченной штукатуркой посреди северной стены. Находки на верхнем полу (датируется временем Канишки I, на уровне 0,11 м I яруса): фрагменты столовой и хозяйственной посуды, кости животных. Для сравнения: уровень синхронного ему верхнего пола в пом. 46 (культового комплекса) - глубже на 1,00 м.

Домовладение «П» (четырекомнатное, с двумя коридорами) (рис. 1-11).

Пом. 45 (вестибюль). Прямоугольное в плане (2,00х2,60 м). В середине восточной стены - проход (ширина - 1,00 м), с порогом из сырцовых кирпичей в коридор-4. В Ю-З углу - дверной проем (ширина - 1,45-1,50 м). Толщина стен - от 0,70-0,90 до 1,10 м. Находки: фрагменты столовой посуды и бронзовый киаф.

Пом. 45А. Г-образный коридор (длина - 2,80 м, ширина - 1,55-1,75 м). В его восточной стене, на расстоянии 0,85 м от Ю-В поворота, - «гнездо» (0,25х0,20 м) стойки дверного косяка. В западной стене - аналогичное «гнездо» (0,35х0,20 м) в 1,75 м от Ю-З угла. Рядом - развал хума на боку.

Пом. 46 (молитвенный зал (?)). Прямоугольное в плане (5,75х3,70 м). Толщина стен - от 1,00-1,25 до 0,80-0,90 м. Их сохранность от верхнего уровня пола - 1,20 м. У западной стены - очаг-алтарь каминного типа с плечиками, выступающими за грань стены на 0,50 м, с нишей (ширина - 0,80 м) и топочной камерой (0,80х0,30-0,50 м) [20, с. 90-92]. Южнее, у западной стены и вдоль северной стены, - скамьи из трех кирпичей, уложенных в один ряд. Находки: на полу монеты Канишки I (2 экз.) и парфянская (плохой сохранности). Поверх завалов стен - арабский фельс VIII в. [18, с. 61-62].

Пом. 46А - с проходом в северной стене в Г-образный коридор, связывавший его с пом. 45. Ширина прохода и коридора - 1,10-1,20 м при длине 4,50 м. Верхний пол - на уровне конца II яруса. Находки: поясная пряжка из слоновой кости [2, кат. № 197, с. 293] на полу. Проходы (ширина - 0,60-0,65 м) в пом. 95, в пом. 46А и в северной стене в подсобное пом. 94.

Пом. 95 (святилище). Прямоугольное в плане (2,95-3,15х3,30-3,35 м) с 10-12 слоями глиносаманной штукатурки (толщина - 0,01 м) с ганчевой побелкой. У западной стены - алтарь-камин на двухступенчатом подиуме с выступающими (на 0,25-0,30 м) подтреугольными в плане «плечиками» (толщина - 0,20-0,25 м). Топочная камера (длина - 0,57 м) с белым пеплом; дно прокалено до красно-коричневого цвета [21, с. 90-92]. Возле южного плечика - стоящее на ребре светлоглиняное блюдо с отверстием в донце и треугольным сколом на краю венчика. На нижней ступени подиума, в С-В углу - основание плоскодонного кухонного горшка (для приготовления ритуальной (?) пищи) с развалом закопченных стенок. Рядом, в полу - цилиндрическая (диаметр - 0,20 м) лунка с серой золой.

В Ю-З углу, в «ящичке» из сырцового и жженого кирпича - астрагал (с процарапанным на нем знаком в виде горизонтальной линии с тремя вертикальными, виллообразными линиями, направленными вверх и вниз, но со смещением вбок от центральной оси по отношению друг к другу) и бронзовая монета Канишки I. Еще пять астрагалов найдены в прямоугольном углублении в полу близ восточной ступени подиума. Между «ящичком» и алтарем - две лунки: одна с песком, другая с пеплом и птичьими костями. Соединены канавкой с прямоугольной суфой (1,80х1,15 м, высота - 0,10 м) в Ю-В углу. В средней части ее северной и западной стен вмазаны два жженных кирпича. В С-В части комнаты - четыре мраморные микробазы [фото и описание одной из них см: 2, кат. № 195, с. 293; 5, кат. № 144, с. 145] (рис.10) и следы деревянной трухи от колонны. На полу и стенах к югу от алтаря - отпечатки циновки (?), сплетенной из тростника или соломы, а также вмазанные в штукатурку обломки двух бронзовых браслетов.

Пом. 94 (кладовая). В проходе врыт хум. Прямоугольное в плане (5,80х3,45-3,50 м). Под тремя полами кушанского периода располагался полуметровый завал стен, перекрывавший культурный слой юечжийского времени с врытыми в пол хумами в средней и восточной его трети. Более трети верхних частей хумов раздавлены. Находки: фрагмент терракотовой плакетки с изображением юноши, играющего на многостольной флейте-сиринге [2, кат. № 179, с. 290; 28, с. 34-37] из завала стен докушанского периода и скульптурка лошади. В нижележащем уровне пола врыты по горловину хумы, накрытые круглыми керамическими крышками и квадратными жжеными кирпичами. Находки: матрица для изготовления головы божества с чертами лица примитивного исполнения [2, кат. № 178, с. 290] и нож - железный, серповидный [2, кат. № 212, илл., с. 296].

Домовладение «Р» (пятикомнатное, с крестообразным расположением четырех помещений по отношению к центральному пом. 41) (рис. 1-12).

Пом. 37 (прихожая). Прямоугольное в плане (4,80-5,00х3,40-3,50 м), с проходами в южной и северной (с Г-образным коридором шириной - 0,65 м и «коленом» длиной 1,10 м) стенах. Находки: бронзовое кольцо со стеклянным «глазком», железные ключ (рис. 2) [2, кат. № 207, с. 295] и чашечка-резервуар (от микроалтаря (?)).

Пом. 41. Трапециевидное в плане (3,75-3,25х3,25-2,50 м), с тремя проходами в углах стен. Находки: фрагмент керамической курильницы.

Пом. 42. Прямоугольное в плане (2,85х2,05 м), с нишей (0,20х0,30 м) в Ю-З углу. Уровень верхнего пола - 0,30-0,35 м II яруса (0,80-0,85 м от н. р.), а южнее в коридоре-4 «В» верхний пол на 0,67-0,70 м выше (уровень - 0,10-0,12 м I яруса). Находки: бронзовое кольцо, фрагмент заколки для волос и несколько фрагментов керамики и монет. Уникальна бронзовая эмиссия селевкидского царя Антиоха I (281-261 гг. до н. э.) из завала стен.

Пом. 43. Подквадратное в плане (2,55х2,40 м), с проходом (ширина - 0,80 м) в восточной стене. В С-В и западном углах - хумы с развалами верхних частей внутри. Находки: сероглиняный двуручный кувшинчик [20, кат. № 154, с. 285].

Пом.47. Прямоугольное в плане (3,80-3,90 х 3,00 м), вытянуто с востока на запад. Имело проход в Ю-В углу, с помощью которого было связано с пом. 41, располагавшимся южнее, и коридором, ведущим в пом. 37.

Домовладение «С» (десятикомнатное), с входом в конце участка «В» коридора-4 (рис. 1-12).

Пом. 113 (вестибюль). Прямоугольное в плане (8,20 х 2,00 м), с входом (ширина - 1,10-1,15 м) в Ю-З углу. В С-З углу - напольный очаг (0,60х0,65м) с

красной золой и десятисантиметровыми глиняными стенками. Возле стен в средней его части и Ю-В углу - три разбитых кубка и скульптурка терракотовой лошади со следами от наlepных ног всадника.

Пом. 28 (поминальный (?) зал). Прямоугольное в плане (8,40-8,60x4,20-4,30 м), с проходом (с двумя ступенями) в вестибюль в С-З углу. На стенах 12 слоев глиносаманной штукатурки с черной грунтовкой. В центре восточной стены - ниша (длина - 1,80 м, глубина - 0,50 м). Вдоль южной стены - напольные очажки (диаметр - 0,20 - 0,25 м) с черной золой и перевернутые кубки и бокалы, заполненные золой с обугленными веточками и косточками плодов. Подобный обряд исследователи связывают с почитанием душ предков. [28, с. 74; 20, с. 101]. В центре восточной половины на трех верхних уровнях полов - напольные очаги (0,40x0,40 м) из сырцового кирпича. Между очагом и нишей в восточной стене - вкопанный в пол хум с золой красноватого цвета. Находки: фрагменты левых половин челюстных костей, рогов, ребер вблизи от ритуальных очажков. Возможно, «главный» очаг, вместилище священной золы и ниша на востоке не случайно ориентированы на восход Солнца, куда, согласно предписаниям «Авесты», зороастрийцы обращались с целью общения с душами усопших предков.

Пом. 27, с проходом (ширина - 1,00 м) в Ю-В углу, двумя хумами близ южной стены в Ю-З углу, рядом с входом в пом. 35А, и пристенным напольным очагом восточнее, отделенным от них стоящим на ребре жженым кирпичом. В С-В углу - еще два хума. В центре - скопление лунок с золой и песком. Находки: бронзовая заколка с навершием из двух полусфер, маленькое зеркало (локального производства) с имитацией китайского арочного орнамента (рис. 8-1) и железный ключ [2, кат. № 210, илл., с. 295] (рис. 2).

Пом. 35А (святилище). Подквадратное в плане (3,35x3,83 м), с проходом (ширина - 0,70 м) в Ю-В углу. Стены сохранились на высоту 0,30-0,40 м. У северной стены - алтарь-камин на одноступенчатом подиуме (0,58x0,75 м, высота - 0,20 м). Его плечики (толщина - 0,12 м) выступали за грань стены: левое - на 0,48 м, правое - на 0,10 м. В нише вмазан фрагмент кирпичной плиты. В топочной камере - белая зола, колоколовидный бокал с частично утраченной ножкой и венчиком, в резервуаре которого - зола с обугленными веточками [20, с. 90-92].

В Ю-В углу, вдоль южной стены - несколько десятков «лунок» (диаметр - 0,10-0,15 - 0,20 м), заполненных песком и золой. В последних иногда находятся фаланги человеческих пальцев. На южной стене сохранилась глиносаманная штукатурка (6 слоев) с побелкой. Находки: в Ю-З углу - необожженные пирамидальные грузила (14 шт.), фрагмент маленькой зернотерки (из камня) и лепная терракотовая скульптурка Селена с вертикальной флейтой [2, кат. № 187, с. 291-292; 5, кат. № 132, с. 133; 28, с. 34-37]. В С-В углу - терракота одоранта (?) или барабанщика (?) в пилоткообразном головном уборе, распахнутом кафтане, с шаровидным предметом в руках [5, кат. № 133, с. 133] - иконографически напоминает Мена-Аттиса (?).

Пом. 35 (кладовая). Прямоугольное в плане (4,30-4,10x0,80-0,90 м). В восточной части - скамеечка (ширина - 0,32 м) из сырцового кирпича и напольный очаг (заглубленный в стену на 0,20 м). На западной половине, у северной стены - хум. В его заполнении - несколько бронзовых булавок с шаровидными навершиями.

Пом. 25 (трапезная). Подпрямоугольное в плане (7,90-8,40x3,55-3,80 м), с проходом в Ю-В углу (в котором врыто два хума). По-видимому, в докушанское время оно включало площадь еще трех помещений: 35, 26 и 90 (некоторые их стены - северная, восточная - в пом. 35 и 26, а также восточная - в пом. 90 пристроены позднее) и имело размеры 9,40-8,90x7,60-8,40 м.

Южная стена за проходом (ширина - 1,20 м) имеет уступчатую конструкцию: через 0,58 м к западу - выступ на север на 0,55 м, затем, - соответственно, отрезки в 1,10 и 0,62 м и еще 1,05 и 1,95 м. Два прохода: в южной стене (ширина - 0,67 м) в пом. 26 (кухню) и в северной стене (ширина - 0,70 м) в пом. 24 (хумхану). Находки: фрагменты керамики великокушанского и докушанского периодов из шурфа в южной половине помещения. Западная стена сохранилась на один ряд сырцовых кирпичей (0,32х0,32х0,08-0,10 м) с уровня до 0,18 м IV яруса. В заполнении - овальные линзы «складированной» золы с вкраплениями обугленных веточек, извести и зеленой органики.

В следующем слое (границы: с понижением с юга на север от 0,20 м V яруса до 0,10 м VI яруса: на расстоянии 2,60 м от одной до другой точки замера разница составляет 0,40 м) - обломки сырцовых кирпичей из стен предшествующего, докушанского (юечжийского) строительного периода. На уровне 0,10-0,18 м VI яруса выявлена стена этого строительного периода, прослеженная с юга на север по центральной части комнаты. Слой «разрушения» под завалом стен мощностью 0,65-0,70 м проходит на уровне начала VI - 0,15 м VII яруса (2,50-3,15 м от нулевого репера). Находки: целые формы крупных сосудов - хумчи, двуручной сероглиняной амфоры [2, кат. № 146, илл., с. 283], двуручного горшка-корчаги (рис. 9).

Нижележащие полы: «а», «б», «в», «г», «д», «е» со слоями мощностью 3-7 см находятся, соответственно, на отметках: 3,20; 3,23; 3,26; 3,30; 3,36; 3,40 м от н. р. С уровня пола «е» впущен хум, стоящий в яме, выкопанной в материке. Над материком - слой рыхлого грунта с обломками сырцовых кирпичей с органическими включениями зеленого цвета и фрагмент глиняной столбообразной скульптурки с изображением нижней части кафтана (?) с вертикальными полосками, а также кусок железа и две заготовки из слоновьего бивня.

Размеры сырцового кирпича в основании стены: 0,35х0,35х0,12-0,13 м, а в нижнем слое зафиксировано несколько горизонтально лежащих кирпичей форматом 0,38х0,38х0,12 м. В материке (на уровне 4,40-4,60 м от н.р.) вырублено несколько ямок диаметром 0,60-0,65 м.

Пом. 26 (кухня). Прямоугольное в плане (4,40х2,28 м), с двумя очагами в суфе у северной стены. Один из них - в С-В углу (0,30х0,20 м), другой - у западной стены (0,60х0,30 м). В заполнении рыхлая земля с черной золой. Уровни полов: 1-й - 0,56 м; 2-й - 0,82 м от н. р. Высота ступеньки в дверном проеме - 0,53 м. Находки: фрагменты столовой и кухонной посуды, костей животных.

Пом. 90 (кладовая). Прямоугольное в плане (4,70х2,50-2,00 м), с проходом (с порогом: ширина - 0,36 м, толщина - один кирпич) в Ю-З углу (в пом. 26) и хумом (диаметр венчика - 0,54 м) в С-З углу. Этот хум с отбитым дном вставлен в расположенный ниже хум, так что конструкция напоминает ташнау. Южнее у западной стены, в углублении, стояла керамическая тагара (диаметр венчика - 0,43 м). У южной стены - суфа (ширина - 0,63-0,72 м, длина - 1,60 м, высота - 0,20 м) с прямоугольным (0,59х0,50 м) очагом, с бортиками (0,20 м) на северной и западной сторонах. В ее кладке, как и в стенах, использован сырцовый кирпич (0,32х0,32х0,08-0,10 м). Находки: комплекс керамики кушанского времени. Уровни полов: 1-й, верхний - 0,51 м, 2-й - 0,77 м - перекрывает суфу с очагом, функционирование которой связано с 3-м полом (на 0,20-0,25 м ниже, т. е. на уровне - 0,97-1,02 м), датированным монетами Сотера Мегаса.

Пом. 24 (хумхона). Прямоугольное в плане (5,75х3,80-4,05 м), с проходом (ширина - 1,20 м) в пом. 25 и в западной стене в пом. 91 и врытыми в пол хумами (35 шт.) - семь рядов по пять штук (диаметр венчика и резервуаров - 0,59; 0,65; 0,67; 0,70-0,79; 0,82 м). Стены (южная и западная) облицованы сто-

ящим на ребре сырцовым кирпичом (0,32x0,32x0,08-0,10 м). Под основание использованы стены докушанского строительного горизонта из сырцового кирпича (0,33-0,34x0,33-0,34x0,08-0,10 м). Находки: терракотовая фигурка лошади, два фрагмента дисковидных керамических оснований вотивных алтарей (?) или курильниц (?), на одном из которых рельефная семилучевая звезда с усеченными лучами, а также два фрагмента стенок закрытых сосудов с бордюром из штампованных листьев и фрагменты столовой (в том числе сероглиняной) и тарной посуды.

Пом. 91 (кладовая). Прямоугольное в плане (3,00-3,30x5,30 м), с проходом (ширина - 1,30 м) в пом. 24 в С-В углу и очажным пятном у восточной стены, а в южной половине в пол врыто семь хумов. Находки: терракотовые статуэтки лошадок и нижняя часть лепной столбообразной скульптурки женщины (?) в полосатом кафтане (?) юечжийского времени, а также узкий железный топор [2, кат. № 205, с. 295] (рис. 5) и фрагменты столовой и тарной (хумов и тагара) посуды. Вышеописанные предметы имеют отношение ко второму строительному горизонту юечжийского времени, поскольку кушанские слои размыты.

Домовладение «Т» (четырёхкомнатное с коридором) с входом по отрезкам «Г» и «Д» «коленчатого» участка коридора-4 к северу от входов в предыдущие домовладения «Р» и «С» (рис. 1-13).

Пом. 36 (Г-образное), с проходом (ширина - 0,90-1,00 м) в западной части южной стены. Восточная стена с двумя уступами: через 3,60 м к северу от Ю-В угла на 2,00 м, затем еще 1,30 м на север до прохода (ширина - 1,20 м) в пом. 92. У южной и восточной стен - заком (3,40x1,06 м) из сырцового кирпича. В Ю-В углу - два хума (диаметр резервуаров - 0,61 и 0,56 м). В проходе между стеной и закомом - две ступени из сырцового кирпича (0,33-0,34x0,33-0,34x0,08-0,10 м). Находки: фрагменты столовой и тарной посуды.

Пом. 92. Прямоугольное в плане (5,10x3,30 м), с проходом в Ю-В углу. Находки из кушанских слоев: несколько фрагментов столовой посуды и каменных зернотерок. В пол докушанского периода вкопано три хума. В С-В углу заложен шурф (0,70x1,50 м). В нем расчищены три хумчи, врытые в пол на уровне 0,60-0,75 м ниже предыдущего. Между пом. 36 и 93А - коридор (4,00x1,20-1,00 м), в проходе которого - одноступенчатый порог из сырцового кирпича.

Пом. 93. Прямоугольное в плане (3,50x2,90 м), с дверным проемом (ширина - 0,80 м) в Ю-З углу южной стены. Кушанские слои смыты. Уровень дневной поверхности возле южной стены - на отметке 0,40 м III яруса (-1,40 м от н. р.), а у северной - на 0,35 м ниже. Вскрыто шесть уровней докушанских полов (включая уровень материка). Описание вскрытых слоев приводим, начиная от материка.

1-й пол проходит по уровню 0,25-0,30-0,40 м V яруса и представлен подрубленным материком с вкопанными по горловину хумами (3 - вдоль восточной стены и 1 - в С-З углу). Находки: фрагменты крупных фляги и горшка из глины с грубыми примесями, темно-коричневым ангобным покрытием. Из-под восточной стены - фрагмент бронзовой кирасы с железными заклепками. [33, р. 49, ill. 1].

2-й пол - на уровне 0,47-0,48 м IV яруса (при толщине обмазки до 0,10 м). Основание южной стены на 0,05 м выше. Ее пристройка к восточной стене датируется тем же временем. В слое (толщина - 0,15 м) найдено 35 фрагментов керамики. Из них более 50 % столовой посуды открытых форм - чашки, миски (в том числе с клювовидными и Г-образными венчиками); донца и венчики тарной посуды (светлоангобированных кувшинов и хумчей); пирамидаль-

ное грузило; два красноангобированных венчика от кубков. Обнаружена половина прямоугольной бронзовой пряжки с изображением всадника на лошади [2, кат. № 167, с. 287; 5, кат. № 141, с. 121].

3-й пол - на отметке 0,32-0,35 м IV яруса, с культурным слоем мощностью до 0,10-0,20 м. Из 26 сероглиняных фрагментов 3 принадлежат закрытым формам (горшки (?), котлы (?)). Из 68 светло- и красноангобированных: тарная посуда (хумы, тагара, кувшины) в основном изготавливалась из светлой глины, а столовая (мелкие кувшины, чашки, миски, касы, кубки, бокалы) - из красной. Из других находок: половина точильного камня, крышка от кухонного горшка (с отверстиями для выхода пара), миниатюрный керамический алтарь на двухступенчатом квадратном основании с резервуаром в виде перевернутого конуса.

4-й пол (0,07-0,12-0,25 м IV яруса) при мощности культурного слоя от 0,10 до 0,30 м оказался наиболее насыщенным керамическими материалами. Из 50 керамических фрагментов: 6 сероглиняных от чашек типа касы и кувшинов; остальные - светлоангобированные или с красным покрытием; большинство чашек с прямыми наклонными стенками и изломом у донца. Сокращается количество мелкодонной посуды, больше фрагментов кубков, появляются бокалы (донце). Несколько донце кувшинов. Два поильника с отогнутым наружу венчиком, крышка (с четырьмя отверстиями) от котла, сероглиняная фляжка (наподобие черепахи (?)), пряслица из мрамора, астрагал, уплощенное овальное грузило, гипсовый конус, курильница, миниатюрный керамический алтарь с тремя цилиндрическими уступами на двухступенчатом квадратном основании [2, кат. № 194, с. 293], а рядом - голова мужского персонажа (басилевса (?)) в петасе (?) от терракотовой скульптурки [2, кат. № 174, с. 289] и часть торса нагой богини с шарфом на шее и плечах.

5-й пол - на уровне 0,03-0,05 м IV яруса. Из его культурного слоя (мощность - 12-15 см) происходит бронзовый халк (малый номинал) греко-бактрийского царя Гелиокла (155-140 гг. до н. э.) или приближенного к оригиналу «варварского» подражания (по мнению Э. Ртвеладзе). Всего обнаружен 31 фрагмент керамики. Семь из них (22,5 %) - сероглиняные.

6-й пол проходил на отметке 0,45-0,50 м III яруса. Культурный слой с материалами утрачен, как и вышележащие кушанские слои.

Восточная, северная и западная стены пом. 93 и 93А сложены из сырцового кирпича (0,38х0,38х0,13-0,15 м), как и восточная стена цитадели. Отсутствуют керамические фрагменты с ярко выраженными характеристиками греко-бактрийского времени и более схожие с юечжийскими. Встречающиеся в завалах стен этого периода греко-бактрийские и селевкидские монеты свидетельствуют в пользу того, что более древние слои могли иметь место, но, вероятнее всего, либо в центральной, либо в южной частях цитадели. В связи с этим на данном этапе исследований мы склонны придерживаться более осторожной точки зрения в отношении датировок докушанских строительных горизонтов и культурных слоев.

Пом. 93А. Расположено между пом. 92 и 93 и имело общие с ними восточную и западную стены, а северная, как в обоих предыдущих случаях, служила обводной стеной всего здания первоначальной крепости и затем цитадели. При размерах, равных 3,80х2,75 м, она имела прямоугольную конфигурацию с ориентацией В - З по продольной оси. На ранних периодах обживания она являлась продолжением северного участка пом. 36, поскольку южная стена, пристроенная к восточной и западной стенам, была возведена в кушанский период и из-за сильного размыва сохранилась в высоту всего на один ряд (0,10 м) кирпича. Поэтому остатки дверного проема в ней тоже утрачены. Уча-

сток наиболее предпочтительного его местоположения мог быть в середине стены или близ Ю-3 угла. Стратиграфия напластований идентична пом. 93. Находки представлены богатыми комплексами столовой посуды. На втором сверху уровне пола (идентичном полу 5 в пом. 93) обнаружена уникальная терракотовая скульптурка зебувидного быка с горбом на холке. На вскрытом участке 1-го, нижнего пола находится врытый в материк хум.

СЕВЕРО-ЗАПАДНЫЙ БЛОК ДОМОВЛАДЕНИЙ

Внутренняя застройка этого «квартала» пронизана в северном направлении коридором-2, перпендикулярным оси основного коридора-1, от середины которого отходит в западном направлении коридор-3. Они связывают между собой десять домовладений «У» - «Я» (рис. 1-14).

Спаренные домовладения «У» - «Ф» (рис. 1-4).

Домовладение «У». Представляет собой двухкомнатную жилую «секцию» к западу от коридора-2А.

Пом. 55. Прямоугольное в плане (2,10-2,60х4,75-5,00 м), с проходами (ширина - 0,70 м) - в западной стене, ведущим в коридор-2, и в восточной стене, ведущим в пом. 54. В средней части комнаты, у восточной стены, отмечено зольное пятно напольного очага. Сохранность стен - от 0,20 м на юге до 0,50 м на севере. На них имеются 2-3 слоя глиносаманных штукатурок с побелками. В культурном слое над полом незначительное количество фрагментов столовой и тарной посуды и одна целая миска у восточной стены.

Пом. 54. Прямоугольное в плане (2,35-2,53х4,95-5,06 м). Толщина стены - 0,60-0,80-0,90 м. Пол выложен из сырцового кирпича (0,32х0,32х? м). Стена, разделявшая эти два помещения, возможно, была пристроена на втором этапе кушанского периода. Выкладка пола в данной комнате и ее отсутствие в соседнем помещении на последнем этапе обживания не исключают вероятности наличия в этой половине суфы, возведенной на раннем этапе. Уровень пола 1 - на отметке 0,40-0,45 м II яруса, что на 0,15 м ниже соответствующего пола в соседнем помещении этого домовладения. Находки: крышка от хума в С-3 углу.

Домовладение «Ф». Двухкомнатное, с входом из коридора-2.

Пом. 53. Прямоугольное в плане (2,60х3,75-3,90 м). Сообщалось с коридором-2 через проем (ширина - 0,75 м) в Ю-3 углу, в западной стене. В северной части имело проход в пом. 52. Уровень верхнего пола - от начала до 0,05 м II яруса. В соседнем помещении секции - на 0,05 м ниже. Находки: 61 фрагмент керамики, в основном столовой. Это разноформатные чашки, миски, горшки, кувшины, несколько рюмок и бокалов, тагара, сковороды, керамический «мини-столик-дастархан» на трех ножках, ручки от корчаг, крышки, наконечник трехлопастной, втульчатой бронзовой стрелы.

Пом. 52, с проходом в С-3 углу. Пол выложен сырцовым кирпичом, в котором имеются заглубленные очаги: прямоугольный у северной стены и овальный в С-В углу [21, с. 90-92]. Находки: терракотовая статуэтка нагой женщины с перекрестными ремнями на груди [2, кат. № 185, с. 291; 7, с. 81-82], обнаруженная *in situ* между очагами.

Комплекс из 4-х домовладений «Х» - «Ш» (рис. 1-15).

Домовладение «Х». Однокомнатное. Находилось к северу от пом. 53 и к югу от пом. 50. Имело с ними общие стены.

Пом. 51. Прямоугольное в плане (1,80-2,20х3,00-3,15 м), с проходом (ширина - 0,90 -0,95 м) и порогом (из двух рядов сырцового кирпича) в коридор-2 в Ю-3 углу. У середины восточной стены - зольное пятно напольного очага. Находки: фрагменты столовой посуды и костей животных.

Домовладение «Ц». Семикомнатное (рис. 1-16).

Пом. 50 («вестибюль»). Прямоугольное в плане (5,80х2,10-2,60 м), с проходом (ширина - 0,75 - 0,80 м) и порогом из двух рядов сырцового кирпича, ведущим из коридора - 2Б в Ю-З углу. У восточной стены - овальный напольный очаг.

Уровень верхнего пола - 0,10-0,12 м I яруса, с обмазкой толщиной 5-7 см; 2-й пол - на уровне 0,38-0,40 м I яруса, т. е. на 0,33 м ниже, с вымосткой из сырцового кирпича. Находки: фрагменты столовой и кухонной посуды.

Пом. 103. Трапециевидное в плане (длина - 4,60 м, ширина - 1,80-2,50 м), со скамьей (ширина - 0,40 м, высота - 0,50 м) вдоль северной стены. Уровень пола на 0,70 м ниже, чем в предыдущей комнате.

Пом. 48. Подквадратное в плане (2,80х2,80-3,00 м) с Г-образным проходом (ширина - 1,00-1,15 м) в С-З углу и еще одним в восточном углу.

1-й уровень (верхнего) пола - 0,60-0,65 м, в нем очажная ямка (диаметр - 0,30 м, глубина - 0,05 м) в центре. 2-й пол на 0,20 м ниже. В нем два врытых хума. Находки: керамическая кружка с петлевидной ручкой и полусферическим резервуаром [2, кат. № 150, илл., с. 284], - стояла *in situ* на пороге прохода; уникальная бронзовая монета с именем Гелиокла и изображением на об. ст. орла с распахнутыми крыльями (из кладки северной стены).

Пом. 71. Подквадратное в плане (3,10-3,40х3,60-3,80 м), с напольным очагом-алтарем (?) (ширина - 0,50 м) у западной стены. В стену его ниши вмазана керамическая плитка [20, с. 90-92]. Между ним и северной стеной складирована белая зола. На стенах сохранилось 10-15 ремонтных штукатурок и побелок. В южной стене - два заложённых прохода. Причём один из них (в 0,42 м от восточной стены, ширина - 0,85 м) на последних этапах функционировал, но имел высокий порог. Второй проход (ширина - 1,15 м) находится в 1,40 м к западу. Третий проход (ширина - 1,20 м) - в северной стене - ведет в пом. 99.

Пом. 99. Трапециевидное в плане (3,75-4,00х3,70-4,50 м), со скамьей (ширина - 0,35 м, высота - 0,50 м) вдоль западной стены. Уровень верхнего пола - 0,30-0,32 м I яруса с обмазкой (толщина - 10 см), перекрывающей скамью. 2-й пол на уровне 0,40 м I яруса перекрыт слоем чистого песка. В заполнении между полами - завал стен с фрагментами подквадратных или полусферических в сечении продолговатых брусков. Находки: двуручный амфоровидный кувшин в углублении верхнего пола у южной стены.

Пом. 49. Прямоугольное в плане (6,30-6,40х2,25-2,60 м), с закомом (2,50х1,10 м) в виде Г-образной стенки (толщина - 0,65 м) в С-З углу и хумом в центре. Еще два хума перекрыты северной стеной. Находки: пять бронзовых монет Канишки I.

Пом. 56. Трапециевидное в плане (6,90-7,20х1,55-2,75 м). Раскопано частично: проход, пол и находки пока не обнаружены.

Домовладение «Ч». Трехкомнатное (рис. 1-17).

Г-образный участок коридора-2Б и В к северу от входа в пом. 50 имел сильное понижение уровня пола. Находки: верхняя половина матрицы для оттисков лица бактрийского басилевса (?). Найдена у С-В угла в завале стен. Аналогична целой форме из завала стен пом. 17.

Пом. 104. Прямоугольное в плане, с проходом (ширина - 0,70 м), расположенным в южной стене и ведущим в коридор-2Б, скамьей (ширина - 0,35 м, высота - 0,40 м) у западной стены и стеной - «ширмой» (толщина - 2,50 кирпича) у южной стены. К ней был пристроен сырцовый подиум (высота - 1 ряд) с Т-образным очажным углублением [20, с. 90-92].

Сохранность стен - 0,20-0,50-1,10 м. Верхний пол - на уровне - 0,37 м II

яруса. Слой (толщина - 0,05 м) культурных напластований перекрыт натеками (толщина - 0,05-0,10 м) и завалом стен. Находки: фрагменты кухонного горшка и двуручного кувшина и в С-З углу - 16 необожженных пирамидальных грузил.

Пом. 105. Прямоугольное в плане (5,40-5,60х3,60-4,00 м), с проходом (ширина - 0,75-0,80 м) в южной стене и скамьей (ширина - 0,34-0,40 м, высота - 0,40 м) у западной стены. Посреди комнаты на трех уровнях полов имеются овальные очажные ямки, окруженные лунками с песком и золой. Уровень верхнего пола на 0,25 м ниже, чем в предшествующем пом. 104 (на отметке - середина III яруса). Второй и третий полы заглублены еще на 0,15 и 0,30 м.

4-й пол на уровне конца IV яруса (т. е. на 0,45 м ниже третьего пола), с врытым хумом юечжийского времени - перекрыт завалом стены. Находки: терракотовая плитка, изображающая юношу в коротком хитоне с горизонтальной флейтой [2, кат. № 181, с. 290; 29, с. 34-37]. Найдена на третьем полу у центрального очажка.

Пом. 106. Подпрямоугольное в плане (3,25-3,90х7,00-7,15 м). В Ю-В углу находятся сырцовый подиум (1,15-1,25х0,80 м) очага с квадратной топочной камерой на уровне пола приходящегося на конец III яруса. На отметке 0,42-0,45 м IV яруса зафиксирован еще один уровень пола.

Домовладение «Ш» (четырёхкомнатное), с трехступенчатым проходом из коридора-2В (рис. 1-16).

Пом. 109 (ритуальное (?)). Подквадратное в плане (5,90-5,60х6,30-6,40 м), с нишей (ширина - 0,85 и глубина - 0,25-0,30 м) в Ю-З углу южной стены, проходами в восточной (ширина - 1,00-1,10 м) и северной (ширина - 1,00 м) стенах в пом. 108 и круглым очагом (диаметр - 0,50 м), примыкавшим к ее середине.

Посередине помещения - подиум с квадратным очагом (0,40х0,40 м). В 0,30 м от С-В угла подиума, на восточном краю, находится углубление (ширина - 0,50 и длина - 0,76 м) [21, с. 90-92]. Находки: в одном из углов северной стены - хум, а в другом - в нише западной стенки подиума - кувшин с отбитой горловиной и круглым отверстием, просверленным в боку.

Рядом лежала левая часть челюстной кости барана и нижняя половина кубка с резервуаром, заполненным золой и обугленными веточками. Другой перевернутый кубок с аналогичным заполнением найден близ середины западной стены. Вокруг подиума очага - остатки органики, золы и кости животных.

Пом. 108 располагалось севернее. Подпрямоугольное в плане (4,00х1,60-2,10 м). В его южной стене имеется проход. Находок не обнаружено.

Пом. 107. Прямоугольное в плане (4,25-4,65х4,65-5,65 м), с проходом (ширина - 0,65-0,70 м) в южной стене. Замыкало анфиладу из трех комнат на севере. В южной половине сохранились культурные слои с полами кушанского времени, а на севере они смыты.

Посередине помещения находятся очажные ямки и скопления цилиндрических лунок с песком и золой. Находки: бронзовая монета Вимы Кадфиза (2-й пол). Полом ниже - эмиссия одного из парфянских царей с надчеканом; курильница-трипод найдена у северной стены, под завалом стен ниже кушанских слоев [2, кат. № 160, с. 286].

Пом. 23 (ритуальное или трапезная). Г-образное в плане, с нишей в Ю-В углу. Стены протяженностью: восточная - 3,00 м с нишей, северная - 4,70 м, западная - 3,00 м, южная - 2,80 м. В Ю-В углу ниши проход (ширина - 1,00 м) с двумя ступенями. На стенах помещения и в завале стен сохранились слои многократной ганчевой побелки и «облицовки». Пол (ниже на 0,50 м, чем в других комнатах домовладения) с ритуальными (?) очажками и очагами в сред-

ней части комнат, рядом с ними - складированная в лунках зола. Находки: фрагменты столовой посуды, перевернутые колоколовидные бокалы и кубки с золой, с отбитыми ножками и целые формы: горшочек, поильник с носиком.

Комплекс из 4-х домовладений «Щ» - «Я» (рис. 1-18).

Домовладение «Щ» (однокомнатное) у пересечения коридоров 2 и 3 (рис. 1-19).

Пом. 57 (сторожка (?)) трапециевидное в плане (2,60-3,00х2,15 м), с проходом (ширина - 0,65 м) в южной стене и суфой (ширина - 0,65-0,70 м, высота - 0,40 м) вдоль северной и восточной стен. Находки: фрагменты столовой посуды, чашки, бокал и поильник с носиком.

Коридор-3 (трехсекторный). Сектор «А» (длина - 2,20-2,50 м), в 0,90 м западнее прохода в пом. 57, с пристроенной к северной стене поперечной стенкой (толщина - 0,65-0,70 м, длина - 1,20 м), с проходом (ширина - 1,50 м) в участок «Б». В С-З углу этого участка - заглубленный в массив северной стены на 0,20 м напольный очаг (ширина - 0,40 м), заполненный золой. В массиве южной стены - еще два аналогичных очага (0,40х0,50 м). Между ними скамья из сырцовых кирпичей (длина - 2,20 м, ширина - 0,20 м). Общая длина для секторов «А» и «Б» коридора-3 по южной стене - 11,20 м, при ширине 2,75 м.

Участок, расположенный далее и перпендикулярно его продольной оси, получил наименование пом. 16. Оно прямоугольное в плане (5,15х3,00-3,25 м), с проходами в северной (ширина - 0,80 м), западной (ширина - 1,00 м) и восточной стенах. Вдоль восточной стены имеются четыре ступени (высота - 0,12-0,20 м, ширина - 0,32 м). Расчищено три уровня полов кушанского периода, которые приходятся на отметки первой, третьей и четвертой ступеней.

Домовладение «Э» (трехкомнатное) (рис. 1-19).

Пом. 17. Трапециевидное в плане (9,75-10,25х3,50-4,90 м). В восточной половине его располагалась выкладка платформы (4,20-4,70х4,20-4,90 м) наблюдательной башни (?) или суфы из сырцового кирпича (31х31х? см; 32х32х? см; 33х33х? см; 34х34х? см; 35х35х? см и несколько штук 39х39х? см). Нижний пол западной половины комнаты тоже выложен из сырцового кирпича. Возле южной стены - очаг-тандыр в полу, обмазанный глиной [21, с. 90-92], а у западной стены - днище хума, стоявшего на третьем полу. Находки: матрица для оттисков лица бактрийского базилевса [2, кат. №134, илл., с. 119; 19, с. 39, илл. 1а, б]. Бронзовые монеты: Сотера Мегаса (в обмазке нижнего пола), Вимы Кадфиза (средний пол) и Канишки I (верхний пол). Все они найдены у С-З угла (у предполагаемого прохода (?)).

Пом. 18 (хумхана) со стенами протяженностью: восточная - 2,80 м, северная - 10,00 м, западная - 4,10 м и южная - 10,70 м. Хумы, стоящие на нижнем полу из сырцового кирпича, расположены в три ряда - по 10-12 шт. в каждом. Расчищены два уровня полов: нижний - на отметке 14 см I яруса, верхний - на грани - начале I яруса.

Пом. 10 (кладовая с тремя хумами в северной половине). Подквадратное в плане (3,15-3,40х3,40 м), с проходом (ширина - 0,70-0,80 м) в пом. 18. Находки: сероглиняный кувшинчик из завала у северной стены.

Домовладение «Ю» (девятикомнатное), с входом через пом. 16 (рис. 1-20).

Пом. 14. Прямоугольное в плане (3,00-3,40х5,65-6,35 м), с проходом (ширина - 0,80 м) в южной стене, фасад которого оформлен двумя пилонами (0,20х0,80 м). Находки: фрагменты керамики и костей животных. Проход в С-В углу позволял проникнуть, минуя коридор (6,00х0,70-0,90 м), в пом. 19 к западу, охватывая, таким образом, с трех сторон пом. 13.

Пом. 13. Подквадратное в плане (3,40-3,60x4,50 м), с напольным очагом у восточной стены. Находки: фрагменты керамики и кости животных.

Пом. 19. Прямоугольное в плане (3,20x4,80-5,10 м), с двумя проходами: в восточной и северной (ширина - 0,85-0,90 м) стенах, а также напольным очагом у восточной стены.

Пом. 21, с проходами в южной, восточной и западной стенах. Верхние (кушанские) слои смыты. За северной стеной пом. 21, являвшейся также обводной стеной здания цитадели, размещалась башня-3.

Пом. 22. Подквадратное в плане (3,80-4,20x4,00 м), с проходом в западной стене и очагом на полу юечжийского времени у северной стены. Находки: фрагменты керамики и костей животных.

Пом. 110. Прямоугольное в плане (5,10x2,20-2,40 м). Южная стена, как и западная в пом. 23, надстроена в кушанский период (ранний этап). К юечжийскому периоду относится лежащая ниже западная стена, смещенная на 0,20 м западнее, а вся площадь раннего помещения включала и пом. 23.

Пом. 20 и 20А. Располагались к западу от пом. 19 и 21. Имели между собой общую стену, пристроенную в кушанский период. Пом. 20 (4,50-5,00x2,10 м) вытянуто с Ю на С. Пом. 20А (хумхана) трапециевидное в плане (2,70-4,20x5,00 м).

Пом. 111 - коридорообразное (11,70x1,50-1,70 м). Сохранилось несколько участков его западной стены. Находки: основания хумов докушанского периода, вкопанных в материк у южной стены.

Пом. 12 - западный участок этого же Г-образного коридора. Длина его южной стенки от Ю-В угла - 3,40 м при ширине - 1,00 м. Находки: хум, вкопанный в пол.

Домовладение «Я» (четырёхкомнатное, с коридором) (рис. 1-21).

Пом. 15 (прихожая). Прямоугольное в плане (4,80-4,60x2,00 м), со ступенчатым проходом (ширина - 2,10 м) в западной стене, ведущим в коридор-3Б, в свою очередь выходящим в пом. 5 (молитвенный (?) зал). В Ю-З углу найдены фрагменты хума. Высота стен: северной - 1,35 м и южной - 1,00 м. Уровень пола на 1,00 м (0,35-0,40-0,45 м III яруса) ниже, чем в пом. 16. Находки: каменный миниальтарь на полусферическом подиуме (найден на расстоянии 1,00 м от С-В угла помещения).

Коридор-3Б (8,00 x1,20- 2,00 м).

Пом. 5. Прямоугольный в плане (5,80-5,90x10,65-11,05 м) молитвенный (?) зал перед святилищем (пом. 11), с двумя проходами в восточной стене: один - в 3,00 м к югу от С-В угла, другой - в 0,30 м от Ю-В угла. Толщина стен - 1,05-1,15 м. Сохранность стен: от 0,00 м на западе до 1,20 м на севере, юге и востоке. В Ю-В проходе, ведущем в пом. 11, - двухступенчатый порог из сырцовых кирпичей, в промазке между которыми песок. Уровень верхнего пола на отметке 15-17 см IV яруса. 2-й и 3-й полы - с глиносаманными обмазками. В Ю-З и С-В углах в полу имеются лунки с золой и песком, расположенные concentрическими кругами. Причем крупные лунки (диаметр - 12-15 см) окружены средними (диаметр - 8-10 см), «опоясанными», в свою очередь, более мелкими (диаметр - 5-7 см).

В Ю-З углу имеется несколько округлых напольных очажков культового (?) характера. Вдоль северной и восточной стен - скамьи (ширина - 0,35 м) из сырцового кирпича.

Находки: терракотовая статуэтка нагой богини в «тюрбане» [2, кат. № 176, с. 289; 5, кат. № 128, илл., с. 116; 24, рис. 1г на с. 39, с. 40-41]; бронзовый перстень с изображением нагой богини Дурги-Парвати на троне [2, кат. № 201, с. 294; 24, рис. 2 на с. 40, с. 41]. Лепные терракоты - фигурка коня и скульптур-

ка, изображающая сидящего на троне жреца (?) или правителя (?) с головным убором типа куляха с отбитым верхом [2, кат. №180, с. 290; 5, кат. № 126, с. 115]. Найдены в слое зеленой органики, в средней части северной половины зала, на девятом (сверху) уровне пола.

Пом. 11 (святилище) [28, с. 74-75]. Подквадратное в плане (6,10-6,25х5,35-5,50 м), с двумя проходами в западной (ширина - 1,40 м) и восточной (ширина - 0,80 м) стенах. Стены (толщина - 0,90 - 1,30 м) сохранились на 0,25-1,50 м.

У южной стены находится алтарь-камин на ступенчатом трапециевидном подиуме (1,30-1,45х1,65-1,90 м), с полукруглыми выступами на углах и выступающими на 0,80 м за грань стены плечиками (0,80х0,15-0,25 м). Дно алтарного резервуара так же, как и задняя стенка ниши, выложено обломками жженой плитки [20, с. 90-92]. В 1,50 м от южной стены отмечены следы закопченной штукатурки из алтарной ниши под завалом стены.

Верхний уровень пола, прослеженный также и в Ю-В проходе, на отметке 42-45 см III яруса перекрывал лежавший ниже на 10-15 см. Обмазка последнего прочищена на ступени скамьи, опоясывавшей по периметру интерьер помещения. Более ранний пол, вероятно, датированный, как во всех помещениях цитадели, монетами Сотера Мегаса, послужил основанием возводившейся скамьи; его уровень был прослежен на отметке 25-30 см IV яруса. На раннем этапе каминообразный алтарь был одноступенчатым, а скамья пристроена позже. После ее перекрытия появляются вторая ступень подиума и два напольных очага посередине. Один округлый, другой квадратный, из сырцового кирпича. Промазка между кирпичами в кладке стен и обмазка среднего пола (с культовыми очагами) включала песок, белую золу, обугленные веточки, кусочки ганча, органические включения зеленого цвета.

Исследованиями в пом. 28 отмечено два отличия: отсутствие кусочков ганча и наличие черной золы вместо белой в строительных растворах. В последнем случае также замечено преобладание черного цвета в отделке интерьера. А именно - черной золой обмазывали глиносаманные штукатурки стен, а в кладке стен подобная грунтовка присутствовала на постелях всех кирпичей.

В пом. 11, особенно на южной стене, сохранились слои штукатурок и побелок (толщина - 25-30 см) от частых (нескольких десятков) косметических ремонтов.

Находки: бронзовые монеты Вимы Кадфиза из завала штукатурок стен в С-В углу, несколько фрагментов обугленных костей животных и фрагмент светлоглиняной курильницы; терракотовая плакетка с изображением божественной супружеской пары [2, кат. № 153, с. 285; 5, кат. № 127, с. 115; 7, с. 78-81] из слоя юечжийского времени в С-З углу помещения.

Пом. 9 (кладовая). Прямоугольное в плане (2,45х3,43 м), со скамьями из сырцового кирпича (ширина - 0,30-0,40 м; высота - до 0,50-0,60 м) вдоль северной и южной стен, а также проходом (ширина - 0,80 м) в западной стене, покрытых шестью слоями штукатурок.

В средней части южной стены сохранилось основание маленькой ниши, обмазанной ганчем, располагавшейся на расстоянии 0,90 м от восточной и в 1,00 м от западной стен. В плане она имела двухчастную конструкцию. Над верхним полом сохранилась тонкая (до 0,07 м) желтоватая прослойка от истлевшего дерева. Находки: два железных ключа (рис. 2): один - в завале стен в одном метре над полом, другой - на полу [2, кат. № 208-209, с. 295], железный серповидный нож (рис. 3), бронзовая монета «Варварского Гелио-кла», каменный терочник от зернотерки (под третьим полом, на котором стоял скамьи), керамическая база от миниатюрной колонны, а также мрамор-

ная микробаза с остатками основания истлевшей деревянной колонны, оббитой бронзовыми гвоздиками, шляпки которых, вероятно, составляли какой-то орнамент.

Северная группа. «Казармы». Два двухкомнатных домовладения «К» и «Л» располагались симметрично, по бокам центральной разделительной оси северной половины цитадели. Они имели выходы только на северную боевую площадку, связывавшую между собой башни-3 и 4 цитадели (рис. 1-4).

Домовладение «К» состояло из двух комнат, последовательно соединявшихся друг с другом.

Пом. 97. Прямоугольное в плане (4,80х2,45 м), с проходами (ширина - 0,75 м) в северной стене и (ширина - 0,95-1,00 м) в Ю-З углу. В С-З углу стоял хум. Кушанские слои утрачены.

Пом. 96. Подквадратное в плане (4,45-4,50х5,00-5,20 м), с проходом в С-З углу для связи с пом. 97 и суфой (длина - 3,10-3,15, ширина - 0,95 м, высота - 0,05-0,10 м) вдоль северной стены. В 1,70 м от восточной стены найден хум, а рядом с проходом - еще два хума. Находки: фрагменты столовой посуды.

Домовладение «Л» (двухкомнатное).

Пом. 100. Подквадратное в плане (4,10-4,25х4,75 м), с проходом (ширина - 0,85 м) в С-З углу северной стены. Частично смытые в северной половине культурные напластования сохранились возле южной стены вместе с перекрывающим их слоем завала (толщина - 0,70 м) и натеков. Рыхлое заполнение (толщина - 0,20 м) над верхним полом не содержало находок, кроме нескольких фрагментов стенок столовой посуды. Зеленая глиносаманная обмазка (толщина - 5 см) пола прослежена на уровне середины II яруса. Прослеженный на 0,36 м ниже второй пол, тоже кушанского времени, перекрыт рыхлым заполнением, без фрагментов посуды. С его уровня вырыты четыре хума. Два из них - у восточной стены: один - ближе к ее середине, второй - в С-В углу. Два других хума - у южной стены большой, а меньший - ближе к западной стене. Нижние слои помещения пока не вскрыты.

Пом. 101 (вестибюль). Прямоугольное в плане (4,75х1,80 м). Сохранность стен от материка: на севере - 0,05-0,10 м и на юге - 0,50 м.

На нижнем полу вырыты хумы и хумчи. Один из них - в проходе (ширина - 0,90 м), в северной стене - фрагмент донной части тагары-трипода. Два других - у южного прохода, вдоль западной стены. На самом нижнем полу находки отсутствовали, но вокруг хумчи во втором проходе были заложены семь овальных и одно пирамидальное грузило, одна мелкая чашечка, крышка, фрагменты двух глубоких чаш, донца вазы, кубка, кувшина и ручка большой тарной корчаги. Находки: фрагменты керамики - 6 от сероглиняных чашек типа касы; 24 - светлоангобированных, в основном от крупных и средних кувшинов и тагара, несколько чашек; красноангобированные - от кубка и бокала; две крышки от кухонных котлов; два овальных сплюснутых грузила.

ФОРТИФИКАЦИЯ

Система обороны цитадели Кампыртепа выявлена автором на протяжении около 160 м. Исследованиями установлено, что при возведении построек первоначального укрепленного поселения прежде всего учитывался природный фактор.

Так, склоны холмов, окруженных оврагами, подравнивали, а сами овраги углубляли и превращали в рвы, представлявшие первую линию обороны. Последние ввиду значительной глубины, ширины, отвесности краев и «заболоченности» были труднопреодолимы.

Вторая линия обороны, выявленная на восточном фасе цитадели (разрезы 2 и 3), - три барьерные стенки-протейхизмы, которые располагались на ступенях, вырубленных в материковой толще холма. Пространство между ними и основной стеной, помимо дополнительных оборонительных функций, могло выполнять и роль своеобразной «ловушки». Наличие этого рубежа обороны подтверждает высказанные ранее рядом исследователей предположения о том, что протейхизма вдоль стен городов Северной Бактрии появляется в античное время, как, например, на городищах Кейкобадшах, Кухнакала (Таджикистан), Карабагтепа (Узбекистан) [4, с. 77; 10, с. 290-293; 14, с. 45-49].

Третью линию обороны цитадели представляли монолитные стены и башни Кампыртепа, стоявшие на материковых ступенях подрубленного холма. На основании нумизматических и керамических находок время их возведения можно датировать не ранее середины III - II в. до н. э.

В ходе раскопок выявлено, что в устройстве восточных (рис. 1-1) и северных (1-2) укреплений имелись существенные конструктивные отличия. Восточная крепостная стена (толщина - от 3,20 м до 6,00 м на разных участках) имела внешний контур в виде ломаной линии с уступами.

Уступы (длина - 0,60-0,65 м). Длина отрезков стен до уступов различна. Так, в направлении Ю-С от южной оконечности они имеют размеры: 5,20 и 5,85 м до башни-1, а после нее - 6,65, 11,45 и 5,85 м.

На восточном фасе была выявлена одна башня. Башня-1 представляет собой «глухой» массив (без внутрибашенного помещения, пристроенный к средней части стены (11,65-11,70х1,90 м)). В С-В углу она имеет прямоугольный выступ (1,55-1,65х4,30 м). Выступ возведен на слоях мусора, которые к тому времени уже в значительной степени заполнили ров, повысив его уровень на несколько метров. Значительный участок этих напластований (длиной более 15 м) к северу от башни-1 смыт. Близ северной грани башни выявлены фрагменты барьерной стенки (толщина - 0,65 м), которая располагалась параллельно основной стене, на расстоянии 1,50 м. Она сохранилась на протяжении 1,00 м и была сооружена, вероятно, в великокушанское время.

Наблюдения, проводившиеся автором в ходе раскопок ранних фортификационных сооружений цитадели, позволяют предположить, что они появились спустя определенный промежуток времени после возведения первых жилых строений на вершине ее холма. Это подтверждается прежде всего тем, что слои мусора, скопившиеся на склонах возвышенности в результате жизнедеятельности первопоселенцев, в ряде случаев оказались под основанием крепостных стен. Особенно хорошо это заметно к северу от крепостной башни-1. Укрепления этого участка построены на ступенях, вырубленных на краю бугра, и спускаются к югу. Подрубленный в виде ступенчатых площадок материк холма послужил своеобразным фундаментом под стены здания цитадели.

Башня-2. Прямоугольная в плане (10,70-11,00х1,10-3,00 м), вытянута с В на З. Расположена в С-В углу цитадели на расстоянии около 24 м от башни-1. Ее остов вырублен в материковом холме и заключен в кирпичный футляр из одного-двух рядов квадратного сырцового кирпича. С-В угол башни завален. Стены башни прослежены вниз от верхней материковой площадки на 1,50 м. Над материковой поверхностью боевой площадки башни сохранилось два культурных слоя толщиной около 0,10 м каждый. Оба перекрыты завалами стен. Верхний культурный слой, оставленный на сnivelированном завале докушанской стены, синхронен периоду правления Сотера Мегаса. Поверх него прослежен уровень пола, который был подрезан таким образом, что врубался в край материковой ступени настолько, чтобы оставить площадку

для барьерной стены в один ряд кирпичей, за которым начиналась обкладка сырцовым кожухом внешней грани вырубленного из материкового холма монолита самой угловой башни-1. Ремонтная обкладка фасада башни вместе с надстройкой барьерной стенки были осуществлены, по-видимому, не позднее времени правления Вимы Кадфиза. Это предположение основано на том, что бронзовый халк этого кушанского царя был обнаружен в примыкающем к ремонтной стене слое промазки верхнего пола, которой заодно была обмазана и внешняя грань подрубленной ступени материка, докушанских культурного слоя и завала стены. А затем уже к ней была пристроена ремонтная стена обкладки внешнего кожуха башни-1.

Во внешней штукатурке завала нижней стены, напротив пом. 91, обнаружен вмазанный в нее серебряный обол греко-бактрийского царя Евкратиды (171-155 гг. до н. э.), а на самом материке площадки, под завалом, найдена терракотовая плакетка с изображением воина [2, кат. № 152, с. 284; 5, кат. № 125, илл., с. 114; 33, р. 49-55].

Северная крепостная стена также с уступами. Длина стены от С-В угла и до первого прямоугольного уступа (ширина - 0,85 м) - 3,10 м, далее прямой отрезок, отходивший под углом 90° в западном направлении, был прослежен на 23 м. После очередного прямоугольного уступа (ширина - 0,90 м) до подобного же излома участок стены 13 м. Причем последний уступ приходился на внешний фас общей стены, между пом. 97 и 101, и также был равен 0,90 м, тогда как предшествовавший приходился на стену, разделявшую пом. 93 и 94. После еще одного отрезка стены (длина - 14,00 м) стена опять поворачивала на юг вдоль стены между пом. 105 и 107. Далее выявлена ниша (ширина - 4,50-4,70 м), заглубленная на 0,80 м на юг. Она располагалась напротив пом. 107. Протяженность следующего участка стены, к западу от этой ниши, составляла 26,80 м, затем - справа уступ (1,00 м), а другой, перпендикулярный ему отрезок - 5,00 м. Последний уступ в южной плоскости совпадает с торцевой стеной башни-4 близ С-З угла цитадели.

Башня-3. Располагалась почти в центре северного фаса, на расстоянии 16,50 м от башни-2. Прямоугольная в плане (длина - 10,00 м). Ввиду сильного размыва ее фасадную стену прочистить еще не удалось, а торцевые стены пока прослежены на 2,00 м. В ее восточной части расчищено пространство прямоугольной камеры (2,50x1,50 м), вытянутой параллельно продольной оси самой башни. Возле ее южной стены, врезанной в материковую площадку, представлявшую собой обходную дорожку, выявлены остатки резервуаров двух хумов (рис. 2 в статье Д. Русанова).

Башня-4. Располагалась на расстоянии 24,10 м от башни-3. Подпрямоугольная в плане, вытянута с В на З на 11,70 м. Торцевые стены имели протяженность: на востоке - 2,60 м от материковой грани северного фаса внешней стены, на западе - 4,70 м (поверху) и 4,30 м (понизу), поскольку книзу они имели некоторый уклон на 0,40 м при высоте между точками замеров в 2,00 м.

Между башнями 3 и 4 располагался пристроенный к внешней грани материковой платформы контрфорс протяженностью 4,10 м, выступающий за грань основной стены на 1,00-1,30 м. Боевая площадка, расположенная между башнями 3 и 4, была устроена между внешней обводной стеной здания цитадели и барьерной стенкой (?). От последней сохранились остатки самой поздней надстройки (толщина - 0,70-0,80 м), возведение которой хронологически совпадает с ремонтной панцирной обкладкой башен и датируется монетами Вимы Кадфиза.

Таким образом, эти стены и башни представляли собой следующий рубеж обороны. Уступы, контрфорсы и башни обеспечивали возможность про-

стрела «мертвого» пространства вдоль стен, а монолитная мощь «облицовочной» стены и платформы, вырубленной из материковой толщи холма, позволяла повысить надежность защиты крепости-цитадели от осадных орудий.

На северном и восточном фасах цитадели в 1982-1983 гг. заложено несколько разрезов с целью определения внешней конфигурации и границ ее оборонительных сооружений и застройки. Наиболее полная стратиграфическая картина получена в разрезе-4 протяженностью 28 м, захватившем северный склон цитадели, внутренний ров и прилегающую к нему застройку «города». Разрез начат с поверхности цитадели, которая на этом участке ниже нулевой отметки на 1,30 м. На краю застройки цитадели выявлена внешняя стена (толщина - 1,75 м), сложенная из сырцового кирпича. Первоначальная ширина рва на этом участке - 19,35 м. Таково расстояние между двумя гранями вертикально подрубленного материка цитадели и «города». Впоследствии ров стал заполняться мусором. Возможно, при Виме Кадфизе или после него были осуществлены его застройка на некоторых участках и вымостка сырцовым кирпичом для его использования в качестве улицы. Строения последнего периода обживания прослежены в этом разрезе, а их описание приведено ниже.

Пом. 1. Ширина - 1,75 м, отделено от пом. 2 стеной (толщина - 0,70 м, высота - 2,00 м) из сырцового кирпича (0,31х0,11 м). Основание этой стены находится ниже уровня основания ремонтной обкладки (возможно, в 1 ряд кирпича) башни-4 цитадели на 0,38 м. Отмечено два уровня полов: 1-й - на глубине 6,15 м от нулевого репера, 2-й - на отметке 6,00 м от него. Под первым полом зафиксирован плотный утрамбованный кирпичный завал, в нем на уровне 6,47 м найдена монета Вимы Кадфиза. Между первым и вторым полами - плотное заполнение, над вторым рыхлый завал комковатой структуры с фрагментами и целым кирпичом (0,31х0,31х0,12 м).

Пом. 2. Ширина - 1,75-1,80 м. Располагалось к северу от предыдущего и южнее пом. 3, от которого было отделено стеной (толщина - 0,75 м). Расчищено (пока) два уровня полов. Над вторым найдены нижняя половина терракотовой плитки с изображением сидящей богини, в левой руке которой - обнаженный мальчик-сатир, в другой - птица (?), сирена (?) или сфинкс (?) [2, кат. № 188, илл., с. 292; 28, с. 78, илл.], а также фрагмент нижней части объемной столбообразной скульптуры. Заполнение над полом представляет чередующиеся слои плотного и рыхлого завалов, в которых встречаются целые сырцовые кирпичи (0,31х0,31х0,12 м).

Пом. 3. Ширина - 2,50 м. Зафиксировано два уровня полов на отметках 6,50-6,80 и 6,40-6,45 м от н. р. С севера оно ограничено стеной (толщина - 0,65-0,70 м, высота - 1,80 м) из сырцового кирпича (0,32х0,32х0,11; 0,34х0,34х0,12 м).

За пределами северной стены пом. 2 зафиксированы остатки выкладки в два ряда сырцового кирпича (толщина - 0,13 м). Видимо, это было основание улицы, устроенной по дну заполненного мусором рва. Ее ширина от стены «городской» застройки была равна 4,20-4,25 м. Стена (толщина - 0,80 м), ограничивающая улицу с севера, сложена из сырцового кирпича (0,32х0,32х0,13 м). Она же являлась внешней стеной С-3 квартала из застройки «города». За ней расчищено помещение шириной 2,60 м, имеющее пристроенную к вертикальной грани подрубленного материка стену из кирпича (0,30х0,30х0,09 м). Верхний уровень пола в нем выявлен на отметке 6,12-6,20 м и почти совпадает с полами в пом. 2 и 3 со стороны цитадели.

К северу от этого помещения в разрезе-4, на отметке 5,40 м от н. р., расчищена горизонтальная площадка выровненного материка, на которой найдена бронзовая монета Сотера Мегаса. Далее, в том же направлении, отме-

чены остатки строений, в значительной степени смытых ввиду их нахождения на склоне холма.

Таким образом, полученные в ходе раскопок материалы характеризуют структуру цитадели Кампыртепа, представленную строениями трех этапов кушанского периода. Последний этап ее обживания, на основании нумизматических данных датируется временем правления кушанского царя Канишки I (нач. II в. н. э.).

Цитадель Кампыртепа, как и другие цитадели Бактрии, занимала наименее уязвимое и наиболее выгодное для оборонительных целей положение. Вероятно, в более ранний период первое поселение на ее месте возводилось как военно-оборонительное сооружение, мощь укреплений которого с монолитной кладкой стен и башен соответствует греко-бактрийским традициям. К примеру, в укреплениях нижнего города Ай-Ханум стены IV - II вв. до н. э. имеют выступающую на 11 м монолитную башню (длина - 18,70 м). В крепостных стенах «Бактры I» имеются аналогичные широкие выступы (15,00x2,50 м), повторяющиеся через определенные интервалы. В Кейкобадшахе (III - I вв. до н. э.) имеются стены толщиной 4,20 м в основании и монолитные башни (13x6 м) с пролетом куртин 20-22 м. Античные укрепления цитадели Дальверзинтепа фланкированы аналогичными башнями-пилонами (25,00x5,80-6,00 м) [6, с. 47-48].

После преобразования (в кушанское время) бывшей крепости в цитадель изменились ее функции, а пространство внутри крепостных стен застраивается домовладениями с жилыми, хозяйственными и складскими помещениями [23, с. 100-101].

Окружавший цитадель ров к великокушанскому времени почти наполовину был завален мусором. В С-З части он застраивается двумя домами с коридорообразными помещениями, располагавшимися параллельно его продольной оси. В средней части между блоками оставалось свободное пространство для улицы. На восточном фасе в коридорообразные пространства между барьерными стенками и основной крепостной стеной устанавливаются хумы.

Но цитадель, несмотря на значительное повышение уровня рва, не потеряла к тому времени полностью своего военно-оборонительного значения, что подтверждают следы неоднократных ремонтов ее стен. Сложность сплошной системы ее застройки, вероятно, можно объяснить необходимостью затруднить передвижение в ней в случае захвата противником.

Некоторые структурные аналогии можно проследить на цитадели Дильберджина - крупного кушанского городища, расположенного всего в 60 км к югу от Кампыртепа, которое в поздний (позднеантичный) период обживания также имело сплошную застройку [3, с. 153, план].

Сплошную (?) застройку имело и раннесредневековое поселение, перекрывавшее античную цитадель Дальверзинтепа [6, с. 44-47].

В цитадели Топраккалы в Хорезме в позднеантичный период находились дворец, храм огня и ряд построек служебного характера, а также, предположительно, казармы и хранилища [11, с. 138]. В Эрк-кале - цитадели древнего Мерва - располагались дворец правителя, арсенал и административные здания [32, с. 22-23].

По мнению Г. Пугаченковой, цитадели античных городов Средней Азии были местом сосредоточения административных зданий и различных служб, находившихся при дворце правителя: складов, построек для гарнизона [14, с. 256].

Истоки традиционных для горных районов Средней Азии методов возве-

дения строений на террасах явно прослеживаются в устройстве и конструктивных деталях крепостных стен цитадели, а также ее «городской» внутренней застройке [17, с. 90; 23, с. 77-79; 27, с. 115-116] и культовых постройках Сурх-Котала [31, рис. 29].

Вместе с тем, как показывают исследования цитаделей Дильберджина, Дальверзинтепа и Кампыртепа, со временем они частично утрачивают (?) свои военно-административные функции и превращаются в сооружения с жилыми домовладениями. Хотя в нашем случае отмечено и наличие культовых помещений в ряде комплексов, а также появление новой функции - гостиницы - постоянного двора [8, с. 21-22].

Таким образом, раскопки, проводившиеся автором на городище Кампыртепа, позволили получить материалы, необходимые для понимания устройства, а также генезиса и эволюции цитаделей в Бактрии.

Примечания:

¹ Поскольку характеристика стратиграфических особенностей требует специального рассмотрения, то автор не концентрирует внимание на стратиграфии находок, а описывает их фиксацию только по соответствующим помещениям.

² Научный руководитель работ на городище Кампыртепа Э. Ртвеладзе, начальник отряда - С. Курбанов (Савчук). В разные годы в исследовательских работах и раскопках на цитадели Кампыртепа принимали участие: архитекторы И. Лунькова, Д. Русанов, З. Аршавская, И. Азимов, археологи А. Восковский и Л. Дударева, бывшие тогда студентами кафедры «Археологии Средней Азии» ТашГУ (ныне НУУ) В. Смыков, С. Незиньковский, Г. Алиева, Н. Скугарова, а также в качестве рабочих-землекопов школьники поселка Гагарино и селения Шуроб-Чагара.

³ Аналогичную сплошную застройку имели многие античные и раннесредневековые цитадели на городищах: Дильберджин в Афганистане (Кругликова, 1983), дворец Топрак-калы в Хорезме (Рапопорт, 1984), Дальварзинтепа в Сурхандарье (Курбанов, 1999), Кафыркала в Таджикистане (Литвинский, Соловьев) и др.

⁴ Их описание приведено ниже, а также в ряде материалов, опубликованных этим же автором под фамилией Савчук - см. библиографию.

⁵ Шурф был заложен в 1970-х годах в ходе разведывательных раскопок, руководимых Ш. Пидаевым.

Библиография:

1. Альбаум Л. И. *Балалык-тепе. К истории материальной культуры и искусства Тохаристана. Ташкент, 1960.*
2. *Древности Южного Узбекистана. Каталог. См: Савчук С. А. Кат. №№ 82, 146-157, 158, 160-190, 193-197, 199-212 (64 аннотации). Токио, 1991.*
3. Кругликова И. Т. *Дильберджин - кушанский город в Северном Афганистане // Археология Старого и Нового Света. М., 1983.*
4. Кузьмина Е. Е., Певзнер С. Б. *Оборонительные сооружения городища Кей-Кобадшах // КСИИМК. Вып. 64. М.-Л., 1956.*
5. *Культура и искусство древнего Узбекистана. Каталог. Т. I. См: Савчук С. А. Кат. №№ 123-145. (23 аннотации). М., 1991.*
6. Курбанов С. А. *Археологическое изучение раннесредневековых слоев в восточной части цитадели городища Дальверзинтепа // Материалы*

полевых исследований Узбекистанской искусствоведческой экспедиции (УзИскЭ). (Предварительные итоги исследований Узбекско-японской Бактрийской экспедиции на цитадели Дальверзинтепа в 1998 году). Вып. 3. Ташкент, 1999.

7. Курбанов С. А. Индо-бактрийско-эллинистические традиции в пластике Кампыртепа // ОНУ. № 9-10. 1999.

8. Курбанов С. А. Цитадель Кампыртепа (к формированию и динамике развития античных цитаделей Бактрии) // Автореферат дисс... канд. ист. наук. Самарканд, 2000.

9. Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана. М., 1985.

10. Мандельштам А. М., Певзнер С. Б. Раскопки Кафирниганского отряда в 1952 - 1953 гг. // МИА. 66. М., 1958.

11. Неразик Е. Е. Некоторые вопросы истории городов и истории культуры древнего Хорезма в свете раскопок городища Топрак-кала // Городище Топрак-кала (раскопки 1965 - 1975 гг). М., 1981.

12. Нильсен В. А. Становление феодальной архитектуры Средней Азии (V - VIII вв.). Ташкент, 1966.

13. Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979.

14. Пугаченкова Г. А. Халчаян. Ташкент, 1966.

15. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия - Тохаристан. Ташкент, 1990.

16. Рапопорт Ю. А. Центральный массив Топрак-кала. Дворец // Труды ХАЭЭ. Т. IX. М., 1984.

17. Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость Кампыр-тепе // ВДИ. № 2. 1984.

18. Ртвеладзе Э. В. Монетные комплексы из Кампыр-тепе // Вторая нумизматическая конференция. М., 1987.

19. Ртвеладзе Э. В. Новые данные к истории государства Кушан // ОНУ. № 5. 1997.

20. Савчук С. А. Алтари-камины и очаги Кампыртепа // Археология Средней Азии. Тезисы докладов. Истфак. ТашГУ. Ташкент, 1990.

21. Савчук С. А. К изучению цитаделей Бактрии // Тезисы докладов VI искусствоведческой научно-теоретической конференции молодых ученых... (12-13 мая 1987). Ташкент, 1990.

22. Савчук С. А. К истории культурных связей крепости Кампыртепа // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.

23. Савчук С. А. Кушанская цитадель Кампыртепа // Городская среда и культура Бактрии - Тохаристана и Согда (IV в. до н. э. - VIII в. н. э.). Тезисы докладов совместного французского коллоквиума. Самарканд, 25-30 августа 1986. Ташкент, 1986.

24. Савчук С. А. Предметы малого искусства из Кампыртепа // ОНУ. № 7. 1984.

25. Савчук С. А. Раскопки в цитадели Кампыртепа // АО-1985. М., 1987.

26. Савчук С. А. Раскопки крепости Кампыртепа и проблемы методики археологических исследований // Тезисы докладов 2-й региональной конференции молодых ученых-историков республик Средней Азии и Казахстана... Фрунзе, 1987.

27. Савчук С. А. Фортификация Кампыртепа // Тезисы докладов научной конференции «Творческое наследие народов Средней Азии в памятниках искусства, архитектуры и археологии» (26-29 мая 1985, Дальверзинтепа). Ташкент, 1985.

28. Савчук С. А. *Цитадель Кампыртепа // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.*
29. Савчук С. А., Малькеева А. А. *Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа // ОНУ. № 5. 1989.*
30. Савчук-Курбанов С. А. *Некоторые аспекты социо-культурных интерпретаций в изучении традиций и инноваций искусства Бактрии // Тезисы докладов международной конференции «Традиции и новаторство в искусстве Центральной Азии (история и современность)». Ташкент, 1995.*
31. Ставиский Б. Я. *Кушанская Бактрия. М., 1977.*
32. Толстов С. П. *Древний Хорезм. Опыт историко-археологического исследования. М., 1948.*
33. Savchuk S. A., Nikonorov V. P. *New data on ancient Bactrian body-armour (In the light of finds from Kampyr tepe) // Iran. XXX. Published by the British Institute of Persian Studies. 1992.*

Рис. 1-1.
Фортификация
восточного фаса
цитадели. Башня 1.

Рис. 1-2.
Фортификационные
сооружения
северного фаса.
Башни 2, 3, 4
и контрфорс.

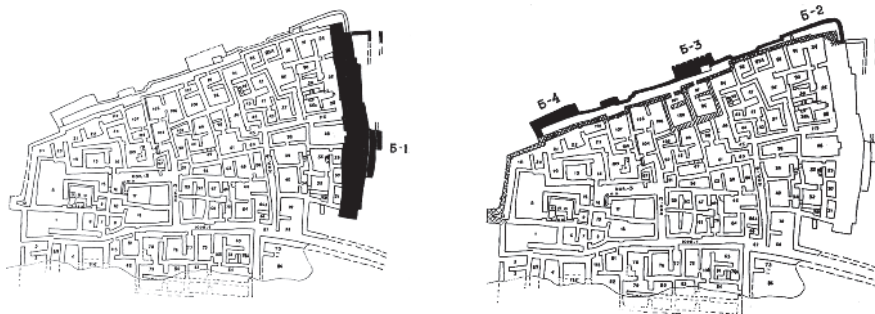

Рис. 1-3.
Схема размещения
«кордегардий»
(сторожек или
лавок(?)).

Рис. 1-4.
Схема размещения
«казарм» (или жилья
прислуги(?)).

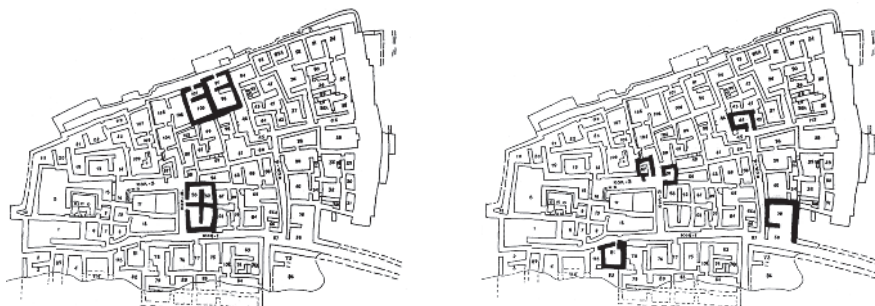

Рис. 1-5.
Центральная группа.
Домовладения «Е»
(пом. 76-80),
«Ё» (пом. 67-70,
«казармы» или жилье
прислуги), «Ж» (пом.
58-58, 62, 64-66А).

Рис. 1-6.
Юго-восточный блок.
Домовладения «З» (63,
74, 74 А, 75, 83, 84,
102), «И» (пом. 73, 86).

Рис. 1-7.
Юго-западный блок.
Домовладения «Б»
(пом. 1), «В» (пом. 6-
8), «Г» (пом. 2-4, 82,
85, 89, 114, 115), «Д»
(пом. 81).

Рис. 1-8.
Юго-западный блок.
Домовладения «В»
(пом. 6-8) и «Г» (пом.
2-4, 82, 85, 89, 114,
115).

Рис. 1-9.
Северо-восточный
блок. 7 домовладений
«М» - «Т».

Рис. 1-10.
Северо-восточный
блок. Домовладения
«М» (пом. 30-32 А,
33-34, 4, 40, 85, 122)
и «Н» (60-61, 98-
98А).

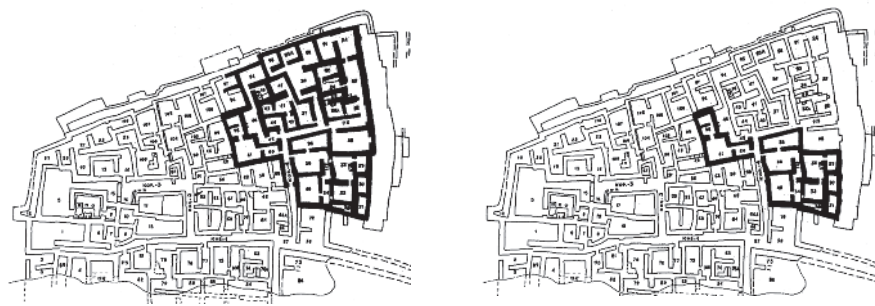

Рис. 1-11.
Северо-восточный
блок. Домовладения
«О» (пом. 44) и «П»
(пом. 45-46А, 94-95).

Рис. 1-12.
Северо-восточный
блок. Домовладения
«Р» (пом. 37, 41-43,
47) и «С» (пом. 24-28,
35-35А, 90-91, 113).

Рис. 1-13.
Северо-восточный
блок. Домовладение
«Т» (пом. 36-92-93А).

Рис. 1-14.
Северо-западный
блок. 10
домовладений
«У» - «Я».

Рис. 1-15.
Северо-западный
блок. Комплекс из 4-х
домовладений
«Х» - «Ш».

Рис. 1-16.
Северо-западный
блок. Домовладения
«Ц» (пом. 48-50, 56,
71, 99, 103) и «Ш»
(пом. 23, 107-109).

Рис. 1-17.
Северо-западный
блок. Домовладение
«Ч» (пом. 104-106).

Рис. 1-18.
Северо-западный
блок. Комплекс из 4-х
домовладений
«Щ» - «Я».

Рис. 1-19.
Северо-западный
блок. Домовладения
«Щ» (пом. 57) и «Э»
(пом. 10, 17, 18).

Рис. 1-20.
Северо-западный
блок. Домовладение
«Ю» (пом. 13, 14, 19-
22, 111, 127).

Рис. 1-21.
Северо-западный
блок. Домовладение
«Я» (пом. 5, 9, 11, 15).

Рис. 2.
Железные ключи.

Рис. 3.
Железные изделия,
Предметы
вооружения и быта.

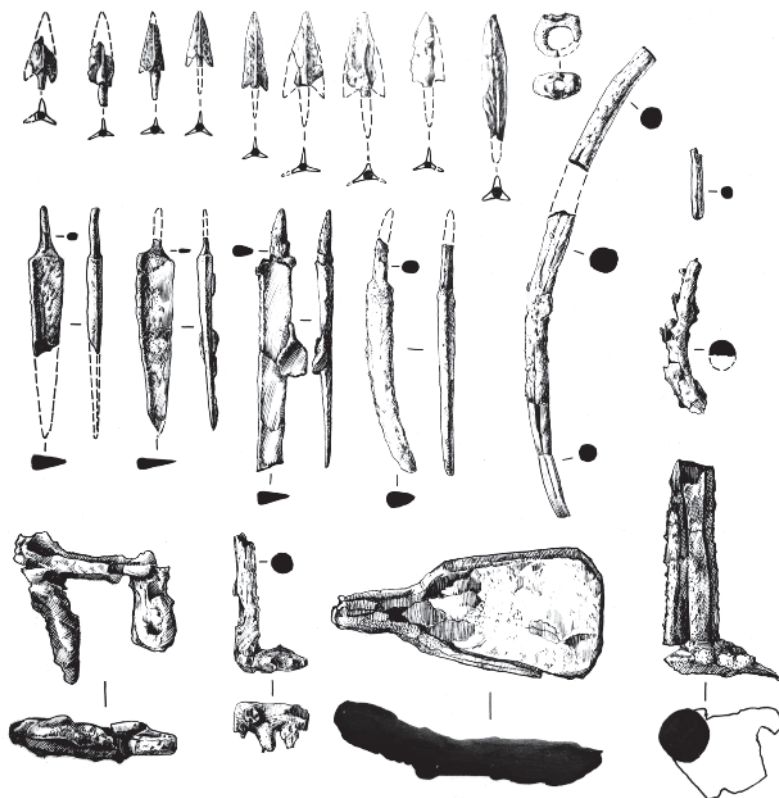

Рис. 4.
Железная теша
(подъемная,
из восточного рва
цитадели).

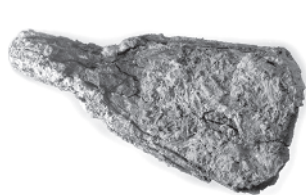

Рис. 5.
Железный топор
(из пом. 91).

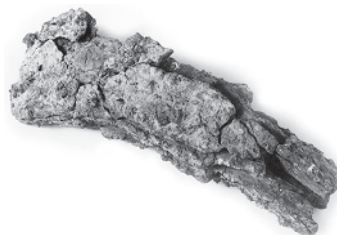
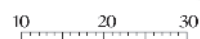
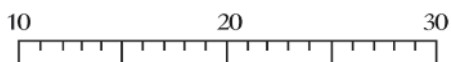
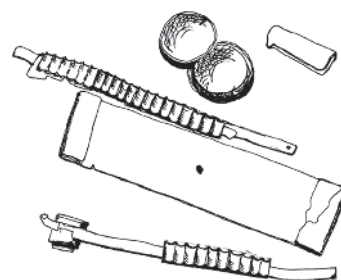
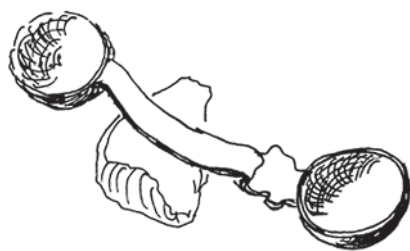

Рис. 6-1.
Первый тип весов
(пом. 74).

Рис. 6-2.
Второй тип весов
(пом. 74).

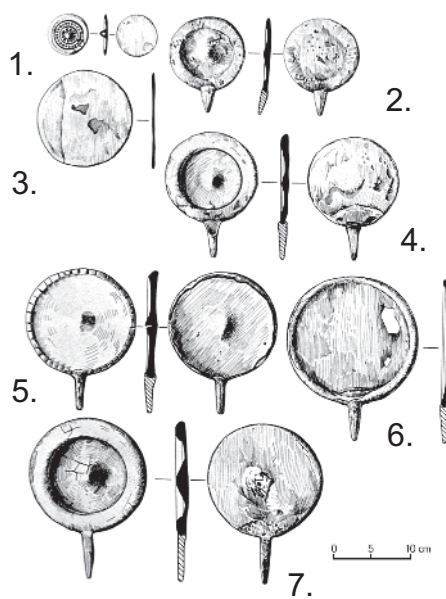
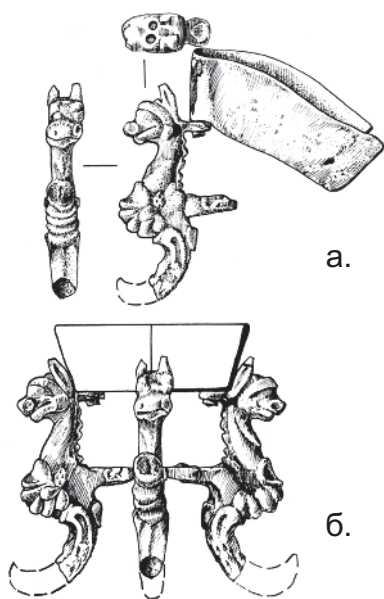

Рис. 7.
Бронзовый
вотивный
жертвенник-алтарь
с ножкой в виде
протомы
львогрифона:
а) вид ножки с
резервуаром;
б) реконструкция.

Рис. 8.
Бронзовые зеркала:
1) из пом. 27;
2-7) из. пом. 74.

Рис. 9.
Двуручный
широкогорлый
горшок из пом. 25.

Рис. 10.
Мраморные
микробазы из
пом. 95.
Фрагмент
полусферы из
пом. 33.

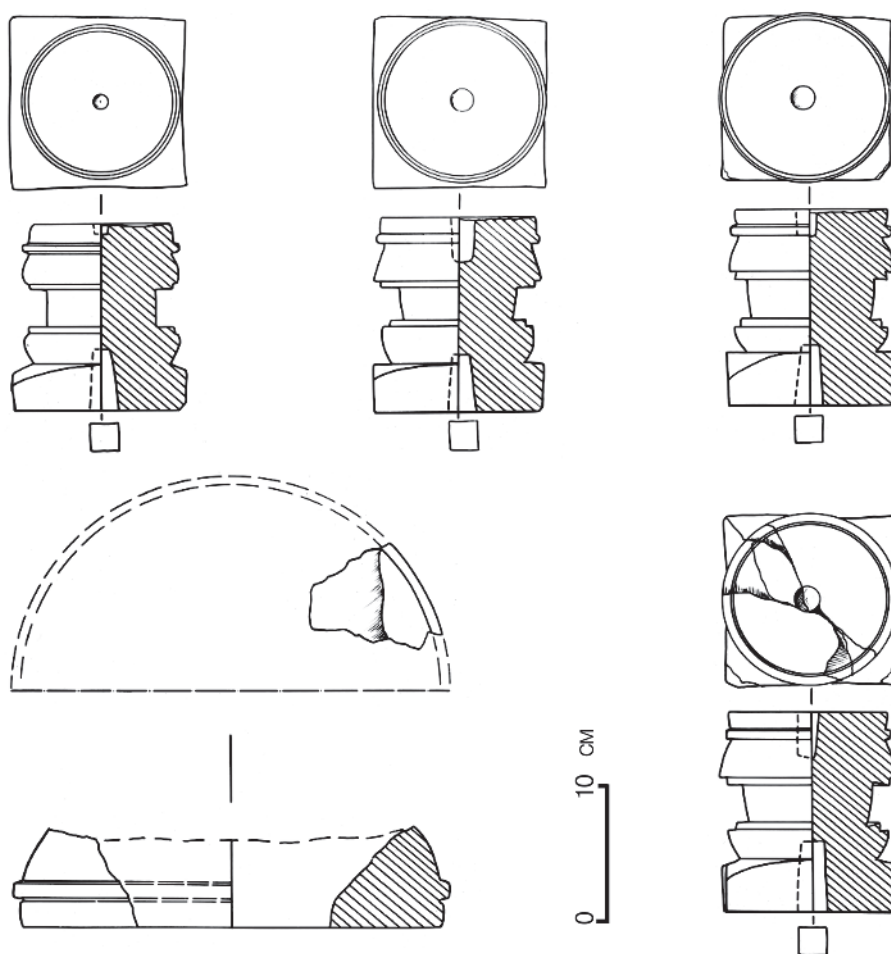

Рис. 11.
Стратиграфический
разрез-4 на северном
фасе цитадели.
Заложен вдоль
восточной грани
башни-4.

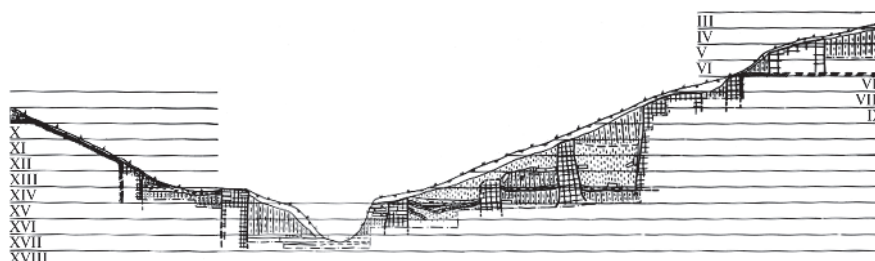

Рис. 12.
Вид с северо-запада
на северный фас
цитадели и
стратиграфический
разрез-4.

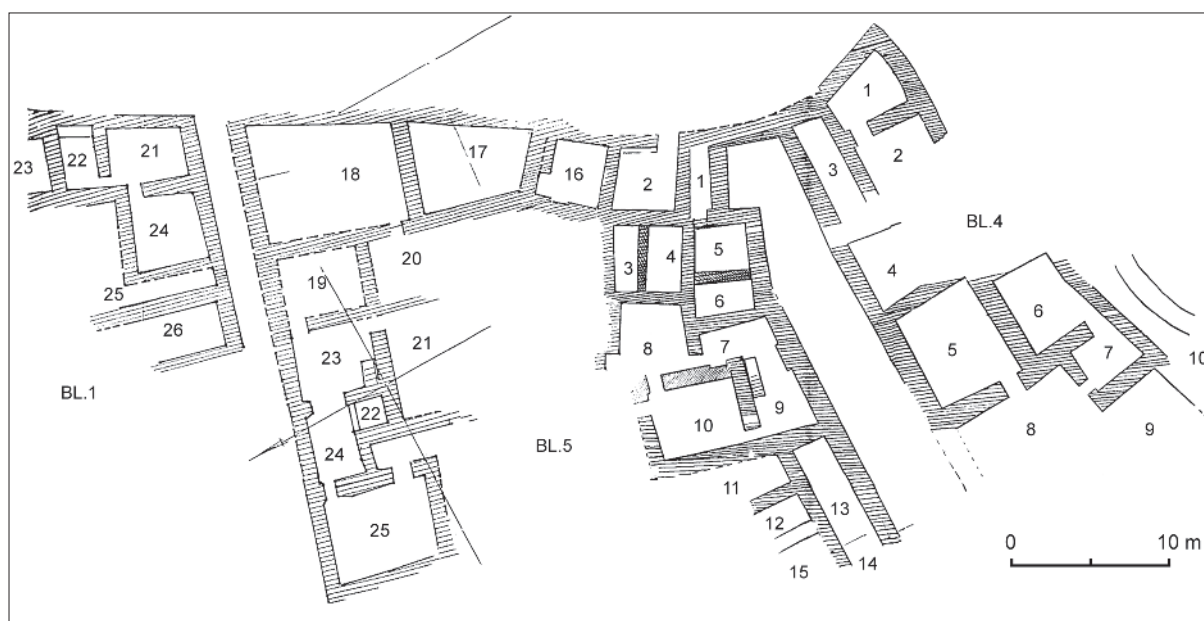
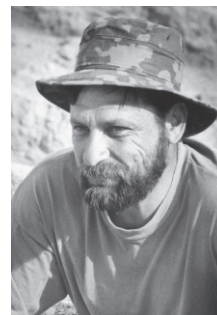
РАСКОПКИ ЖИЛОГО КОМПЛЕКСА В ВОСТОЧНОЙ ЧАСТИ КАМПЫРТЕПА

К. Шейко

Городище Кампыртепа с 1979 г. начало изучаться археологическим отрядом НИИ искусствознания [1, с. 182-187]. С 1987 г. в работы включилась археологическая группа Сурхандарьинского областного краеведческого музея¹. По рекомендации Э. Ртвеладзе объектом нашего изучения стала юго-восточная часть жилого комплекса городища, которая в дальнейшем получила название КТР-5. Южная часть выбранного участка смыта водами Амударьи еще в глубокой древности, что, по нашему предположению, явилось одной из причин прекращения функционирования этого городища.

Перед началом археологических работ выбранная территория представляла собой не совсем ровную площадку, которая в южной и западной частях была сильно размыта и имела тенденцию к понижению. Западная часть изучаемого участка находится на склоне оврага, который отделяет жилой комплекс от цитадели городища и также имеет тенденцию к понижению из-за смыва почвы.

Цитадель отделялась от жилого комплекса внутренним рвом, который служил усилению ее обороноспособности [2]. Вполне вероятно, что, размыв южную часть города, Амударья смыла и сильно деформировала границы этого рва. В восточной части комплекс примыкает к внешней крепостной стене,

образуя стрелковую галерею². Крепостная стена была возведена на склоне оврага, внизу которого проходил внешний ров. В северной части КТР-5 примыкает к объекту КТР-4.

Еще в начале работ на Кампыртепа Э. Ртвеладзе было замечено, что основная концентрация зданий жилого комплекса сосредоточена в восточной части, которая начинается от крепостной стены и, в свою очередь, делится на четыре отдельных блока. [2, с. 90]. Забегая вперед, отметим, что таких массивов-блоков в настоящее время зафиксировано пять.

За три полевых сезона археологической группой Сурхандарьинского музея оконтурировано 24 помещения, из которых полностью или частично вскры-

Рис 1.
План жилого
комплекса в
восточной части
Кампыртепа.
Выполнен
архитектором
Д. Русановым.

то 22 (рис. 1). Назначение помещений, судя по находкам и характеру культурного слоя, было различным. Те помещения, в которых найдены большое количество хумов и другие крупные сосуды, по всей вероятности, использовались как кладовые, где хранились зерно, мясо, вино и иные продукты. Другие помещения, где обнаружено большое количество костей животных, яичной скорлупы и косточек от овощей и фруктов, служили трапезными и кухнями [5, с. 74]. На объекте КТР-5 эти помещения находились в непосредственной близости к стрелковой галерее, некоторые из них были связаны с нею дверными проемами.

Как и на цитадели, на КТР-5 зафиксированы культовые помещения, в которых, вероятно, находился храм для всего жилого комплекса.

Пока только на КТР-5, в двух помещениях отмечены остатки двух лестниц³. Открытие их позволяет говорить об этажности данного памятника. Вполне возможно, что это были какие-то открытые площадки на крышах домов, которые использовались под хозяйственные нужды, например, для сушки фруктов, или просто отдыха на проветриваемом пространстве [4, с. 15].

Перейдем к краткому описанию раскопанных помещений и характеристики археологического материала из этого комплекса.

Жилой блок 4. Пом. 1. Расположено в юго-восточном углу участка КТР-5, в 7,00 м от башни. В плане имеет трапециевидную форму, ибо южная стена имеет длину 4,10 м (1,20 м)⁴, а северная - 2,20 м (1,00 м). Восточная стена длиной 4,80 м (1,20 м) отделяет пом. 1 от стрелковой галереи. В северной части она отличается лучшей сохранностью, а в южной из-за понижения рельефа сходит на нет, и место стыка с южной стеной не просматривается. Вполне возможно, что в этом месте имелся проход в стрелковую галерею. Кирпич (32-34х32-34х?) в этой стене положен ребром по всему периметру стены. Западная стена помещения также сложена из сырцового кирпича (32-33х32-33х12 см), ее длина - 3,40 м (1,15 м). В северо-западном углу пом. 1 имеется проход в пом. 2 шириной 1,20 м, который образуется торцом западной стены и выступом на северной стене, находящимся на расстоянии 2,20 м от северо-восточного угла и выступающим на 0,30 м; ширина его - 1,10 м.

Пом. 2. Северная стена пом. 2 является продолжением северной стены пом. 1 и имеет толщину 1,00 м. Прослежена на расстоянии 4,45 м, далее из-за размыва сходит на нет. Из-за этого не удалось проследить и западную стену, которая смыта полностью. Южная стена сохранилась на расстоянии 2,50 м (1,15 м). Стены пом. 1 и 2 покрыты толстыми слоями глиносаманной штукатурки, по которой производилась побелка. На разделяющей их стене имеются два слоя такой обмазки, сохранившейся в северной части помещения на высоту до 1,50 м, а в южной - 0,30 м.

Заполнение помещений до отметки 0,64 м состоит из слоя мягкой земли с кусками сырцовых кирпичей. В этом слое встречаются небольшие фрагменты керамики. На отметке 0,64 м зафиксирован первый пол с обмазкой из глины толщиной от 4 до 6 см. Ниже этого пола на 0,19 м проходит обмазка еще одного пола - 2. Заполнение между полами состоит из упавшей со стен штукатурки. На 0,18 м ниже обнаружен последний, третий пол, который находится непосредственно на материке и относится к началу функционирования этих помещений.

В центральной части пом. 2, на расстоянии 2,60 м от юго-восточного угла и 2,55 м от северо-восточного, на отметке 0,83 м (3,83 м от общего репера)⁵ обнаружен очаг (алтарь), выложенный из поставленных на ребро сырцовых кирпичей (32х32х12 см) и имеющий размер 1,05х0,80 м (рис. 2).

Находки из этих помещений немногочисленны. В верхнем мягком слое в пом. 2, у северной стены, на глубине 0,20 м найдено кольцо-печатка, на котором просматривается фигура мужчины. От его головы отходят лучи нимба, переданные тремя короткими штрихами. Правая рука вытянута в сторону, в ней он держит плетъ (?). Слева от фигуры помещена кушанская тамга, аналогичная тамге на монетах Сотера Мегаса, диаметр печатки - 1,4 см. Другой медный предмет обнаружен в пом. 1 на полу 1 и представляет собой незамкнутое кольцо диаметром 3,4 см.

Предметы из железа представлены двумя экземплярами. Первый - лезвие ножа. Его длина - 15,5 см, имеет изогнутую форму, сечение лезвия эллипсовидное. Сохранилась часть отростка, которая вставлялась в ручку ножа. Второй предмет - трехперый наконечник стрелы, найден в пом. 1, на полу 3, у южной стены. Его длина - 5,7 см. В этом же помещении найден фрагмент архитектурного убранства, выполненный из известняка, в виде пухлого центрального прожилка лепестка и отходящих от него листьев аканта. Сверху покрыт коричневой краской.

В пом. 2, у северной стены, на глубине 0,85 м найдена терракотовая фигурка человека, облаченного в широкие одежды. От горловины костюма и до низа проходят две вертикальные полосы, внутри каждой из них - по две пересекающиеся зигзагообразной линией полосы. В образовавшемся таким образом ромбе стоит точка. По бокам фигуры проходят два жгута, оформленные наклонными прорезными палочками. Из-под платья выглядывает нога. Вокруг шеи, по-видимому, была гривна (?). Голова терракоты утрачена. Вся фигурка покрыта красно-коричневым ангобом. Размеры: высота - 7,5 см, ширина - 5,1 см, толщина - 2,0 см. Здесь же найдена терракотовая фигурка лошади. Сохранился только торс животного. Три ее ноги отбиты частично, а четвертая полностью. Голова отсутствует. К крупу животного прикреплялся отдельно изготовленный хвост. На спине сохранились следы от всадника. Фигурка покрыта кремовым ангобом.

Керамический материал - наиболее многочисленный из всего археологического комплекса. Самые крупные сосуды - хумы. Большое количество их было сосредоточено вдоль южной стены пом. 2. Венчики хумов, как правило, манжетовидной формы (диаметр - 36-38 см), горло слабо выражено, переход к тулову плавный. На одном из них с внутренней стороны по венчику расположены четыре тамги. Из целых форм отметим флягу, выполненную из глины светлого цвета хорошей отмучки и покрытую светло-красным ангобом. Представляет собой сосуд с небольшим горлышком, расширяющимся к краю. Венчик подквадратной формы в сечении, имеет концентрические бороздки по верхнему и нижнему краям. К верхней части тулова крепятся две небольшие ручки. Одна часть тулова имеет слегка выраженный плоский поддон, другая, верхняя часть тулова утрачена. Диаметр венчика - 4 см, высота - 17 см, высота на поддоне - 9 см (рис. 4, 10).

Пом. 3. Находится к северу от пом. 1-2 и примыкает к ним своей южной стеной. Имеет прямоугольную форму и вытянуто с востока на запад. Восточная стена имеет длину 2,00 м и сохранилась на высоту 0,70 м, толщина - 1,05 м. Южная стена - 7,50 м, толщина - 1,00-1,10 м; северная - 7,50 м, толщина - 1,20 м. Западная стена из-за сильного размыва очень плохой сохранности. Ее длина - 2,05 м. Наибольшая сохранность в высоту - 0,09 м, толщина - 1,00 м.

В восточной части этого помещения, в полуметре от восточной стены, на материковом полу выбита яма диаметром 0,95 м и глубиной 0,40 м.

От отметки 2,90 м до 3,00 м проходят натечные и надувные слои, а затем до отметки 3,60 м идет слой рыхлой земли с включением в него сырцовых кирпичей и кусков штукатурки. Здесь же обнаружено большое количество фрагментов керамики. Пол в помещении зафиксирован на глубине 3,60 м. На нем вдоль южной стены найдено четыре целых кувшинчика. Из всего керамического материала наибольший процент приходится на фрагменты сосудов крупной формы (до 70 %), затем - кувшины и горшки средних и больших размеров. Диаметр венчиков кувшинов - 3,0-5,5; 8,0-9,0 см. Кувшины средних размеров сохранились полностью. Венчики у них прямостоящие, с утолщением в наружную сторону. Горлышко невысокое, плавно переходящее в округлую форму тулова. Дно плоское или чуть вогнутое. Диаметр - 5,6 см, высота кувшинов - 13-14 см. У одного кувшина ручка прикреплена к венчику и верхней части тулова. Крупные кувшины имеют прямостоящий венчик, являющийся продолжением горлышка. Переход к округлому тулову плавный. Две ручки крепятся к верхней части горлышка и тулова (рис. 4, 8).

В западной части помещения на глубину 1,00 м был заложен шурф. Выяснилось, что в этом месте материк подрубался и находится на 0,80 м ниже, чем в восточной части помещения. Южная и северные стены опущены прямо на него. Заполнение в шурфе до самого материка состоит из глины средней плотности, в которой встречается строительный мусор, видимо, относящийся ко времени строительства этих стен. В слое большое количество угольков и золы. Сам материк представляет собой коричневую глину, проходящую пластами мощностью 0,73-0,64 м, между которыми идут прослойки песка мощностью 0,15 м.

Пом. 4. Находится к западу от пом. 2-3, примыкая к ним своей восточной стеной (для пом. 2-3 она является западной). Ее длина в пом. 4 составляет 3,40 м. Лучше сохранилась в своей северной части, где она перпендикулярно примыкает к улице. В южной части она размыта, но юго-восточный угол можно прочесть по рельефу. Южная стена сохранилась только в западной части и сходит на нет в юго-восточном углу. Ее длина - 3,60 м. Северная стена является частью стены улицы, ее длина - 5,20 м, толщина - 1,10 м. Длина западной стены - 6,00 м, толщина - 1,20 м.

Стены помещения выложены из сырцового кирпича (32х32х12 см) и обмазаны толстым слоем глиносаманной штукатурки, по которой производилась побелка. Наибольшая сохранность отмечается у стен и штукатурки на северной и западной стенах, в их нижних частях. Верхние слои помещения состоят из натечных и надувных слоев, мощность которых в северной части доходит до 0,50 м и постепенно уменьшается до 0,20 м в южной. В северо-западном углу эти слои доходят до 0,70 м.

С отметки 0,50 м по всей площади помещения проходит очень плотный слой земли (0,40-0,60 м). Ниже в этом слое на глубину до 1,40-1,50 м идут куски сырцовых кирпичей с остатками белой штукатурки. На отметке 1,50 зафиксирован пол, при зачистке которого в юго-западном углу найдена монета Сотера Мегаса; посередине помещения, в завале, на высоте 0,05-0,10 м от пола найдена монета другого кушанского царя - Канишки I.

Пом. 5. В своей северной части примыкает к улице, имея с ней общую стену. Для пом. 5 она является северной и имеет длину 6,20 м (1,15 м). Восточная стена примыкает к пом. 4 и является для этого помещения западной

стеной, ее длина - 5,00 м. Южная стена имеет длину 6,80 м (1,20 м). Длина западной стены - 4,10 м. В юго-западном углу имеется дверной проем шириной 1,00 м. На стенах помещения сохранилось три слоя глиносаманной штукатурки, которые, в свою очередь, разделяются тонкими слоями побелки. Стены помещения сложены из сырцового кирпича (32х32х12 см).

Верхние заполнения помещения состояли из рыхлой земли (пушонка) мощностью 5-10 см. Затем по всей площади помещения проходит плотный слой земли толщиной 10-15 см. Далее по всему помещению идут натечные и надувные слои мощностью 20-30 см. Ниже проходит завал из сырцовых кирпичей, среди которых просматриваются прожилки белой штукатурки. Особенно большое скопление упавшей штукатурки зафиксировано у южной и восточной стен, мощность этого слоя - 40-50 см. До самого пола, зафиксированного на отметке 1,40 м от дневной поверхности, идут надувные слои и прослойка песка. В этом слое встречается большое количество фрагментов керамики - кубков, чаш, кувшинов, мисок и светильников. У восточной стены на высоте 0,50 м, в завале найдена монета Евтидема. Другая монета обнаружена на полу и относится ко времени кушанского царя Канишки I.

Из керамики отметим сосуды целой формы. Кувшинчик имеет размеры: высота - 8,4 см, диаметр донца - 3,5 см, диаметр венчика - 3,4 см. Изготовлен из глины светло-коричневого цвета. Снаружи и изнутри покрыт красно-коричневым ангобом. Невысокое горлышко плавно переходит в чуть отогнутый венчик. Переход к тулову округлой формы плавный. Дно чуть вогнутое. Найдено в проходе на уровне пола. Другой кувшин, больших размеров, найден в северо-восточном углу помещения на полу. Изготовлен из глины светло-коричневого цвета. Имеет широкое горло, прямостоящий венчик выделен утолщением во внешнюю сторону, которое подчеркнуто двумя концентрическими линиями. Переход от горловины к тулову плавный. Тулово бочкообразное. Дно чуть вогнутое, поддон невысокий. Имеет две ручки, овальной в сечении формы, прикрепленные к верхней части тулова сосуда. Эта часть имеет геометрический орнамент из двух волнистых линий в виде зубьев пилы. Снаружи и изнутри венчик и горло покрыты ангобом красно-коричневого цвета. Высота - 26,0 см, диаметр дна - 9,8 см, диаметр венчика - 15,0 см.

Пом. 6. Расположено к югу от пом. 5, имея с ним общую стену, которая для пом. 5 является южной, а для пом. 6 - северной. В плане пом. 6 трапециевидной формы и имеет следующие размеры: северная стена - 5,50 м, восточная - 4,00 м, южная - 4,80 и западная стена - 3,70. Наибольшая высота сохранившихся стен - до 1,40 м, толщина - от 1,10 до 1,20 м. Кирпич в кладке стен имеет размеры 32х32х11-12 см. В некоторые кирпичи при их формовке попадала керамика, вполне возможно, что это делалось специально, для повышения прочности. Стены пом. 6, как и в других помещениях, покрыты мощным слоем глиносаманной штукатурки с последующей ее побелкой. При зачистке штукатурки выявлено три слоя тонкой побелки, что свидетельствует о трех ремонтных работах в этом помещении.

Верхний слой помещения мощностью 0,40-0,60 м состоял из натечных и надувных слоев. Далее шел очень плотный слой земли, который образовался из разрушенных кирпичей рухнувших стен. Местами, большей частью у южной стены, между ним проходят надувные слои. На отметке 1,30 м зафиксирован пол 2, ниже на 0,05 м зачищается еще один пол. Между этими полами

заполнение состоит из плотного слоя с включением кусочков извести. Затем на глубину 0,15 м до самого нижнего пола (1,40 м) проходит засыпка земли. Пол выложен на материке из сырцового кирпича (32х32х12 см) и промазан глиной. Швы между кирпичами - 2-3 см.

В юго-восточном углу, на высоте 0,05 м от пола, в забутовке найдена медная чашечка. Небольшое тулово имеет коническую форму. Дно чуть вогнуто и подчеркнуто концентрически вдавленной линией. Венчик Г-образной формы, отогнут наружу, по верхней его площадке проходит несколько рядов вдавленных линий. На глубине 0,70 м в завале найден светильник из глины серого цвета. Венчик загнут внутрь, тулово полусферической формы. Дно плоское, со следами подрезки. Носик чуть вытянут вперед, со следами закопчения. В этом же слое найдено несколько фрагментов хума. В северо-восточном углу на полу 3 найден горшок, изготовленный из глины красно-коричневого цвета. Горлышко широкое, переходящее в округлую форму тулова. Венчик прямостоящий, выделен выступом во внешнюю сторону. По этому выступу проходят две концентрические бороздки. Горшок имеет две ручки округлой в сечении формы. Они крепятся к верхней части тулова и средней части горловины. По верхней части тулова проходит процарапанный рисунок - волнистые линии. Дно чуть вогнутое. Изнутри вдоль венчика и снаружи по венчику, а также по верхней части горлышка и ручкам нанесен красно-коричневый ангоб.

В промазке пола найдена терракотовая фигурка, изображающая знатного вельможу с горделивым лицом и своеобразной бородой, в высоком головном уборе, аналогичном изображениям ряда персонажей города Хатры [3, с. 52].

Пом. 7. Находится к западу от пом. 6, соединено с ним дверным проемом (1,20 м), имеет общие стены - южную и восточную. Восточная стена этого помещения имеет длину 2,90 м, в ней же находится и дверной проем (1,20 м). Общая длина южной стены для двух помещений составляет 9,00 м, из которых 3,00 м приходится на данное помещение. Северная стена имеет длину 3,20 м, из которых 0,80 м приходится на дверной проем, расположенный в северо-западном углу этого помещения. Длина западной стены - 3,70 м. Толщина стен в данном помещении колеблется от 1,00 до 1,15 м. Стены выложены из сырцового кирпича (32х32х12-13 см). Вертикальные швы - 2-3 см. В кладке южной и восточной стен имеется несколько кирпичей, сформированных из глины зеленоватого цвета. Горизонтальные швы между рядами кладки - 2-3 см. Стены помещения обмазаны штукатуркой толщиной 3-4 см, на которую наносилась побелка белого цвета.

Верхний слой мощностью 0,40-0,50 м состоял из рыхлой земли с включением фрагментов керамики разнообразных форм. С отметки 0,50-0,55 по всей площади помещения проходит очень плотный слой земли с остатками рухнувшего свода и стен, его мощность - от 0,40 до 0,60 м. Затем до отметки 1,40 м проходят натечные и надувные слои. Пол в помещении зафиксирован на отметке 1,40 м от дневной поверхности и представляет собой обмазку, выполненную непосредственно по материке. В юго-западном углу, на полу зафиксировано непонятное сооружение из сырцовых кирпичей. Вполне возможно, что это остатки очага, но следов соприкосновения с огнем на них не обнаружено.

Керамический материал из этого помещения немногочислен. Найдены несколько фрагментов светильников и один целый светильник. Он изготовлен

из глины светло-коричневого цвета. Тулово полусферическое, венчик загнут внутрь, образуя небольшой ободок. На светильнике следы закопчения. Дно плоское, со следами подрезки. Диаметр венчика - 7,0 см, диаметр дна - 3,7 см, высота - 2,6 см. У восточной стены на полу найдено несколько фрагментов кубков (рис 4;1-2). Здесь же, на полу, найдена монета Канишки I.

Пом. 8-9. Расположено к западу от пом. 5 и имеет с ним общую стену, в которой находится дверной проход (1,00 м). Для пом. 8 эта стена является восточной, ее длина - 4,20 м. Другой дверной проем (шириной 1,10 м) находится в южной стене пом. 8 и связывает его с пом. 9. Но попасть в пом. 9 возможно только через тамбурообразный коридор, из которого имеется также проход в пом. 7. Южная стена имеет длину 2,95 м. Западная и северная стены этого помещения смыты. Направление западной читается только в юго-западном углу. Судя по рельефу и плану раскопанных помещений, можно предположить, что пом. 8 являлось продолжением улицы 1 или по крайней мере связано с улицей как дворик, в который она выходит. Мощный надувной слой, который скопился у восточной и южной стены, говорит о том, что данная площадь не была перекрыта сверху, а являлась двором или площадью, куда выходили улица и дверные проемы пом. 5 и 9.

Стены в пом. 9 не сохранили глиносаманную штукатурку, она встречается только в заполнении помещения. Пол промазан толстым слоем глины непосредственно по матерiku, однако из-за неровности материка кое-где подсыпалась земля, по которой уже производилась промазка. В пом. 9 зафиксирован другой строительный прием, когда стены помещения опускались ниже материка, в специально подрубленные траншеи. Затем вдоль стены, а иногда и по всей площади помещения производилась выкладка из сырцового кирпича, по верхней постели которого вымазан пол.

В пом. 9 прослеживаются 3 стены. Восточная имеет длину 4,40 м. Южная стена прослеживается на расстоянии 5,30 м, остальная ее часть в западной стороне смыта. Аналогичная картина наблюдается и на северной стене, где она прослежена на расстоянии 6,05 м и в своей западной части смыта.

Другое, на наш взгляд, интересное помещение находится с южной стороны пом. 6 и 9 и получило нумерацию 10. Его северной стеной являются части южных стен пом. 6 и 9. Общая ее длина для пом. 10,00 - 12,40 м. В восточной стене имеется проход (1,05), который, вероятно, связывал это помещение с пом. 1,2,3,4. Сама восточная стена вместе с проходом имеет длину 2,70 м.

Интересна южная стена (рис. 5). В своей конструкции она имеет дугообразную форму, общая ее длина - 11,50 м. Она состоит как бы из двух частей: внутри помещения к ней по всему периметру пристроена еще одна, но меньшей высоты. Ее верхняя горизонтальная постель и сама стена имеют общую обмазку. В результате получается ступенька шириной 0,45 м, которая могла использоваться как скамья. Несомненно, что скамья пристроена позже южной стены, так как в юго-западной части отчетливо видно, что она выложена на культурном слое уже функционировавшего помещения и только после этого на них наносится общая обмазка (штукатурка).

Пом. 10 в настоящее время раскопано неполностью, но уже по находкам, которые были здесь зафиксированы, можно предположить, что в нем находилась мастерская по изготовлению грузил. Найденные грузила делятся на два типа. К первому относятся пирамидальные, четырехгранные грузила с отверстием сверху, ко второму типу - дисковидные, в виде лепешек, с отверстием

на одной из сторон. Южная стена пом. 9 является северной стеной в этом помещении и так же, как и в пом. 9, имеет дугообразную форму. Южная и западная стены этого помещения сильно размыты, что затрудняет выявление его планировки.

Жилой блок 5. Пом. 1. Находится в восточной части комплекса, к северу от улицы, примыкая к ней своей южной частью. Восточная стена примыкает к стрелковой галерее. Помещение имеет прямоугольную форму, его размеры: северная стена - 4,60 м, высота сохранившихся стен - 1,20 м, толщина - 1,00 м; восточная стена имеет длину 1,10 м, толщину 1,15 м; южная стена имеет длину 4,60 м, толщину 1,05 м. В западной части пом. 1 имеется дверной проем в пом. 2, вследствие чего западная стена имеет длину 0,40 м, а остальные 0,80 м приходятся на дверной проем.

В восточной стене, на стыке со стрелковой галереей, сохранилась кирпичная кладка, вполне вероятно, что это ступеньки (?). Стены помещения сложены из сырцового кирпича (53х35х14-15 см). Толщина промазки между кирпичами - от 4 до 7 см. Стены покрыты толстой глиносаманной штукатуркой, по которой производилась побелка. В ходе раскопок этого помещения, а также некоторых других подмечено, что стены помещения находятся ниже материка, для чего производилась его подрубка.

Верхние слои помещения состоят из плотной глины с включением в нее фрагментов керамики. На глубине 0,70 м (от репера - 3,5) зачищен уровень первого пола. Он выложен сырцовым кирпичом (35х35х12-15 см) и имеет тенденцию к понижению в южную сторону. Ниже выкладки проходит заполнение из рыхлой земли с угольками мощностью 25-30 см. На отметке 1,20 м (4,00 м) зафиксирован второй пол, который вымазан по верхнему уровню материка.

На глубине 10 см при зачистке на постели южной стены найдена монета Сотера Мегаса. Из керамического материала отметим несколько целых сосудов. В их числе - чаша на невысоком поддоне с туловом полусферической формы, венчик слегка отогнут наружу. Дно чуть вогнутое, со следами подсыпки. Диаметр венчика - 18,2 см, диаметр дна - 7,2 см, высота - 10,3 см. Найдена на полу 2, посередине помещения (рис 4; 6). Кувшин с двумя ручками. Тулово яйцевидной формы, переход к невысокому горлышку плавный. Венчик чуть отогнут наружу, профилирован бороздками по верхней площадке. По верхней части тулова проходят две прорезные концентрические линии. Две ручки крепятся к сосуду в верхней и самой выпуклой части тулова. Ручка в сечении плоская снизу и выпуклая снаружи. Ангоб кремовый. Диаметр венчика - 8 см, диаметр дна - 6,5 см, высота - 26 см. Поильник. Имеет яйцевидную форму тулова, которое плавно переходит в невысокое узкое горлышко. Венчик округлой формы, отогнут наружу. Дно плоское. В верхней части тулова сохранились скол от носика и небольшое отверстие для слива жидкости. Покрит кремовым ангобом. Диаметр венчика - 3,8 см, диаметр дна - 4,5 см, высота - 9 см.

Пом. 2. Расположено к северу от пом. 1 и имеет с ним общую стену, которая для пом. 1 является северной, а для пом. 2 южной. Помещение имеет трапециевидную форму из-за того, что западная стена длиннее восточной. Размеры помещения: северная стена имеет длину 3,80 м, высота сохранившейся стены - 1,36 м, ее толщина - 1,05 м; восточная стена - 2,60 м, толщина 1,10 м; западная - 4,00 м, толщина - 1,15 м; южная стена - 3,90 м, толщина - 1,05 м.

Все стены помещения покрыты несколькими слоями глиносаманной штукатурки, по которой производилась побелка. В южной части восточной стены

расположен проход, который соединяет это помещение со стрелковой галереей. В углу между северной и западной стенами обнаружено возвышение размером 0,70х0,70х0,40 м, сложенное из сырцового кирпича. Такое же, но размером 0,50х1,00х0,60 м, сооружение расположено в углу между западной и южной стенами. По всей вероятности, это суфа, которая проходила по всей западной стене с поворотом на юг. На глубине 0,35 м от дневной поверхности зафиксирован пол помещения. Заполнение до этого пола состоит из рыхлой земли. Пол вымазан глиной, толщина промазки - 5-6 см. Вымазка выполнена по верхней постели сырцового кирпича, который перекрывает всю площадь помещения.

Из находок в этом слое отметим подвеску из темно-коричневого камня, изображающую птицу (голубь). Голова на длинной шее, крылья переданы условно. В центре туловища просверлено отверстие для продевания нити. Высота подвески - 1,8 см, ширина - 2,0 см. Подвеска обнаружена на глубине 0,20 м в северо-восточном углу. Непосредственно на полу найден пестик из коричневого камня, имеющий прямоугольную форму с округлыми углами (9х5х3 см).

С отметки 0,60 м до 1,20 м идет слой твердой земли (забутовка), в которой встречаются в большом количестве обломки сырцовых кирпичей толщиной 12-13 см. Здесь найден фрагмент нижней части терракоты, на которой изображен человек, стоящий на постаменте, вернее его расставленные в стороны ноги. В нижней части голени изображены складки голенищ сапог. С одной стороны сохранился фрагмент кафтана (рис 3, 11). Терракота покрыта красно-коричневым ангобом. Ее размеры - 7,0х6,0х3,0 см. Найдена на глубине 1,00 м. В этом же слое найден кувшинчик, изготовленный из светло-коричневой глины. Снаружи и частично изнутри он покрыт красно-коричневым ангобом. Невысокое горлышко плавно переходит в округлое тулово. Дно плоское. У кувшинчика есть ручка, которая одним концом крепится к выпуклой части тулова, а другим к венчику. Последний с противоположной стороны слегка отогнут. Диаметр венчика - 2,2 см, диаметр дна - 3,0 см, высота - 5,8 см. Непосредственно на полу найден пестик, изготовленный из коричневого камня и имеющий округлую форму, размеры - 5,0х3,3 см.

При зачистке пола 2 по всей площади помещения, особенно в его северной и западной частях, обнаружено 16 ямок диаметром от 6 до 15 см. Ямки имели разную глубину и были заполнены песком различного оттенка. В некоторых ямках обнаружены угольки, пепел и фрагменты керамики. По всей вероятности, здесь совершался какой-то культовый обряд. Забегая вперед, отметим, что аналогичную картину можно наблюдать и в пом. 23 этого же блока.

Пом. 3, 4. Расположены к западу от пом. 2, имея с ним общую стену, для пом. 3 и 4 она является восточной.

Пом. 3 вытянуто с юга на запад и имеет длину северной и южной стен - 4,30 м, его ширина - 2,20 м. Наибольшая высота сохранившихся стен 0,80 м. Дверные проемы отсутствуют.

Пом. 4 имеет длину 4,20 м, ширину - 1,55 м, высоту стен - до 0,80 м. Стены покрыты слоем глиносаманной штукатурки. По всей вероятности, в помещениях выявляются два строительных периода. В первом строительном периоде это было одно большое помещение, вход в которое находился в северной стене пом. 4, в восточной его части. Во втором строительном периоде оно было разделено стеной толщиной 0,80 м. После чего оба помещения стали иметь прямоугольные формы.

Заполнение в этих помещениях начинается с отметки 2,50 от общего репера всего раскопа. На глубине 0,10 м у западной стены найдены две монеты Канишки I. Еще две монеты обнаружены в пом. 4 у северной стены, на том же уровне. Слой, в котором они находились, состоял из рыхлой земли и имел мощность 0,30-0,50 м. В этом же слое в пом. 3 на глубине 0,15 м найдена еще одна монета этого же царя.

На отметке 0,50 м (3,00 м) зафиксирован пол, который вымазан глиносаманным раствором поверх плотной забутовки, проходящей по всей площади помещений. На отметке 1,00 м (3,5 м) обнаружен еще один пол, вымазанный по материку и относящийся к началу функционирования этого помещения. Находки в этом слое немногочисленны. Отметим фрагмент зернотерки, венчик хума и целый кувшинчик из глины красно-коричневого цвета.

Пом. 5. Расположено к западу от пом. 1, имея с ним общую стену, с юга примыкает к улице 1. В своей северной части примыкает к пом. 3. Имеет форму, близкую к трапецевидной или, если так можно выразиться, форму неправильного квадрата. Его размеры: северная стена имеет длину 2,50 м, толщину - 0,65 м; восточная стена - длина - 3,50 м, толщина - 1,10 м; западная стена - длина - 3,50 м, толщина - 0,65 м; южная стена - длина - 2,95 м при толщине 1,10 м. Стены сложены из сырцового кирпича (32x32x12 см) и обмазаны глиносаманной штукатуркой. В восточной стене, в северо-восточном углу, имеется проход в пом. 1, который функционировал, по всей вероятности, только в последний период.

Верхний слой помещения мощностью 0,30 м состоял из рыхлой земли с включением фрагментов керамики и кусков глиносаманной штукатурки. В юго-западном углу на глубине 0,20 м найдена монета Канишки I. От отметки 0,30 м проходит слой плотной земли с остатками сырцовых кирпичей толщиной 0,12 м (его мощность - 0,45 м). Здесь найдена монета Вимы Кадфиза. Керамика из этого слоя немногочисленна. Отметим два фрагмента венчиков от кувшинов (рис. 4, 3-4), на одном из которых имеется сквозное отверстие. Внешняя сторона стенок венчиков покрыта красно-коричневым ангобом. На полу найден светильник ладощкообразной формы с чуть пониженным краем венчика в месте выхода фитиля. Ручка сплошная, видимо, оттянута от основного тулова светильника. Тесто сосуда рыхлое, слоистое, с большими добавками. Пол в этом помещении зафиксирован на отметке 0,80 м и представляет собой глиняную промазку толщиной 2 см, выполненную прямо по материку.

Пом. 6. Расположено к западу от пом. 5, имея с ним общую стену. Вытянуто с юга на север и имеет прямоугольную форму. Его размеры: северная стена - длина - 2,15 м, толщина - 1,05 м; восточная стена - длина - 3,90, толщина - 1,00 м; южная стена - длина - 1,85 м при толщине 0,95 м; западная стена - длина - 4,00 м, толщина - 1,05 м.

Стены помещения оштукатурены глиносаманным раствором, по которому производилась побелка, но только до отметки 0,40 м. По всей площади помещения проходит выкладка из сырцового кирпича (32-34x32-34x12 см) в четыре ряда. Верхняя постель этой выкладки является уровнем пола 1. В помещении отчетливо просматриваются два строительных периода. В первом строительном периоде данное помещение включало в себя площадь пом. 5, которое находится на восточной стороне. Во втором строительном горизонте возводится стена-перемычка, которая висит на забутовке и разделяет это помещение на два.

На глубине 0,37 м проходит слой рыхлой земли, в котором найдены следующие предметы. Костяная заколка конической формы. Одна сторона заострена, другая оформлена изображением петуха (рис. 6). Птица выполнена очень реалистично. Глаза помечены пунсоном, подчеркнуты гребень, крылья, хвост. Длина - 13,5 см. Найдена ручка от сосуда, выполненная в форме животного - кабана (рис. 7). Морда продолговатая, ноздри показаны небольшими углублениями, рот приоткрыт, видны клыки; глаза сделаны при помощи пунсонов, рядом посажены уши, ушные раковины показаны углублениями. Туловище расписано вертикальными полосками. Фигурка покрыта красно-коричневым ангобом. Длина - 7,5 см. Следующая находка - медная ложка. Ручка прямоугольной в сечении формы заканчивается небольшим выступом округлой формы. Внешняя поверхность ручки украшена прорезным орнаментом из вертикальных линий, между которыми помещены по две пересекающиеся линии (крест). Длина резервуара - 3 см.

От отметки 0,40 м до 1,08 м проходит выкладка из сырцового кирпича, которая является уровнем пола 1. С отметки 1,20-1,25 м и до пола 2, который зафиксирован на отметке 1,39-1,40 м, проходит слой плотной земли. Из находок отметим медную пряжку, выполненную в виде морды льва [3, с. 220]. Хорошо переданы уши, глаза, нос, надбровные дуги. От нижней челюсти льва отходят две прямоугольные пластины с округлыми кольцами и отверстиями посередине. Через эти отверстия продевался железный стержень, а на него одевался язычок. Длина бляшки - 6,5 см. Фрагмент костяной ручки в сечении округлой формы. Один край ручки обломан, другой хорошо сохранился. Поверхность края оформлена рядом горизонтальных и вертикальных пересекающихся линий. Длина - 8 см. В северо-западном углу, на полу 2 найдены две медные монеты кушанского царя Вимы Кадфиза. Под полом, в его промазке обнаружена медная монета Сотера Мегаса.

Из керамики отметим, во-первых, кувшин с двумя ручками, прикрепленными к нижней части горловины и к тулову. Сохранилась одна ручка овальной в сечении формы. Венчик слабо выражен, чуть отогнут назад. Горло широкое, переходящее в яйцевидное тулово. Диаметр венчика - 11,5 см, диаметр дна - 8,4 см, высота - 21,5 см.

Чаша. Изготовлена из глины светло-коричневого цвета. Имеет полусферическую форму. Венчик загнут внутрь, вдоль него проходят концентрически вдавленные линии. Поддон невысокий, дно плоское. Венчик снаружи и изнутри покрыт красно-коричневым ангобом. Диаметр венчика - 12,0 см, диаметр дна - 4,4 см, высота - 6,2 см. Фрагмент пиалы. Изготовлен из хорошо отмученной глины коричневого цвета. Обжиг ровный, глина без примесей. Внутренняя часть пиалы покрыта ангобом светло-коричневого цвета. Поддон ровный. Высота - 5 см. Светильник. Изготовлен из глины хорошей отмучки, без примесей, обжиг ровный. Венчик отогнут параллельно донцу. На венчике и донце следы закопчения. Диаметр венчика - 9,0 см, диаметр дна - 3,5 см, высота - 2,7 см.

Пом. 7. Расположено с западной стороны от пом. 6, имея с ним общую стену, которая для пом. 6 является западной, а для пом. 7 - восточной. Имеет прямоугольную форму, вытянуто с юга на север. В западной стене расположены два дверных проема. Один из них соединяет это помещение с пом. 9 и имеет ширину 0,90-1,00 м. Второй проход шириной 1,05 м связывает это помещение с пом. 10. Между этими дверными проходами роль западной стены выполняют торцовая часть северной стены пом. 9 (толщина 1,10 м) и примы-

кающая к этой стене лестница из пом. 9 (толщина 0,90 м). По отношению к западной стороне лестницы торец северной стены из пом. 9 выступает на 0,15 м, и получается угол. Общая длина западной стены с учетом дверных проемов составляет 4,05 м. Восточная стена имеет длину 4,35 м, сохранилась на высоту 1,35 м; южная стена - 1,85 м, сохранившаяся высота - 1,35 м. В северной стене этого помещения имеется еще один дверной проем, ведущий в пом. 8. Длина северной стены - 2,25 м, из которых 0,95 м приходится на проход. Все стены помещения выложены из сырцового кирпича (32х32х12 см) и оштукатурены глиносаманным раствором, на который наносилась побелка. Всего на стенах зафиксировано три слоя штукатурки.

Мощность культурного слоя - 1,30 м. Верхний слой помещения мощностью 0,45-0,50 м представляет собой рыхлую землю, в которой встречаются фрагменты керамики - стенки и венчики от кувшинов, горшков, чаш, мисок, тарелок и хумов. Целые формы сосудов не обнаружены. На глубине 0,30 м найдена пластинка из раковины подпрямоугольной формы. Пластинка прогнута, на двух коротких концах имеется по два просверленных отверстия для крепления. Длина - 5 см.

Из других находок в этом слое отметим ручку от сосуда в виде фигурки кабана, аналогичную находке из пом. 6 (рис. 7). Длина - 6,8 см. Ангоб светло-коричневый. Здесь же, вдоль восточной стены, на разном расстоянии друг от друга найдено 6 пряслиц из мраморного камня, имеющих полусферическую форму. Диаметр пряслиц - от 2,6 до 3,3 см. Другая находка - медный браслет в форме неправильного замкнутого круга. К концам толщина его увеличивается, в сечении браслет изнутри плоский, снаружи выпуклый. Диаметр - 5,5 см, толщина - 0,4-0,6 см.

На отметке 0,5 м зачищен уровень пола, который выстлан сырцовым кирпичем (32-33х32-33х12 см) в два ряда. С отметки 0,80 м (3,35 м) до 1,05 м проходит слой забутовки, которая лежит на хорошо промазанном глиносаманном полу, толщина обмазки - 10 см. С отметки 1,15 м (3,65 м) и до 1,30 м по всей площади помещения идет слой рыхлой земли зеленоватого цвета, в котором присутствует песок. На отметке 1,30 м зачищен еще один пол, который вымазан по матерiku. У восточной стены на полу зафиксированы следы от циновки (0,30х0,76 м). В северной части помещения при зачистке пола на материке обнаружены зольное пятно и следы от костра.

Выше пола и на самом полу зафиксировано большое количество фрагментов хумов, горшков, тагары, чаш и светильников. Из целых форм найдены две тарелки на небольших поддонах. У первой тарелки стенки широко раскинуты, венчик чуть закругленный и параллелен донцу. Черепок в изломе розового цвета. У второй тарелки форма округлая за счет высокого венчика, сам венчик прямой, слегка отогнутый. Черепок в изломе коричневого цвета.

Пом. 8. Расположено к северу от пом. 6 и 7, имея с ними общую стену, которая для этих помещений является южной. Ее длина - 2,50 м, здесь же имеется проход в пом. 7, его ширина - 1,10 м. Проход образован за счет южной стены пом. 8, перпендикулярно направленной к западной стене этого помещения. Западная стена является общей для пом. 7 и 8. В пом. 8 она имеет длину 3,00 м. В северной ее части есть проход в пом. 10, ширина которого - 1,05 м. Восточная стена имеет длину 3,80 м. Северная прослежена на расстояние 2,00 м.

Стены данного помещения покрыты толстым слоем глиносаманной штукатурки, на южной стене зафиксировано 4 слоя, которые, в свою очередь, покрывались известковой побелкой. Стены сложены из сырцового кирпича (32-34х32-34х12-14 см), кладка регулярная, промазка между кирпичами - от 4 до 6 см. Возведены непосредственно на материке.

Еще в период подготовки вскрытия этого участка, при снятии верхнего слоя, был зафиксирован и расчищен рухнувший свод, который прекрасно просматривался по всей площади помещения, мощность этого слоя - 0,4 см. После его снятия, на глубине 0,60 м (3,25 м) проходит натечный слой, в котором отчетливо просматриваются пласты белой побелки, очевидно упавшей со стен и свода. Ниже этого слоя идет забутовка из спрессованной земли мощностью 20-30 см, в которой встречаются куски бесформенной глины.

В юго-восточном углу пом. 8 на стенах видны следы сильного воздействия огня. Штукатурка в этом месте имеет красный оттенок и следы закопчения. На полу зачищены следы кострища, на котором имеется слой золы. Уровень пола в пом. 8 зафиксирован на отметке 3,95 м.

Пом. 9. Находится к западу от пом. 7, с которым оно соединено дверным проемом в восточной стене. Роль восточной стены в пом. 9 выполняет опорный столб лестницы этого помещения, который находится на южной стене и выступает на расстояние 20 см. Длина опорного столба - 0,95 м. Северная стена имеет длину 4,35 м, к ней примыкает лестница (рис. 8). Западная стена имеет длину 3,10 м, а толщину - 1,30 м. Длина южной стены - 5,30 м. Пристроенная к северной стене лестница имеет следующие размеры: наивысшая высота опорного столба - 1,40 м; сохранились шесть ступенек и верхняя площадка размером 0,90х0,90 м. Ширина пролета - 0,90 м, высота ступеней - 0,25 м. Общая длина лестницы - 2,70 м. С выявлением ее встает вопрос об этажности или галерейности жилого комплекса.

Верхний пол этого помещения находится на отметке 2,35 м от общего репера. На глубине 2,65-2,75 м идут надувные слои, которые перекрывают всю площадь помещения. Затем до отметки 3,95 м помещение заполнено мощным слоем завала, который находится непосредственно на полу этого помещения.

У западной стены, на расстоянии 0,60-0,70 м, посередине помещения в полу выбита (вырублена) яма диаметром 2,00 м. С западной стороны к ней подходят ступеньки лестницы. Заполнение ямы состоит из различного мусора, большого количества битой посуды, и все это перемешано с золой и углем. В яме найдена чаша темно-коричневого цвета, целой формы (рис. 4, 9). Тулово чаши полусферическое. Венчик чуть отогнут наружу, поддон невысокий, дно немного вогнутое, со следами подсыпки. Диаметр венчика - 23,0 см, диаметр дна - 7,5 см, высота - 10,2 см. Фрагмент сосуда типа чаши. Имеет круглое дно, тулово полусферическое. Венчик несколько загнут внутрь. Сосуд выполнен из глины светло-коричневого цвета. Снаружи и изнутри покрыт красно-коричневым ангобом. Диаметр венчика - 9,0 см, высота - 6,5 см. Верхняя часть сосуда типа кувшина. Тулово округлой формы, поддон невысокий, дно плоское, со следами подрезки ножом. Диаметр венчика - 5,0 см, высота - 8,5 см. Фрагмент керамического светильника. Тулово сосуда полусферической формы. Венчик слегка загнут внутрь, образуя небольшой ободок. Местами наблюдаются следы закопчения. Диаметр венчика - 7,0 см, диаметр дна - 3,7 см, высота - 2,7 см.

Пом. 10. Расположено к востоку от пом. 8 и к северу от пом. 9. Имеет трапециевидную форму за счет разной длины стен, которые сохранились только в нижней части. Из данного помещения в пом. 7, 8, 9 ведут три прохода. Первый и второй проходы находятся в восточной стене и связывают в южной части с пом. 7, а в северной - с пом. 8. Третий проход находится в южной стене, в ее юго-западном углу. Стены помещения имеют следующие размеры: северная - 4,50 м, восточная - 3,00 м, южная - 2,90 м, западная - 6,00 м. Наивысшая отметка сохранности стен - 1,10 м. Заполнение помещений в какой-то мере аналогично пом. 8, так же отчетливо просматривается рухнувший свод. От отметки 2,50 м от общего репера на глубину 0,90 м содержится слой из сырцовых кирпичей (32-33х32-33х12 см), лежащих на боку в два ряда. Далее идет слой земли, в котором встречаются куски штукатурки, его мощность - 0,40 м. От отметки 3,86 до отметки 4,06 идет натечный слой, лежащий непосредственно на полу помещения.

Пом. 11. Расположено к западу от пом. 10, имея с ним общую стену. С южной стороны примыкает к пом. 13. Северная часть пом. 11 и 12 выходит в овраг, который образовался вследствие размыва, и эта часть смыта. Размеры помещения: южная стена имеет длину 2,35 м, восточная - 2,95 м, западная стена прослежена на расстоянии 3,50 м. Северная стена не зафиксирована. Размеры данного помещения окончательно не установлены, ибо северная часть в настоящее время занята отвалами земли из раскопок прошлых лет.

Пол находится на отметке 1,30 м от дневной поверхности. Заполнение помещения состояло из слоя мягкой земли мощностью 0,40 м; затем до самого пола по всему помещению проходит плотный слой завала из сырцовых кирпичей. В различных местах в нем просматриваются линзы надувных слоев. Необходимо отметить находку в верхних слоях фрагмента человеческого черепа. У южной стены на глубине 0,60 м обнаружена монета Канишки I, а на отметке 0,90 м - монета Сотера Мегаса. Непосредственно на полу найдено небольшое количество фрагментов керамики (в основном чаш, тарелок, кубков). В северо-западном углу помещения в пол был вкопан хум, от которого осталась только нижняя часть. У южной стены найдены фрагменты крышек.

Пом. 12. Находится с западной стороны от пом. 11, имея с ним общую стену с дверным проемом шириной 1,10 м, соединяющим оба помещения. Находится он в восточной стене, в ее северо-восточной части. Данное помещение в северной и особенно в северо-западной части частично смыто и, как и пом. 11, было занято отвалами земли. На сегодняшний день имеет следующие размеры: южная стена - 2,35 м, сохранившаяся высота - 1,40 м; западная стена имеет длину 3,50 м и в северной части сходит на нет; восточная стена прослежена на расстоянии 2,95 м. Стены помещения в своей южной части сохранились на высоту 1,25 м. На глубине до 0,35 м от дневной поверхности проходит слой мягкой земли с включением небольших фрагментов керамики. В основном это стенки, венчики и донца сосудов - тарелок, чаш, кувшинов, горшков, тагара и хумов. С отметки 0,70-0,90 м до 1,25 м проходит твердый слой завала рухнувших стен из сырцового кирпича (32х32х10-12 см). В этом слое найдено несколько фрагментов жженого кирпича толщиной 4-5 см. На отметке 1,25 м зачищен пол 1 этого помещения. Данному периоду функционирования пола соответствует и первая штукатурка. На полу найдено несколько фрагментов сосудов, которые при их склейке дали археологически целые формы. В частности, чаша на небольшом плоском поддоне: тулово

полусферической формы, венчик прямостоящий. Внутренняя часть покрыта темно-красным ангобом. Снаружи ангобом покрыт только венчик. Диаметр венчика - 14,0 см, диаметр дна - 5,30 см, высота - 6,10 см. Светильник. Изготовлен из глины светлого цвета, тулово полусферической формы, на небольшом поддоне, на котором видны следы среза ниткой. Венчик загнут внутрь, на нем следы копоти. Диаметр венчика - 6,0 см, диаметр дна - 2,5 см, высота - 2,6 см. У южной стены, в юго-восточной части помещения, зачищен хум, вернее его нижняя часть, врытая в пол.

Пом. 13. Расположено к западу от пом. 9, имея с ним общую стену, которая для пом. 13 является восточной. Имеет прямоугольную форму, вытянуто с востока на запад. Его длина - 6,30 м, ширина - 2,65 м. В северо-восточном углу, на расстоянии 0,80 м от восточной стены, в северной стене был проход, соединяющий это помещение с пом. 11. Его ширина - 1,05 м. Со стороны пом. 11 этот проход заложен, а по месту закладки проходит слой штукатурки, который относится к последнему периоду функционирования. По всей вероятности, вход в данное помещение находился в западной стене.

Интересен сам рельеф, на котором возводилось это помещение. Материк в западной его части зафиксирован на отметке 3,85 м и далее имеет тенденцию к понижению в восточную сторону. Первый пол пом. 13 находится на уровне 3,60 м. Для этого строительного периода характерна такая деталь, как выкладка сырцового кирпича вдоль северной и южной стен, с верхней постели которой начинается пол 1. Второй пол этого помещения зафиксирован на отметке 4,32 м. Заполнение между двумя полами состояло из забутовки мощностью 0,50-0,60 м.

В северо-восточном углу помещения найден стоящий хум, на венчике которого имеется клеймо с изображением двух человек (рис. 9). Один из персонажей наклонился вперед и опирается на предмет, напоминающий табурет, изображенный в виде буквы Н, в поднятой левой руке он держит, а может, передает второму персонажу предмет в виде обруча, посередине которого имеется шар меньшего диаметра. Второй персонаж находится сзади первого. Левая рука его согнута и лежит на талии первого. Правой рукой он принимает, а может, передает обруч. Дно хума находилось на отметке 3,90 м. На отметке 4,20 м от общего уровня найден кувшин из глины светло-коричневого цвета. Горлышко широкое, плавно переходящее в яйцевидную форму тулова. Венчик выражен слабо, чуть отогнут наружу. С внешней стороны он подчеркнут двумя концентрическими линиями-желобками. У кувшина сохранилась одна ручка овальной в сечении формы. Один конец ее крепится к нижней части горлышка, а другой - к верхней части тулова. Дно плоское. Диаметр венчика - 11,5 см, диаметр дна - 8,4 см, высота - 24,5 см. Другой кувшин, найденный в этом же слое, имеет широкое горло, венчик прямостоящий, выделен утолщением во внешнюю сторону, переход от горлышка к тулову плавный. Тулово бочкообразное, дно слегка вогнутое. У кувшина две ручки овальной в сечении формы, прикрепленные к верхней части тулова сосуда. Здесь же имеется геометрический узор, состоящий из двух волнистых линий. Венчик и горло сосуда покрыты красно-коричневым ангобом. Диаметр венчика - 35 см, диаметр дна - 9,8 см, высота - 26,0 см.

Из других находок отметим фрагмент венчика хума из красно-коричневой глины. Снаружи и изнутри он покрыт кремовым ангобом. Венчик утолщен, снаружи имеет выступающий поясок. Здесь же, чуть выше, располагается тамга

в виде круга (диаметр - 2,6 см), в центре которого олень с ветвистыми рогами и подогнутыми ногами (скачущий). Перед ним изображена ветка. Край круга подчеркнут линией с косыми насечками. В том же слое найдена керамическая труба из глины красно-коричневого цвета. Диаметр трубы - 29,5 см с уменьшением диаметра в одну сторону.

Пом. 14. Расположено к западу от пом. 13, имея с ним общую стену, которая для пом. 14 является восточной, и ее длина - 2,65 м. Южная и северная стены имеют длину 5,50 м, а западная - 2,75 м. Стены выложены из сырцового кирпича (32-33х32-33х12-14 см). Толщина стены, отделяющей это помещение от пом. 13, составляет 0,90 м, южной и северной - 1,15 м. Западная стена не фиксируется из-за размыва. Стены покрыты толстым слоем глиносаманной штукатурки, на которую нанесена побелка.

Верхний слой помещения состоял из мягкой земли с включением фрагментов керамики. Его мощность - 0,60 м. На отметке 0,55 м в северо-восточном углу зачищена верхняя постель суфы, которая обмазана глиняным раствором и имеет размеры 1,80х0,90 м. Ее высота - 0,45 м от уровня пола. Сам пол зафиксирован на глубине 1,05 м от дневной поверхности. Под промазкой пола при его расчистке была найдена монета Вимы Кадфиза, а на самом полу у восточной стены - монета Канишки I. В помещении обнаружено большое количество фрагментов хумов. Из другого керамического материала отметим фрагмент ножки кубка. Черепок кирпичного цвета, плотный. Обжиг ровный. Ножка имеет выпуклый профиль. Переход к резервуару обозначен сужением диаметра и вогнутым профилем.

Жилой блок - 1. Пом. 21. Расположено к северу от улицы 2, примыкает к ней своей южной стеной. С восточной стороны имеет общую стену со стрелковой галереей подквадратной формы. Северная стена длиной 3,60 м сохранилась на высоту 0,50 м. Ее толщина - 0,95 м. Восточная стена имеет длину 4,75 м, наивысший уровень сохранности стены - 0,60 м при толщине 0,95 м. Южная стена имеет длину 3,30 м и толщину 0,90 м. Длина западной стены составляет 3,40 м, толщина - 1,00 м.

В северной части западной стены выявлен дверной проем шириной 0,90 м, который соединяет это помещение с пом. 4. В нижней части дверного проема имеется порожек высотой 0,25 м. Другой дверной проем находится в западной части северной стены, он имеет ширину 0,80 м. Сама стена в верхней части сильно разрушена, северной стене, в ее местах на ней сохранилась штукатурка. Стены помещения сложены из сырцового кирпича (32х32х12 см). Зазоры между кладкой колеблются от 3 до 6 см.

Верхние слои помещения мощностью 0,35-0,40 м состоят из надувных и натечных слоев, в которых встречаются куски сырцовых кирпичей. В этих слоях, заполняющих пространство рухнувших стен, встречаются фрагменты ангобированной керамики и крупных сосудов. На отметке 0,55-0,60 м от уровня поверхности зафиксирован уровень пола 1, который проходит по всей площади помещения. На полу найдено большое количество фрагментов тонко- и толстостенной керамики. В юго-восточном углу, чуть выше уровня пола, зафиксирован довольно плотный слой земли темно-коричневого цвета с культурными остатками. Здесь отмечено большое скопление костей животных и фрагментов стенок хумов. От отметки 0,70 м до отметки 1,05 м идет слой утрамбованной земли с включением костей животных, керамики и известковых вкраплений.

На отметке 1,05 м зафиксирован пол 2. На расстоянии 0,30 м от прохода в западной стене на полу зачищен очаг (0,90x0,55 м), выложенный из сырцового кирпича. Внутренние стенки его имеют красноватый цвет и сильно прокалены. Внутри очага в западную стену вмазан жженный кирпич (34x35x4 см), который поставлен плашмя и выполнял роль жароаккумулятора. Над очагом имеются следы сильного закопчения. В непосредственной близости от очага найдено несколько фрагментов крышек со сквозным отверстием посередине, окаймленных канавками шириной 0,5-1,5 см. Всего найдено 5 фрагментов от 4 разных крышек. С южной стороны очага обнаружен фрагмент зернотерки шириной - 12 см, длиной - 14 см, толщиной - 7 см.

Пом. 22. Находится к северу от пом. 1 и имеет с ним общую стену, которая для пом. 2 является южной. Как и пом. 1, данное помещение своей восточной стеной примыкает к стрелковой галерее. В плане имеет подпрямоугольную форму, вытянуто с востока на запад. Его размеры: северная стена имеет длину 4,35 м, толщину 1,00 м; восточная - 2,35 м, толщина - 0,90 м; южная - 4,10 м, толщина - 0,85 м; западная стена имеет длину 2,15 м, а с внешней стороны пока не раскапывалась. Стены помещения сложены из сырцового кирпича (32x32x12 см). Местами на них сохранилась штукатурка толщиной 2-3 см.

Верхний слой помещения уплотненный, в нем встречаются фрагменты жженого кирпича толщиной 4 см, лежащие беспорядочно. На глубине 1,05 м от дневной поверхности у восточной стены зачищена суфа, выложенная из сырцового кирпича (32x32x13 см). Ее ширина - 0,80 м, длина по всей восточной стене - 2,55 м, высота - 0,20 м. Уровень пола в этом помещении зафиксирован на глубине 1,35 м. Керамический материал очень малочислен, найдено несколько фрагментов двух разных хумов. Черепок в изломе кремового цвета, тесто хорошей отмучки, без примесей. Из другой керамики отметим фрагмент крупного тазика-тагара (рис. 4, 5).

Пом. 23. Расположено к северу от пом. 2, имея с ним общую стену, для пом. 2 это северная стена, а для пом. 3 южная. С восточной стороны она примыкает к галерее. Размеры: северная стена - 3,65 м, восточная - 3,60 м, южная - 3,50 м, западная - 4,20 м. Полного вскрытия этого помещения не производилось.

Пом. 24. Расположено к западу от пом. 1, соединяется с ним дверным проемом. Южная стена имеет длину 4,30 м и примыкает к улице 2. Северная стена имеет длину 5,50 м, восточная стена - 3,40 м, с дверным проемом 4,25 м; западная стена - 4,70 м. На сегодняшний день помещение просто оконтурено и снят верхний слой мощностью 0,15-0,20 м. В верхних слоях помещения, у северной стены, найден фрагмент архитектурной детали капители. Высота - 10,0 см, ширина - 6,5 см, длина - 9,5 см. Изготовлена из белого известняка, сохранились листья аканта. Глубина проработки - 0,5 см.

Пом. 25 (коридор). Находится с западной стороны от пом. 3 и имеет с ним общую стену. Для пом. 4 она является восточной, а для пом. 3 - западной. С южной стороны пом. 4 примыкает к улице 2. Длина южной стены - 1,60 м. Западная и восточная стены прослежены на расстоянии 6,00 м.

Пом. 26. Расположено с западной стороны от пом. 5 и имеет с ним общую стену, для пом. 6 она является восточной. Как и пом. 4 и 5, примыкает к улице 2. Помещение вскрыто полностью.

Стены возведены из сырцового кирпича (32x32x11-12 см) и опущены непосредственно на материк. Помещение в плане имеет прямоугольную фор-

му, вытянуто с юга на север. Южная стена имеет длину 3,00 м, толщина - 1,05 м, сохранившаяся высота - 1,25 м. В середине стены, в нижней ее части, имеются следы разрушения от воды. Восточная стена имеет длину 7,70 м, в северной части понижается из-за размыва почвы и выхода этой части помещения на склон промоины. Северо-восточный угол сохранился на высоту 0,10 м. Западная стена, по всей вероятности, имеет такую же длину - 7,70 м, но в настоящее время зафиксирована только на расстоянии 6,50 м. Возможно, что в северо-западном углу этого помещения находился дверной проем, который соединял его с пом. 7. Северная стена прослежена на расстоянии 1,00 м от северо-восточного угла, а далее смыта (рис. 10).

Верхние слои помещения состояли из мягкой земли с фрагментами сырцовых кирпичей и штукатурки. Мощность этого слоя колеблется от 0,40 м до 0,60 м. В северной части, из-за смыва почвы, данный слой отсутствует. (С отметки 0,60 м до 0,80 м проходят надувные и натечные слои. Особенно хорошо они видны у южной стены, где их мощность достигает 20 см). Под этим слоем, непосредственно на полу, у западной стены, найден фрагмент ритона-поильника (рис. 3, 3). Диаметр сохранившегося резервуара - 6,0 см, высота - 6,8 см. В нижней части сосуда изображена голова животного - барана или козла. Изображение сильно стилизовано. На морде имеется отверстие - слив. Глаза показаны налепами, рядом - следы от рогов, которые крепились в двух местах, образуя таким образом ручку. Нижняя часть сильно затерта и срезана. Покрытие ангобом красно-коричневого цвета. В этом же слое, в нескольких местах у восточной стены, найдены фрагменты от кувшина с двумя ручками в виде кабана (ежика (?)) (рис. 3, 4). Тулово кувшина округлой формы, венчик заостренный, прямостоящий. Мордочки кабанов вытянутые; насечками переданы рот, ноздри; глаза выполнены пунсонами. Очень выразительно переданы уши. Черепок хорошей отмучки, без примесей, обжиг ровный. Внешняя часть кувшина покрыта оранжевым ангобом со следами лощения.

На глубине 0,70 м у середины восточной стены найден кувшинчик из светлой глины (рис. 3, 1). Тулово кувшинчика округлой формы. К верхней части тулова и к венчику крепилась ручка, от которой остались следы крепления. У западной стены на глубине 0,50 м обнаружена медная монета Канишки I. Другая монета этого же царя найдена посередине помещения. С отметки 0,80 м до самого пола проходит плотный слой завала из рухнувших стен. Пол выложен из сырцовых кирпичей, которые положены в два ряда непосредственно на материке, и верхняя постель этих рядов промазана глиносаманным раствором.

По всей вероятности, еще один пол проходил по самому матерiku. Об этом говорят остатки культурного слоя между кирпичами первого пола и материком. Возможно, что этот уровень относится ко времени строительства данного помещения.

На полу 2 найдена монета Канишки I, а у западной стены - тарелка археологически целой формы и светильник. Тарелка имеет полусферическую форму, дно плоское, диаметр венчика - 7,3 см, диаметр дна - 3,6 см, высота - 4,0 см. В юго-западном углу найдена чаша с высокими бортами и прямостоящим венчиком (рис. 3, 7). Тулово сферической формы. Вдоль венчика проходят два ряда концентрических полосок на расстоянии 1,5 см друг от друга. Дно чуть вогнутое. Внутренняя часть чаши покрыта коричне-

вым ангобом. Снаружи покрытие только до последнего ряда полос. Диаметр венчика - 19,0 см, диаметр дна - 5,5 см, высота - 9,9 см.

Здесь же на полу найдена терракотовая женская головка в головном уборе. В этом же слое найден небольшой горшок, по форме напоминающий бокал, на небольшом поддоне. Нижняя часть донца деформирована. Тулово округлой формы, венчик заостренный, по его краю и снаружи проходят две канавки-полосы. Диаметр венчика - 7,5 см, диаметр дна - 4,4 см, высота - 8,5 см. Небольшая тарелочка с полусферической формой тулова, венчик прямой, по его краю проходит бороздка. Внутри покрыта темно-красным ангобом. Диаметр венчика - 12 см, диаметр дна - 3,5 см, высота - 4,4 см.

Раскопки жилого комплекса восточной части Кампыртепа предыдущих лет и особенно сезона 1999 г. дают прекрасный материал, который расширяет наши знания о материальной культуре кушанской Бактрии. На основе археологического комплекса, полученного из раскопок на Кампыртепа, мы имеем возможность воспроизвести один из периодов функционирования этого городища с начала его возникновения и до прекращения жизни на нем. Уже сейчас, судя по археологическому и нумизматическому материалу, можно с уверенностью сказать, что восточная часть жилого комплекса обживается в период правления кушанского царя Сотера Мегаса. В правление другого кушанского правителя, Канишки I, на городище осуществляются большие строительные работы, в частности, во многих помещениях производится ремонт стен и полов, а некоторые помещения подвергаются реконструкции. По мнению архитектора Д. Русанова, это, в первую очередь, связано с увеличением населения Кампыртепа.

Другой вопрос - о причинах прекращения жизни на этом городище, на наш взгляд, близок к своему разрешению. Большинство исследователей склоняется к мнению, что основная причина заключается в том, что Амударья, изменив свое русло, стала подмывать стены этого города-крепости. О возможности военной экспансии со стороны другого государства нам не позволяет говорить характер стратиграфии раскопанных помещений. Вскрытая на большом участке и выявленная планировка помещений жилого комплекса дает реальную основу для решения проблемы типологии и внутренней структуры кушанского поселения. Дальнейшие работы безусловно расширят наши представления об этом интереснейшем памятнике.

Примечания:

¹ В состав этой группы входили археолог Н. Скугарова, художник А. Дивянин, лаборант А. Ядгаров. В полевых сезонах 1988-1989 гг. участие в раскопках жилого комплекса приняли члены краеведческого кружка при Сурхандарьинском областном краеведческом музее.

² В настоящее время вопрос о существовании стрелковой галереи внутри крепостной стены стал спорным. Но работы полевых сезонов 1990 и 1999 гг. позволяют говорить о том, что стрелковая галерея была создана путем возведения жилого комплекса, когда восточная стена каждого из помещений образует с уже существовавшей крепостной стеной внутренний коридор данной галереи. Это высказанное археологом Дж. Ильясовым предположение подтверждается последними работами на объекте КТР-5.

³ Одна из таких лестниц была раскопана О. Цеповой в пом. 23, VI 4.

⁴ В скобках здесь и ниже обозначена толщина стен.

⁵ Верхняя постель стен помещения в восточной части приходится на отметку 2,90 м от общего репера городища.

Библиография:

1. Ртвеладзе Э. В. К локализации «греческой» переправы на Оксе // ВДИ. М., 1977. 4.

2. Ртвеладзе Э. В. Кушанская крепость Кампыртепа // ВДИ. М., 1984. 1.

3. Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь: Энциклопедический словарь: Древность и раннее средневековье. Ташкент: «Ўзбекистон миллий энциклопедияси», 1999.

4. Русанов Д. В. Фортификация Кампыртепа // АСУ. Ташкент, 1991. 4.

5. Савчук С. А. Цитадель Кампыртепа // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана: в свете новых открытий Узбекистанской искусствоведческой экспедиции. Ташкент, 1989.

Рис. 2.
Алтарь (очаг)
в пом. 2.

Рис. 3.
1 - кувшинчик;
2 - горшок;
3 - ритон-поильник;
4 - верхняя часть
кувшина с ручками в
виде кабанов;
5 - кувшинчик;
6-7 - чаши;
8-10 - тарелки;
11 - фрагмент
терракоты.

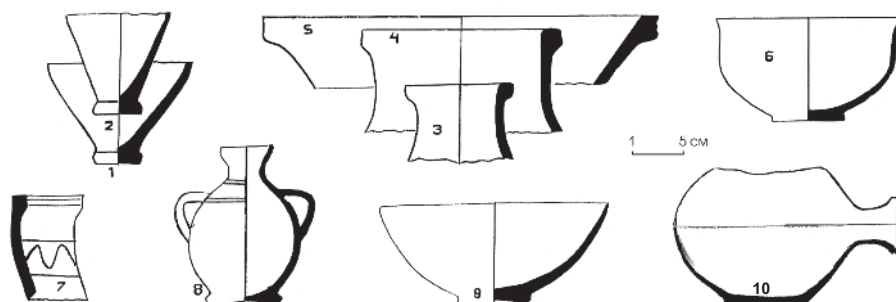

Рис. 4.
Керамика из жилого
комплекса:
1, 2 - фрагменты
кубков;
3, 4, 7, - венчики
кувшинов;
5 - фрагмент
венчика тагары;
6, 9 - чаши;
8 - кувшин;
10 - фляга.

Рис. 5.
Фото пом. 10.

Рис. 6.
Заколки (справа
вверху).

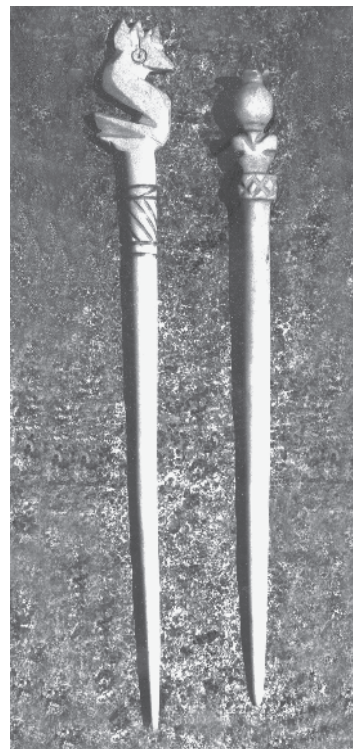

Рис. 7.
Ручка от сосуда
(справа внизу).

Рис. 8.
Лестница в пом. 9.

Рис. 9.
Штамп на
венчике хума.

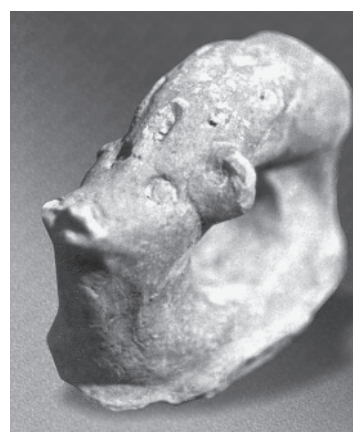

Рис. 10.
Фото пом. 26. В1 1.

Исследования городища Кампыртепа дали замечательную коллекцию терракот. Этим находкам посвящен ряд публикаций, в которых приводятся их описание, интерпретация, освещены те или иные аспекты различных проблем, интересовавших авторов¹. В этой статье сделана попытка обобщить и дополнить данные о кампыртепинских терракотах, не вдаваясь в детальное описание каждой находки.

Исследователь среднеазиатских терракот В. Мешкерис выделила на территории Северной Бактрии-Тохаристана десять районов - центров коропластики. Из них четыре: Саксанохур, Вахшская долина, Кафирниган и Каратагский район - расположены на территории современного Южного Таджикистана, один относится к Северо-Западной Бактрии, ныне составляющей районы Юго-Восточной Туркмении, а остальные пять - Термезский, Ангоро-Джаркурганский, Шерабадский, Шурчинский и Денауский - занимают земли Сурхандарьинской области Узбекистана [9, с. 22-24]. По этой схеме Кампыртепа относится к Термезскому району. Продукция коропластов каждого из центров имеет свои характерные черты, определяемые кругом наиболее популярных персонажей, набором излюбленных технических приемов и т. п. В то же время есть целый ряд общих признаков и иконографических типов, связывающих и объединяющих продукцию разных центров в единую северобактрийскую школу коропластики.

На Кампыртепа до настоящего времени найдено более тридцати антропоморфных терракотовых статуэток. Одна из особенностей кампыртепинских терракот - осязаемое присутствие эллинистических мотивов, связанное с тем, что первоначальное укрепление, на месте которого в кушанский период располагалась цитадель, было построено в греко-бактрийское время. Среди терракот эллинистического типа можно прежде всего назвать голову от терракотовой статуэтки, найденную в помещении 93 на цитадели и имеющую очень реалистичный облик [6, с. 289, № 174]. Поджатые пухлые губы на полном лице придают персонажу выражение надменности. Из-под головного убора, напоминающего берет или шлем приплюснутой формы, на виски выбиваются короткие волосы. На лбу виден край ленты-диадемы. К. Абдуллаев, подробно исследовавший данную терракоту, считает, что в наибольшей степени она близка облику греко-бактрийского царя Евтидема I (235-200 гг. до н. э.) [2, с. 5-6]. Другая терракота, которую можно отнести к рассматриваемой группе, - плакетка с изображением воина с мечом и щитом. Она стала предметом дискуссии и была по-разному интерпретирована в научных и научно-популярных публикациях [см.: 20, с. 41; 23, рис. на с. 71; 14, с. 19-21; 16, с. 55-57; 17, с. 117, рис. на с. 116, 5; 8, I, с. 114, № 125; 6, с. 284-285, № 152; 30, с. 50, рис. 2; 32, с. 64-67, рис. 16; 27, с. 167-168, рис. 2; 29, II, с. 10, 20, табл. 3 А, рис. 24а; 18, с. 62-63]. Персонаж этот фигурирует как «кушанский воин» (Э. Ртвеладзе, А. Сагдуллаев), «бактрийский воин» (С. Савчук), «римский воин» (Г. Пугаченкова, Э. Ртвеладзе), «тяжеловооруженный пехотинец подобный греческому гоплиту» (К. Абдуллаев), «пехотинец-тиреофор» (В. Никоноров)². Г. Пугаченкова указала на то, что иконография и вооружение кампыртепинского воина не находят соответствий среди

изображений кушанского воинства. Из этого она делает вывод, что воин римский. Однако, если исходить из данных С. Савчука (Курбанова) о том, что плакетка найдена на материковом уровне в северо-восточной башне цитадели (возведенной в греко-бактрийское, а возможно, и в селевкидское время), то ее нужно датировать, скорее, греко-бактрийским временем (как пишет В. Никоноров, плакетка из слоя с материалом первой половины II в. до н. э.). В таком случае, правы К. Абдуллаев и В. Никоноров, связывающие кампыртепинский образ с греко-бактрийским воинством. По описанию С. Савчука, воин в шлеме с сердцевидным навершием, нащечниками и назатыльником, в кирасе с треугольным вырезом на груди и воротником-стойкой, набедреннике с двумя рядами полосок. На голених поножи, в руках греческий ромбовидный меч-ксифос и овальный щит-клипеус кельтского типа с изображением, восходящим к орнаментике римских щитов [8, I, с. 114; 6, с. 284]. Состав вооружения по С. Савчуку получается несколько эклектичным. К. Абдуллаев, в отличие от других авторов, отрицает, что воин изображен стоящим под аркой; орнаментированная полоса, рельефно показанная слева от фигуры - это, по его мнению, не арка, а лента, украшающая шлем (нам представляется весьма точным замечание К. Абдуллаева о том, что в коропластическом искусстве Бактрии мотив арки появляется только в период раннего средневековья). Он видит на воине гладкую «анатомическую» кирасу, называемую торакс, юбку, бронированную двумя рядами металлических пластин, ноги защищены поножами-кнемидами. Меч в правой руке - типа греческого ксифоса, круглый щит украшен изображением пучка молний -

Рис. 1
Голова богини.

Рис. 2.
Голова богини.

символа Зевса. Треугольник на груди - концы плаща, скрытого за спиной [27, с. 167]. В. Никоноров, которому статья К. Абдуллаева, судя по всему, осталась неизвестной, дает следующее описание: воин в приостренном шлеме, гладкой (не мускульной) кирасе со стоячим воротом, типичной греческой птериге - бронированной юбке, состоящей из двух рядов пластин, прикрепленных к узким полоскам, с овальным щитом, восходящим к типичному кельтскому «тиреосу», и греческим мечом-ксифосом. Все это убеждает его в том, что воин, скорее, эллинистический, чем римский. Рельефное украшение щита, возможно, изображает ящера (по нашему мнению, прав, скорее, К. Абдулла-

ев, видящий на щите эмблему Зевса - пучок молний, наподобие изображения на нащечнике шлема глиняной скульптуры воина из Старой Нисы, датируемой II - первой половиной I в. до н. э., см.: 11, с. 170, 174; 12, с. 57, 60-61) [29, II, с. 10, 20]. В целом интерпретация К. Абдуллаева и В. Никонорова представляется нам убедительной; таким образом, с учетом стратиграфии находки, можно уверенно называть кампыртепинского воина греко-бактрийским.

В осеннем полевом сезоне 1999 г. на раскопе КТР-5 (раскопки К. Шейко) была найдена сделанная путем оттискивания в матрице терракота с отбитой головой и не очень хорошим рельефом³. Представлена женщина с округлым предметом в правой руке, прижатым к груди, левая рука отбита, одеяние представляет собой плащ-гиматий в крупных косых складках, плотно облегающий фигуру, и вертикальные складки хитона, спускающиеся из-под гиматия и закрывающие ноги (рис. 3).

К материалам эллинистическо-римского стиля относятся фрагменты трех матриц из обожженной глины, служивших для изготовления терракот. От одной из них сохранилась нижняя половина, в ней оттискивалось изображение стоящей с копьем в левой руке женщины в эллинском одеянии. Из-за скола на поверхности атрибут в правой руке не виден, вероятно, это щит. Иконография образа не оставляет сомнений в том, что матрица использовалась для тиражирования изображений Афины. Матрица найдена в кордегардии на цитадели (пом. 74) и датирована III - II вв. до н. э. [6, с. 289-290, № 177]. Изображения Афины, выполненные в разных материалах, не редкость для Бактрии и со-

Рис. 3.
Статуэтка
женщины в хитоне и
гиматии.

Рис. 4.
Статуэтка Будды в
позе абхайа-мудра.

седних территорий, их обзор приведен Г. Пугаченковой [13, с. 158-166, рис. 3-6]. Дополнительно можно указать еще на ряд находок, сделанных в период после ее публикации: золотой перстень из некрополя Тиллятепа, сердоликовая гемма из Зартепа, оттиски печатей на кувшине и булле с Дальварзинтепа [33, с. 127, 168; 10, с. 57, рис.4; 31, с. 51-52; 4, с. 39; 7, с. 226, рис. 29].

Известно, что иконография Афины была использована для воплощения образа какого-то божества кушанского пантеона, по предположению Ф. Грене - Ришто-Арштат, богини справедливости [5, с. 154]. Гипотезу Ф. Грене, основанную на анализе одного из типов монет Хувишки и предлагающую видеть в

персонажах с иконографией Афины, находимых на территории Средней Азии, Ришто-Арштат, разделяет К. Танабэ [34, с. 88-89], однако Г. Пугаченкова считает ее не совсем приемлемой [15, с. 101]. Нам предположение Ф. Грене кажется довольно убедительным.

Возвращаясь к кампыртепинской матрице, можно сказать, что датировка, данная ей автором раскопок С. Савчуком, позволяет считать, что она служила для тиражирования образа именно греческой Афины. Это и подобные ему изображения стояли в начале того процесса религиозного и художественного синкретизма, который привел к перевоплощению олимпийской Афины в зороастрийскую Арштат (главным образом, внутреннему, а не внешнему).

Что касается двух других матриц, то они служили для изготовления портрета мужчины. Одна из них почти целая, найдена в верхнем слое пом. 17 на цитадели и датирована II в. н. э. С. Савчук усматривает сходство кампыртепинской находки с римскими портретами. Он предполагает, как нам представляется, справедливо, что оригиналом для изготовления матрицы послужила мраморная или бронзовая скульптура [22, с. 41, рис. 1, а, б; см. также: 8, I, с. 119, № 134]. Г. Пугаченкова не согласна с определением «голова римского типа» и считает, что правильнее видеть в данном изделии эллинистические черты: «вероятно, что кампыртепинский калып был выполнен путем оттиска с какой-то небольшой... статуи II - I вв. до н. э. эллинистического происхождения, но использовался позднее, так как извлечен из кушанского слоя» [14, с. 16]. Примечательно, что таких матриц две - вторая, представляющая собой фрагмент верхней части матрицы, также найдена на Кампыртепа⁴. Это может свидетельствовать о популярности данного персонажа. Э. Ртвеладзе предположил, что это может быть портрет юного Евтидема (II в. до н. э.). [18, с. 56].

Еще одна группа эллинизированных образов - это изображения персонажей, интерпретируемых как сатиры [25, с. 34-36, рис. 1; 8, I, с. 117-118, №№ 131, 132; 6, с. 291-292, №№ 186, 187]. Хотя кампыртепинские сатиры несколько отличаются от классического облика этих дионисийских персонажей, тем не менее «видовые» признаки последних, такие, как бородатость, хвостатость и некоторые другие, достаточно хорошо переданы при изготовлении терракот. Попытка обобщения данных о генезисе и эволюции образов Силена и Сатира в искусстве Средней Азии предпринята не так давно [19, с. 69-71]. Нам представляется, что при дальнейшей разработке данной темы следует учитывать терракоты Бактрии-Тохаристана, в том числе кампыртепинские.

Другое направление, выявляемое при ознакомлении с коллекцией терракот Кампыртепа, связано с реалиями уже не греко-бактрийского, а юечжийского периода. Речь идет о терракоте, изображающей бородатого персонажа, восседающего на подобии табурета и интерпретируемого как «мифический обожествленный царь», «сакский или юеджийский правитель» [14, с. 20-21; 17, с. 116; 8, I, с. 115, № 126; 6, с. 290, № 180; 30, с. 50, рис. 3, табл. 14b; 29, II, с. 14, рис. 36a; 3, с. 84-88, рис. 1]. Терракота найдена в пом. 5 на цитадели. Туловище выполнено лепкой в круглом объеме, голова оттиснута в матрице. Лепкой также показан головной убор, напоминающий шапку с наушниками и свисающей сзади лентой. Близкая по конструкции войлочная, обшитая мехом и шелком шапка найдена в кургане № 6 могильника Ноин-ула (Северная Монголия) [21, с. 42, табл. 17, 1, 2, табл. 18, 1]. Первым на это обратил внимание К. Абдуллаев [3, с. 86]. На груди округлая бляха. Одевание показано схематичны-

ми вертикальными линиями, оно состоит из верхней и нижней частей. По предположению К. Абдуллаева, это доспех, состоящий из бронированной нашивными пластинами куртки с круглой пластиной на груди и юбки с такими же пластинами [3, с. 87]. Из-под юбки видны ступни ног.

Для кочевников, на связь с которыми как будто указывает головной убор кампыртепинского персонажа, характерно ношение широких шаровар и ноговиц, удобных при верховой езде, отнюдь не юбок. Это обстоятельство может свидетельствовать в пользу того, что на данной терракоте действительно показаны, пусть не очень искусно, доспехи - бронированные куртка и юбка, столь характерные для сако-юечжийских воинов. Использование такого доспеха засвидетельствовано, как справедливо указал в своей статье К. Абдуллаев, изображениями на монетах сако-парфянских и индо-сакских правителей, скульптурой Халчаяна и гравированными на Орлатских пластинах сценами. Сочетание оттиснутого матрицей лица, выполненного в высоких эллинистических традициях и напоминающего облик Геракла, с груболепным туловищем, кочевническим головным убором и доспехом позволяет считать данную терракоту образцом творчества юечжийских завоевателей бывших греко-бактрийских владений. Можно согласиться с авторами (С. Савчук, В. Никоноров, К. Абдуллаев), датирующими ее II - I вв. до н. э. и считающими, что на терракоте изображен правитель из среды номадов.

Уникальный экземпляр терракотовой статуэтки I - II вв. н. э. найден при раскопках одного из жилых блоков в восточной части крепости (КТР-5) [17, с. 116; 6, с. 286, № 159; 18, с. 52, 54]. Представлен мужчина в высоком колпаке конической формы и кафтане, запахнутом справа налево, прижимающий обеими руками к животу неясный предмет. Подстрижкой волос с буклями на концах и волнистой бородой персонаж очень близок портретам в искусстве парфянского круга. Данное обстоятельство было отмечено исследователями [17, с. 117; 18, с. 52]. В одной из публикаций об этой терракоте сказано, что голова изготовлена при помощи штампа, а туловище лепное [6, с. 286]. Нам представляется, однако, что туловище также оттиснуто в матрице, но приобрело несколько аморфный вид в результате манипуляций с фигуркой после выемки ее из матрицы. Предмет, который персонаж держит, прижав к животу, возможно, является следом от какой-то наклепной детали.

Еще одна группа терракотовых статуэток Кампыртепа относится к образцам продукции кушанских короoplastов, которые хотя и использовали многие иконографические типы эллинистического периода, но внесли в них значительные изменения в соответствии с новыми требованиями и вкусами. Популярным становится женское божество (вариант так называемой «Великой Бактрийской богини»(?)), представленное среди кампыртепинских находок образом женщины с ребенком [8, I, с. 119, № 135; 6, с. 292, № 190]. Особо следует выделить уникальную терракоту из разреза-4 на цитадели, изображающую богиню, сидящую с обнаженным ребенком и птицей в руках [23, с. 72; 24, с. 78; 6, с. 292, № 188]. Для этой терракоты характерно сочетание грубого схематизма в изображении богини и тонкой моделировки детской фигурки. По-видимому, из-за ухудшения качества матрицы складки одеяния утратили рельефность и показаны прочерченными по сырой глине схематичными линиями, между которыми нанесены декоративные кружочки.

Следует отметить, что очень популярный в северной половине долины

Сурхана образ сидящей богини, одетой в хитон и гиматий, не встречен пока на Кампыртепа. По-видимому, дело в особенностях региональных коропластических центров, в каждом из которых предпочтение отдавалось различным персонажам и разным иконографическим образцам. С другой стороны, на Кампыртепа найдено несколько фрагментированных терракот, напоминающих облик ряда популярных чаганианских богинь, находимых на Дальварзинтепа и в его округе. Например, фрагмент в виде головы женщины с раскосыми глазами, внешние углы которых оттянуты к вискам, волосами, обрамляющими пухлые щеки и подстриженными на уровне рта, в полукруглом головном уборе, украшенном перлами, и гривной на шее, на правом плече - круглая фибула (?) (рис.1)⁵.

Вариантом этого типа, вероятно, является фрагмент терракоты, найденный осенью 1999 г. на раскопе 5 (КТР-5) в восточной части городища (работы К. Шейко). Он изображает женщину с раскосыми глазами, круглой отметиной на лбу в высоком головном уборе, украшенном кружками (рис. 2)⁶. К этим терракотам близка терракотовая матрица, фрагмент которой найден в 1983 г. Она служила для изготовления статуэток женщины с раскосыми глазами, ямками на щеках, волосами, подстриженными на уровне рта. На шее гривна, на груди большая пектораль с двойным рядом перлов. Слева (в левой руке (?)) непонятный крупный предмет, украшенный перлами⁷. Таким образом, новые находки могут внести коррективы в выводы исследователей.

На Кампыртепа найдены статуэтки обнаженных женщин [8, II, с. 116-117, №№ 128 и 130; 6, с. 289, 291, №№ 176 и 185]. Одна из них, несколько напоминающая изображения якшини, популярные в Северной Бактрии, датируется II - I вв. до н. э. и считается связанной с почитанием различных ипостасей Великой бактрийской богини (или богинь) [14, с. 16-18]. Что касается второй кампыртепинской терракоты, то она перекрещенными на груди лентами со скрепляющим их диском-медальоном весьма напоминает терракотовое изображение Афродиты западнопонтійского производства, найденное в г. Тира в устье р. Днестр и датируемое III - II вв. до н. э. [26, с.26, табл. 2, 3].

Среди новых для Кампыртепа типов терракот можно назвать найденную весной 1999 г. в западной части рва, отделяющего цитадель от шахристана, статуэтку сидящего Будды, правая рука которого обращена ладонью к зрителю в жесте убеждения (абхайа-мудра), а левая сжимает складку плаща-сангхати (рис. 4)⁸. Насколько можно судить по материалам, приведенным в обобщающей статье К. Абдуллаева, кампыртепинская находка впервые дает четко различимый оттиск с изображением Будды, сидящего в позе абхайа-мудра, так как данный жест у терракоты с Каратепа лишь предполагается [28, с. 163]. До этой находки на Кампыртепа, несмотря на обилие терракот и других находок, не было зафиксировано несомненных произведений буддийского искусства, что как-то выделяло памятник среди других кушанских городищ Северной Бактрии⁹. Найденная терракота - первое безусловное свидетельство присутствия буддистов в крепости на переправе через Амударью.

Сравнение комплексов терракот двух городищ Северной Бактрии - Дальварзинтепа и Кампыртепа - очень наглядно демонстрирует отличие продукции двух коропластических районов, Шурчинского и Термезского, выделяемых В.А. Мешкерис. Вместе с тем следует подчеркнуть близость изделий коропластов расположенных по соседству Термезского и Ангоро-Джаркурганс-

кого районов, что отражено в находках аналогичных статуэток музыкантов, играющих на многостольной флейте (сиринкс или флейта Пана), с городищ Кампыртепа и Зартепа [25, с. 37, рис. 3; 8, I, с. 152, № 202; 6, с. 290, № 179]. Эти два фрагмента чрезвычайно близки, что касается значительной разницы в их датировке - I в. до н. э. - I в. н. э. или II - I вв. до н. э. для кампыртепинской находки (датировки С. Савчука и А. Малькеевой) и III - V вв. н. э. для зартепинской (датировка В. Завьялова), то следует, на наш взгляд, удревнить дату терракоты с Зартепа, даже если она найдена в верхних слоях Зартепа, датированных кушано-сасанидским периодом. Статуэтка, скорее всего, переотложена из более ранних слоев этого городища. Напомним, что обживание Кампыртепа, на цитадели которого была найдена фигурка флейтиста, прекратилось, судя по материалам, не позже II в. н. э.

Продолжая тему особенностей региональных школ коропластики, следует подчеркнуть, что терракоты, связанные с одной из популярных в Бактрии религий - буддизмом, - имеют широкий ареал, преодолевая, в соответствии с универсальным характером учения, региональные различия. В качестве примера можно привести группу изображений полуобнаженных женских персонажей, интерпретируемых как якшини. Так, голова статуэтки якшини с характерной прической, перехваченной лентой и украшенной подвеской, найденная на поверхности Дальварзинтепа, абсолютно аналогична целой статуэтке, найденной в 50 м к востоку от ступа Фаязтепа в Старом Термезе [1, с. 63-64, рис. 1, 6; 8, I, с. 18, № 113]. Последняя датируется К. Абдуллаевым III - IV вв. н. э., он приводит аналогичные находки с Зартепа, Бараттепа, из Старого Термеза, из Кургана в Старом Термезе, с Тепаи-Шах. В дополнение к этому укажем на две фрагментированные терракоты, найденные на Дальварзинтепа и опубликованные нами в 1996 г. [7, с. 220, 225, рис. 11 и 25]. Таким образом, хотя на Кампыртепа подобных терракот пока не найдено, область распространения однотипных статуэток якшинь охватывает обширную территорию от побережья Амударьи на юге до Дальварзинтепа на севере, соответствуя области распространения памятников буддизма. Эти статуэтки показывают, как локальные различия в коропластике уступают место интеграционным процессам в тех случаях, когда вступают в силу идеологические представления, общие для региона в целом.

В заключение отметим, что терракоты Кампыртепа составляют весомую и важную часть продукции коропластов Северной Бактрии. Они дают возможность изучать различные аспекты древнего прикладного искусства и идеологических представлений населения Северной Бактрии греко-бактрийского и кушанского периодов.

Примечания:

¹ Основные публикации, посвященные терракотам Кампыртепа: 22, с. 39-41; 25, с. 34-37; 16, с. 55-57; 14, с. 15-21; 8, I, с. 114-119, №№ 125-135; 6, с. 284-285, 286, 289-292, №№ 152, 153, 159, 174-190; 30, с. 49-54; 32, с. 51, 64-67; 2, с. 5-6.

² В двух каталогах, вышедших в 1991 г., автор находки и каталожного описания С.А. Савчук дает две совершенно различные даты своей находки - III - II вв. до н. э. в двухтомнике «Культура и искусство древнего Узбекистана» и I - II вв. н. э. в каталоге

«Древности Южного Узбекистана». Эта неопределенность, исходящая от производителя раскопок и отнюдь не способствующая уточнению времени изготовления плакетки, похоже, окончательно преодолена им в совместной с В. Никоноровым статье, в которой речь идет о II в. до н. э. как о самой поздней дате терракоты [30, с. 50]. Это намного упрощает задачу определения, каким же воином, греко-бактрийским, кушанским или римским, его следует считать.

³ Терракота покрыта темно-красным (переходящим в бордовый) ангобом, размеры: 8,2 x 5 x 3,2 см.

⁴ Фрагмент не публиковался, его размеры: 8 x 6 x 6,1 см; размеры оттиска: 6,8 x 5,2 см.

⁵ Терракота покрыта оранжеватым ангобом, размеры: 6,3 x 4,7 x 2,7 см. Шифр - Кампыр-89. Шурф-I. Публикуется впервые.

⁶ Голова статуэтки, правая часть лица и головного убора (прически) отбита. Размеры фрагмента: 6,5 x 3,8 x 2,8 см. Шифр находки: ТЭ-99, КТ, Р-5, пом. 7, ВС (верхний слой).

⁷ Матрица изготовлена из сероватой глины. Размеры сохранившейся части: 9,7 x 5,8 x 3,1 см. Шифр - УзИскЭ-83, Кампыртепа, № 12. Публикуется впервые.

⁸ Размеры: 7,3 x 6,1 x 2,5 см.

⁹ Напоминает буддийский (бодхисатва (?)) образ на фрагменте кампыртепинской терракоты, поднятый на поверхности городища и ошибочно соотнесенный в каталоге «Древности Южного Узбекистана» с описанием дальварзинтепинской находки [6, с. 264, № 64]. Его истинное описание приведено на с. 291-й под № 183. На Кампыртепа в помещении 11 (святилище) на цитадели была найдена терракота, изображающая обнимающуюся пару [6, с. 284, № 153; 8, I, с. 115, № 127]. Автор аннотаций в данных каталогах, С. Савчук датирует ее I в. до н. э. Однако если это действительно митхуна, т. е. сюжет индийского происхождения (для Северной Бактрии это, скорее, сюжет индо-буддийский), то I в. до н. э., по-видимому, слишком ранняя дата. Довольно редуцированный облик терракоты и факт ее находки в святилище последнего периода застройки цитадели позволяют датировать ее I - II вв. н. э.

Библиография:

1. Абдуллаев К. Об одном буддийском образе в коропластике Бактрии-Тохаристана // ИМКУ. 24. Ташкент, 1990.

2. Абдуллаев К. Портретное изображение в терракоте из Кампыртепа // Тезисы докладов конференции «Искусство Узбекистана: древность, средневековье, современность». Ташкент, 1995.

3. Абдуллаев К. Номады в искусстве эллинистической Бактрии // ВДИ. 1998. 1.

4. Восковский А. Афина с Дальварзинтепе // Тезисы докладов международной конференции «Средняя Азия и мировая цивилизация». Ташкент, 1992.

5. Грене Ф. Знание Яштов Авесты в Согде и Бактрии по данным иконографии // ВДИ. 1993. 4.

6. Древности Южного Узбекистана: Каталог. Токио, 1991.

7. Илёсов Ж.Я. Терракота ва безаклар // Далварзинтепа шахристони. Токио, 1996.

8. Культура и искусство древнего Узбекистана Каталог выставки. В двух книгах. М., 1991.
9. Мешкерис В.А. Коропластика Средней Азии IV-III вв. до н. э. - VII-VIII вв. н. э. (периодизация, типология, динамика стилей): Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук, представленная в форме научного доклада. М., 1992.
10. Пидеев Ш. Р. Археологические работы на юго-восточном холме Зартепа // ИМКУ. 24. Ташкент, 1990.
11. Пилипко В.Н. Голова в шлеме из Старой Нисы // ВДИ. 1989. 3.
12. Пилипко В.Н. Старая Ниса. Здание с квадратным залом. М., 1996.
13. Пугаченкова Г.А. Халчаянская Афина // ВДИ. 1963. 2.
14. Пугаченкова Г.А. В поиске культурных ценностей прошлого // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
15. Пугаченкова Г.А. Об одном иконографическом образе в искусстве Бактрии // ВДИ. 1989. 4.
16. Пугаченкова Г.А. Римский воин на терракотовой плитке из Кампыртепа. // ОНУ. 1989. № 4.
17. Пугаченкова Г.А., Ртвеладзе Э.В. Северная Бактрия-Тохаристан. Ташкент, 1990.
18. Ртвеладзе Э.В. Великий шелковый путь. Ташкент, 1999.
19. Ртвеладзе Э.В., Косаковская И.Э. Генезис и эволюция образов Силена и Сатиры в искусстве Центральной Азии // Тезисы докладов конференции «Искусство Центральной Азии: своеобразие исторического развития». Ташкент, 1997.
20. Ртвеладзе Э.В., Сагдуллаев А.С. Памятники минувших веков. Ташкент, 1986.
21. Руденко С.И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.- Л., 1962.
22. Савчук С.А. Предметы малого искусства из Кампыртепа // ОНУ. 1984. 7.
23. Савчук С.А. У Оксийской переправы // Вехи времен: Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Ташкент, 1989.
24. Савчук С.А. Цитадель Кампыртепа // Античные и раннесредневековые древности Южного Узбекистана. Ташкент, 1989.
25. Савчук С.А., Малькеева А.А. Терракотовые статуэтки музыкантов из Кампыртепа // ОНУ. 1989. 5.
26. Славин Л.М., Клейман И.Б. Описание терракот // Терракоты Северного Причерноморья: Свод археологических источников. Т. I - II. М., 1970.
27. Abdullaev K. Armour of Ancient Bactria, // In the Land of the Gryphons. Papers on Central Asian Archaeology in Antiquity. Firenze, 1995.
28. Abdullaev K. Buddhist Terracotta Plastic Art in Northern Bactria // Silk Road Art and Archaeology. 5 (1997/98). Kamakura, 1998.
29. Nikonorov V.P. The Armies of Bactria 700 BC - 450 AD. Vols. 1-2. Montvert Publications, 1997.
30. Nikonorov V.P., Savchuk S.A. New Data on Ancient Bactrian Body-armour (in the light of finds from Kampyr Tepe) // Iran. 30. The British Institute of Persian Studies, 1992.
31. Pidaev Sh., Leriche P. Quelques villes moyennes de Bactriane // Dossiers d'Archeologie. Paris, 1999. 247.

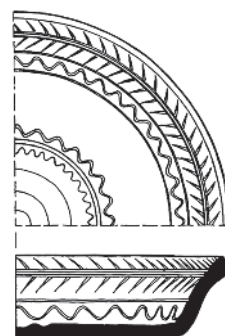
32. *Pugacenkova G.A. New Terracottas from North Bactria // EW. 1992. 42:1.*
33. *Sarianidi V. Bactrian Gold. Leningrad 1985.*
34. *Tanabe K. Silk Road Coins: The Hirayama Collection. Kamakura, 1993.*

Орнаментальное искусство кушанской Бактрии до настоящего времени не служило предметом серьезных научных исследований. Причиной тому, вероятно, является уже сложившееся мнение, будто в Бактрии кушанской эпохи орнамент был слабо развит [12, с. 86, 186]. Однако нам представляется важным рассмотреть отдельные элементы орнаментированного материала, классифицировать и попытаться определить их семантику. Вопрос о декоративных аспектах различных произведений искусства кушанской Бактрии, в частности, керамики, уже рассматривался в ряде научных публикаций (см. библиографию в конце статьи).

Здесь мы представим декорированный керамический материал, собранный на Кампыртепа. Мы не собираемся останавливаться на стратиграфическом происхождении отдельных экземпляров, а будем рассматривать весь комплекс керамики как относящийся к последнему периоду строительства и обживания памятника, т. е. I - II вв. н. э. [20, с. 141]. Только сероглиняные амфора и блюдо из рассматриваемой керамики датируются II - I вв. до н. э. Материал включает в себя фрагменты декорированных керамических сосудов, найденных во время полевого сезона весной 1999 г. (около 70 черепков; в подавляющем большинстве это подъемный материал), а также керамику, выставленную в экспозициях Термезского музея и музея НИИ искусствознания в Ташкенте, собранную на этом памятнике в предыдущие годы. Были использованы архивы и чертежи керамики, выполненные Е. Некрасовой в период ее исследований на Кампыртепа, чьи консультации во время работы над статьей очень помогли автору. Мы включили также в рассмотрение керамический материал, собранный и зарисованный Э. Ртвеладзе, руководителем раскопок на Кампыртепа, и В. Никоноровым. Пользуясь случаем, нам хотелось бы выразить благодарность Французскому институту исследований Центральной Азии (IFEAC), без чьей финансовой и организационной поддержки эта работа не могла бы быть выполнена.

Кажется очевидным, что различные виды декорирования керамики определяются техникой их исполнения. Их, вероятно, можно разделить на две группы. В первую входят орнаментальные мотивы и декоративные элементы, несущие в себе определенную изобразительную нагрузку и которые в какой-то степени, можно рассматривать независимо от самого сосуда. Это орнаментальные элементы, выполненные прочерчиванием, штамповкой, тиснением, объемно-пластические украшения, т. е., декорированные ручки сосудов, налепы. Вторую группу составляют те виды украшения керамики, которые можно охарактеризовать как чисто технические приемы. Среди них - лощение, неравномерное или полосчатое ангобирование и частичное ангобирование, покрытие ангобом всей поверхности сосуда, профилирование боковых стенок и венчиков. Рассмотрение этих типов украшения керамики неразрывно связано с исследованием гончарного производства. Мы остановимся только на лощении и ангобировании. Начнем с первой группы.

Наиболее простым и самым распространенным способом декорирования керамики является **прочерченный** орнамент. Одинарные линии выполнялись заостренным предметом (палочкой-пунсоном) по сырой глине, двой-

Сероглиняное блюдо с прочерченным орнаментом.

ные и более - каким-либо приспособлением в виде вилочки или гребешка [12, с. 90]. Концентрические прямые и волнистые линии наносились на стенки сосуда при равномерном вращении гончарного круга. В большинстве случаев зигзаги волнистой линии наклонены влево, что, вероятно, связано с техникой исполнения орнамента. Этот вид орнамента встречается независимо от типа теста на всех видах сосудов, кроме бокалов (они декорировались лишь ангобированием или лощением). Часто после прочерчивания орнамента сосуд покрывали ангобом.

Что же побуждало античных керамистов использовать тот или иной вид декора на отдельных участках определенных сосудов? Рассмотрим самый интересный по использованным типам орнаментации керамики сосуд, каким является сероглиняная амфора, хранящаяся в музее НИИ искусствознания (рис. 1, 1). Здесь мы видим прочерченный орнамент, штампы, а также декорированные ручки, вылепленные в форме птичьей трехпалой лапы. Амфора уже публиковалась [12, № 146], и ее декор исследовался в научной литературе [19, с. 74-81]. Однако мы находим нужным для лучшего понимания семантики отдельных декоративных элементов, встречающихся на разных сосудах, рассмотреть возможный смысл каждого из них в общей композиции на тулове данной амфоры.

Итак, орнаментальную композицию можно разделить на три части: сверху - концентрическая полоса прочерченной волнистой линии или «мотив бегущей волны», окаймленной простыми прямыми линиями, ниже - ряд штампиков с располагающейся под ним идентичной полосой волнистой линии. Эта часть композиции занимает верхнюю половину тулова. В нижней части прочерчена концентрическая полоса «елочного» орнамента. Распределение узора в горизонтальных поясах, идущих вокруг сосуда непрерывной линией, является характерным для этого периода [1, с. 51]. Данная композиция встречается в энеолитическом орнаменте на трипольской керамике [14, с. 37] и может интерпретироваться как отображение трехчленной структуры мира, выраженной в гимнах Ригведы: небо с запасами воды, представленными идеограммой воды - волнистой горизонтальной линией; воздушное пространство с возможными символическими изображениями небесных светил, дождя, возможно, воды, а также растений и животных, и, наконец, земля, на которой растет все живое. Интересно заметить, что подобную интерпретацию гораздо сложнее сделать для плоской концентрической композиции на блюде (рис. 1, 2).

Пока трудно сказать, имела ли вся эта символика в античную эпоху свою актуальность. По мнению некоторых исследователей, знаки, связанные с древним обожествлением природы, лишь отчасти сохранили символический характер [1, с. 51]. Однако нам бы не хотелось сводить встречающийся в кушанской Бактрии орнамент к чисто декоративному, украшающему элементу. Повторение орнаментальных композиций на разных видах керамических сосудов может свидетельствовать в пользу существования определенной символики, которой мастер наделял отдельные составляющие их элементы.

Для определения смысловой нагрузки декора представляется важным как его расположение на сосуде, так и сама форма сосуда, которая связана с его функциональным назначением. Попытаемся рассмотреть подробнее декорирование полосами волнистого орнамента различных типов сосудов. При их

обозначении мы основывались на классификации форм сосудов, предложенной Е. Некрасовой [6, с. 8-92]. Было замечено, что орнаментация очень экономно распределялась по поверхности сосуда, подчеркивая его конструктивные части [1, с. 51]: венчики или плечики кувшинов, горшков, хумчей, т. е. верхний край сферических сосудов, а также бортики тарелок и тагара. Обычно полосы волнистых линий имели одинаковую ширину (рис. 1, 3). Однако на одном фрагменте плечика сосуда прочерчены зигзаги двух волнистых линий разной величины (рис. 1, 4).

Рассмотрим сначала сосуды закрытой формы со сферическим туловом, т. е. горшки, кувшины и хумчи. На горшках с горлышком или без горлышка и на кувшинах полосы волнистого орнамента располагались на плечике (рис. 2, 3-7) или реже на горлышке (рис. 2, 1-2). Полосы волнистой линии часто окаймлялись сверху и снизу простой или двойной горизонтальной линией. Однако иногда горизонтальные линии не прочерчивались. На хумчах полосы волнистой линии процарапывались гораздо реже и располагались на плечике сосуда (рис. 1, 3-4). Здесь следует также вспомнить небольшую чашечку, хранящуюся в музее НИИ искусствоведения (рис. 4, 12). Боковые стенки ее несут в своей верхней части две полосы зигзагообразного орнамента, каждая из них снизу окаймлена простой или двойной горизонтальной линией.

Как уже сказано выше, полосы волнистой линии обычно интерпретируются как символ воды. Нам представляется маловероятным, что в данном случае речь идет о «небесной воде». Все перечисленные виды сосудов могли быть использованы для жидкости. Скорее всего, смысловая нагрузка этого орнамента заключается в изображении символа воды, несущего магико-охранительное значение, направленное на содержимое сосуда. В пользу второго аргумента говорит наличие иногда двух и более полос волнистой линии.

Полосы волнистой линии прочерчивались также на сосудах открытой формы - тагарах и тарелках (рис. 2, 8-11). Тагары часто украшались одной полосой волнистой линии, с обеих сторон окаймленной простыми горизонтальными линиями, изредка двумя волнистыми. Полоса прочерчивалась на внутренней или реже на внешней стороне боковой стенки сосуда, у тагары - под профилированным бортиком. Это местоположение орнамента также может указывать на его магико-охранительное значение или выражение пожелания того, чтобы сосуд всегда оставался наполненным, а владелец был состоятельным. Гораздо труднее объяснить нанесение трех концентрических полос волнистой линии на дно сероглиняного блюда, близкого по стилю декора к упомянутой амфоре и, вероятно, составляющего с ней продукцию одного керамиста (рис. 1, 2). Вопрос об интерпретации этого декора остается открытым.

Рассмотрим теперь композицию с волнистыми вертикальными линиями (рис. 1, 1-3). Она встретилась нам на трех фрагментах боковых стенок хумчи. Вертикальные волнистые линии спускаются к горизонтальной полосе волнистой линии, окаймленной с двух сторон прямыми линиями и проходящей, судя по профилю черепка, по самой выпуклой части тулова, т. е. примерно посередине. Если принять горизонтальную полосу за изображение наземной воды, то вертикальные полосы можно интерпретировать как дождь, нисходящий с неба, «живую воду», орошающую все живое на земле.

Это же семантическое объяснение может быть использовано для точечных выемок и наклонных насечек, иногда сопровождающих полосы волнис-

той линии в общем орнаментальном комплексе (рис. 3). Другие гипотезы - звезды или брызги, отлетающие от воды при заливании ее в сосуд, а может быть, это символическое изображение твердого или сыпучего заполнения сосуда? Сама волнистая линия обычно имеет меньшую ширину, а ее зигзаги отличаются меньшим наклоном или не имеют его вообще. Это, по всей видимости, связано с техническим приемом выполнения орнамента. Точечные выемки могут располагаться сверху (рис. 3, 5), снизу (рис. 3, 4, 8) или по обе стороны волнистой линии (рис. 3, 6), а также между двумя полосами волнистой линии (рис. 3, 7). Они могут также не сопровождаться волнистой линией (рис. 3, 9). На одном фрагменте, найденном в 1999 г., сверху и снизу полосы волнистой линии находится по ряду наклонных насечек (рис. 3, 11). В верхнем ряду они наклонены влево, в нижнем - вправо. Точечные или наклонные насечки иногда наносились на узкую наклепную полосу (рис. 3, 12) или на небольшой линейный выступ (рис. 3, 13). На одном фрагменте верхней части тулова хумчи мы видим каплеобразные выемки и ниже - выемки в виде точек, расположенных вдоль простой горизонтальной линии (рис. 3, 10). Является ли эта композиция изображением падающего на землю дождя?

Некоторые из керамических курильниц, найденных в наусах вблизи городища, украшены прочерченным орнаментом [26, № 151]. Причем волнистая полоса в нижней части курильницы сверху и снизу сопровождается двумя рядами точечных вдавлений (рис. 1, 5). В данном типе керамических изделий, вероятно, орнамент приобретает особенное символическое содержание, и его рассмотрение неотделимо от зороастрийской мифологии и обрядов. Нанесение символов воды, если волнистые линии являются таковыми, на курильницу - вместилище огня - не кажется нам противоречивым, ибо огонь и вода являются первичными взаимодополняющими элементами в зороастрийской мифологии.

У маленького кувшинчика четыре грани тулова разделены между собой вертикальными желобками (рис. 4, 11). Горлышко, по всей вероятности, было сделано отдельно и прилеплено к тулову. Грани тулова украшены горизонтальными и вертикальными полосами зигзагообразных линий, которые делят каждую грань на четыре квадрата, образуя в ее центре крест; можно также провести аналогии со свастикой. Другой маленький сосуд с туловом сферической формы был снабжен двумя ручками в виде небольших боковых выступов (рис. 4, 14). Вся верхняя половина сосуда была покрыта достаточно глубокими точечными выемками. Небольшой сосудик в виде стаканчика с подобной наколотовой поверхностью был найден в Айртаме [1, с. 45]; ему приписывалось культовое назначение. Еще на одном маленьком кувшинчике вдавленные округлые углубления были неглубокими и располагались в три горизонтальных ряда, идущих по верхней части тулова (рис. 4, 13). Сам принцип расположения в ряды характерен для кушанского времени, и по внешнему виду декор кувшинчика напоминает композиции с прочерченным орнаментом.

Очень интересный тип орнаментальной композиции был встречен на трех фрагментах больших сосудов закрытой формы типа хумча или крупного горшка (рис. 4, 1-3). Здесь пространство, ограниченное либо двумя прямыми концентрическими линиями, либо полосами волнистой линии, окаймленной простыми линиями, заполнено изображениями деревьев, вписанных в более или

менее правильные треугольники. Между треугольниками мы видим маленькие вдавления в виде колечек, иногда с круглыми вдавлениями в центре. Деревья имеют либо поднимающиеся ветви, либо опускающиеся, как у елки. В данной композиции налицо символическое воспроизведение системы мира с небом или землей, представленными знаком воды, и деревьями, орошаемыми падающим с неба дождем.

На одном фрагменте сосуда в нижней части венчика сделан выступ, на который нанесены частые наклонные насечки, ниже отходит почти горизонтальное плечико (рис. 4, 4). На нем находится ряд небольших выемок подтреугольной формы, вырезанных инструментом с тремя зубцами. Дальше, в направлении от венчика, идут две простые параллельные концентрические линии. На данном примере можно проследить влияние металлических изделий на керамику (хотя существует мнение, что этому воздействию подвержена, прежде всего, сероглиняная керамика, даже своим цветом имитирующая серебро). В самом деле, на металлических сосудах в основании горлышка мы иногда встречаем ободок в форме витого кольца. На другом фрагменте горлышка кувшина наклонные насечки находятся на выступе профилированного венчика (рис. 4, 5).

Полоса выемок в виде наконечника стрелы проходит в основании горлышка сосуда закрытой формы (рис. 4, 6), причем горлышко покрыто красным ангобом. У сакских племен стрела считалась символом плодородия и связывалась с культом Солнца. Эти верования вошли в культуру всех народов, вступивших с ними в контакт [4, с. 147]. Возможно, в данном случае орнамент является лишь техническим приемом.

Процарапанный елочный орнамент имеется на фрагменте красноглиняного сосуда открытой формы, вероятно, тагары, на ее внутренней поверхности (рис. 4, 7), и на фрагменте желтоглиняной хумчи, где он сопровождается штампованным орнаментом (рис. 4, 8). Такой же орнамент отмечен на уже частично описанных нами сероглиняных сосудах: в нижней части тулова амфоры (рис. 1, 1), где он ассоциировался с изображением земли, и на внутренней поверхности отогнутого вверх под углом бортика блюда (рис. 1, 2). Вероятно, елочный орнамент может также символизировать растительный мир. Иногда листик изображался не с помощью штампа, а прочерчивался (рис. 4, 9).

На фрагменте тулова хума из Кампыртепа был прочерчен знак свастики, принесенный в Бактрию из Индии в начале нашей эры или пришедший сюда еще раньше из культуры арийцев (рис. 4, 10). Этому знаку иногда приписывается оберегательное значение [10, с. 70].

Другой вид декорирования керамики - **штампованный орнамент** наносился с помощью специальных штампов на сырую глину. Вопрос о времени его появления на территории Бактрии и происхождении является очень актуальным. Он уже не раз обсуждался в научной литературе, причем высказывались разные мнения. Согласно Г. Пугаченковой, этот вид декора пришел из римско-эллинистического мира и начал применяться по всей Бактрии лишь в кушанское время, начиная с I в. [11, с. 59; 12, с. 90]. Н. Сычева считает, что он появился раньше, в связи с «эллинизацией местной, среднеазиатской культуры» [17, с. 25]. В доказательство своего довода она приводит блюдо из Тулхарского могильника, которое датируется II - I в. до н. э. Ш. Пидаев связывает

появление штампованного орнамента с проникновением в Бактрию кочевников юечжей и приписывает им авторство в этом виде декора в Бактрии [10, с. 70]. Следует указать, что, по мнению французских ученых, штампованный орнамент приходит в Бактрию из Сасанидского Ирана в III в.н. э. [18, с. 27]. Они, однако, основываются на данных из раскопок Балха и Беграма, которые находятся в Южной Бактрии. Преемственность традиций штампованной орнаментации, засвидетельствованной находками печатей на памятниках эпохи бронзы в Бактрии, опровергается отсутствием этого вида декора в ахеменидскую эпоху.

На Кампыртепа было обнаружено достаточно большое разнообразие штампов. В основном это розетки и пальметты (или листики), происхождение которых обычно относят к эллинистическому миру. Размер штампов варьировал от 1,5 до 3,0 см. Часто под штампами или над ними проходила простая горизонтальная линия. Мы не будем рассматривать использование отдельных штампов на разных формах сосудов, но лишь отметим, что на сосудах закрытой формы обычно он наносился на плечико, на сосудах открытой формы - на внутреннюю поверхность. В отношении деления орнамента, в частности, штампованного, на геометрический и растительный необходимо помнить об ограниченности этого подхода. Например, штамп в виде розетки может интерпретироваться как изображение солнца или цветка.

Одним из самых распространенных является штамп в виде листика или пальметты. Его принято интерпретировать как символ древа жизни. Обычно он имеет овальную форму (рис. 5, 1), иногда, однако, листик имеет контур в форме ромбика (рис. 5, 2). Этот вид штампа появляется в Бактрии одним из первых, еще в греко-бактрийский период, лишь позднее появляется штамп в виде ромбика [16, с. 134, 135]. Композиция из четырех листиков украшала донца нескольких тарелочек (рис. 5, 12-13). Принцип четырехкратности, как обозначение четырех сторон света появляется и утверждается на тысячелетия еще в керамике земледельческих племен энеолита [14, с. 31]. Его продолжение мы находим и на керамике кушанской Бактрии. Иногда штампы входили в орнаментальные композиции с другими видами декора, например, прочерченного орнамента (рис. 5, 9). На одном фрагменте полоса зигзагообразной прочерченной линии заключена между двумя полосами волнистой линии (рис. 5, 10). В треугольниках, образованных зигзагообразной линией, заключены оттиски штампов в виде листиков наряду с маленькими кольцевыми вдавлениями. Возможно, данный вид орнамента аналогичен прочерченному орнаменту с изображением деревьев, описанному выше (рис. 4, 1-3). На сероглиняной амфоре штамп-листик находится между двумя полосами волнистой линии и, скорее всего, изображает стилизованное дерево как символ растительного мира (рис. 1, 1).

На двух фрагментах плечиков хумчей штамп в виде листика расположен между двумя штампами-розетками (рис. 5, 11). Интересно заметить часто встречающуюся композицию из трех штампов. На других фрагментах розетки были сгруппированы по две или по три. Розетки подразделялись на три разновидности: розетки самого распространенного типа в виде круга, разделенного радиусами на равные секторы (рис. 5, 3), розетки с глазком в центре (рис. 5, 4) и розетки в виде цветка без явно обозначенного круга, окаймляющего цветок (рис. 5, 5). Эти штампы наряду с простым изображением цветка могут пред-

ставлять стилизованные изображения колеса «чакра» и лотоса, одних из главных буддийских символов. Однако, возможно, штамп в виде розетки символизирует Солнце, чей культ был широко распространен в Средней Азии в доарабское время [5, с. 43].

На одном фрагменте сосуда между двумя штампами вихревого колеса расположен штампик, изображающий отпечаток ступни (рис. 5, 8). Оба вида изображают два других символа буддизма - вращающееся колесо учения и отпечаток ступни Будды, часто встречающееся в буддийской иконографии. Как видим, буддийская символика широко представлена в штампованной орнаментации. Очевидно, что она пришла в Бактрию из Индии вместе с буддизмом в начале нашей эры.

Ряд штампиков в виде латинской буквы U, величиной около 1 см, был найден на фрагменте одного сосуда (рис. 5, 7). На сероглиняной амфоре штампы в виде прямоугольников с четырьмя точками по углам (рис. 5, 6) располагались в одном ряду со штампами-листочками (рис. 1, 1).

Штампик антропоморфного и зооморфного характера также встречаются одними из первых в Бактрии и представляют, скорее всего, оттиски гемм. Интересно, что на Кампыртепа они найдены лишь на фрагментах венчиков хумов. В музее НИИ искусствоведения хранится один из таких фрагментов, на который нанесены три штампика, изображающих всадника (рис. 5, 14). Два других фрагмента хранятся в фондах Термезского музея: на одном изображен олень, на другом - сцена любви.

Рассмотрим теперь **объемно-пластические украшения** на керамике. На территории Северной Бактрии они появляются в кушанскую эпоху [12, с. 90]. Их можно разделить на декорированные ручки и налесты, среди которых особый интерес представляют налесты зооморфного характера.

Декорированные ручки встречаются разных типов: горизонтальные витые ручки (рис. 6, 1), горизонтальные ручки на тагаре в виде плотно прилегающего к венчику жгута или валика с поперечными вдавленными полосками (рис. 6, 2) и зооморфные ручки, которые образуют особую группу с очень богатым семантическим значением. К декорированным можно также отнести ручки, профилированные продольными желобками или имеющие отпечаток пальца в основании. Мы не будем на них останавливаться, а перейдем к фигурным.

Ручки первых двух типов, вполне вероятно, отображают влияние на керамику изделий из металла. Несомненно, они происходят из греко-римской культуры, по всей видимости, Северного Причерноморья [16, с. 137; 17, с. 252, 253].

На сероглиняной амфоре (рис. 1, 1) и на одном фрагменте сосуда (рис. 6, 3) основание ручки имеет форму трех выступов, образующих стилизованную трехпалую птичью лапу. Здесь мы также видим влияние металлических изделий. В отношении семантики данного образа «следует полагать, что в сакском, савроматском и скифском искусстве тема хищной птицы была связана с представлениями о божествах военной победы, могущества и обилия» [5, с. 93].

Маленький кувшинчик (рис. 6, 4) из Термезского музея имеет ручку в виде кабана [2, № 173]. Традиция вертикальных зооморфных ручек вошла в среду кочевников среднеазиатского севера, где эти ручки наделялись магико-охранительным значением. Голова зверька при этом была направлена вверх, к

устью сосуда, символически охраняя его содержимое, а также здоровье его владельца [5, с. 87]. Очень часто воспроизводились фигурки кабана, собаки, лисы, волка, барса или тигра, лошади и др. [5, с. 6].

Другой небольшой сосуд со сферическим туловом также снабжен зооморфной ручкой (рис. 6, 5). В идентификации нашего зверька можно колебаться между обезьянкой и каким-то животным из семейства кошачьих. В первом случае мы имеем принесенный из Индии элемент. Известно, что в Средней Азии обезьяны не водились, и их изображения в данном регионе появились лишь в начале нашей эры в связи с вступлением Бактрии в контакт с Индией. Заметим, что головка зверька направлена не вверх, а вправо, т. е. на зрителя, таким образом, отступая от своей первоначальной охранительной функции.

Зооморфный налест, как и зооморфные ручки, появился в кушанскую эпоху [12, с. 90]. Плохо сохранившийся зооморфный налест, по всей вероятности, в виде головы козла, был нанесен на горшок, покрытый красно-коричневым ангобом (рис. 6, 6). Налест в виде головы обезьяны с кольцом во рту (рис. 6, 7) находится в верхней части высокого кубка, покрытого вертикальным полосчатым лощением с наружной и внутренней сторон [2, № 171; 3, с. 113, илл. 124].

Маленький толстостенный сосудик типа чашечки снабжен свешивающимся с боковой стенки торсом животного из семейства кошачьих (рис. 6, 10). Причем из-за этого выступа чашечку можно поставить только на самый край какой-либо подставки. Чашечка была найдена с небольшим шариком и интерпретирована как погремушка [2, № 172].

Два небольших кувшинчика со сферическим туловом (рис. 6, 8-9), один из которых покрыт сетчатым лощением, имеют носики в виде морды барана, чьи рога и уши изображены налестами на тулове [2, № 170; 3, с. 114, илл. 124]. Обычно маленьким сосудам, особенно кувшинчикам с шаровидным туловом и боковым носиком (поильникам), придают культовое значение [1, с. 45]. Однако известно, что в горных районах Таджикистана маленькие кувшинчики до сих пор используются для подкармливания грудных детей [9, с. 72].

Лощение наносилось с помощью заостренного предмета на тонкостенные сосуды открытой или закрытой формы, покрытые ангобом. Техника лощения представляет одну из своеобразных особенностей кушанского времени [1, с. 41]. «Сам прием украшения поверхности сосудов лощением является характерным для Северной Бактрии» [17, с. 252]. Городище Кампыртепа дает обильный материал этого типа. Он включает небольшие сосуды, употреблявшиеся для еды или питья, и небольшие кувшинчики, на функциональном назначении которых мы остановимся ниже. Нам встретились полосчатый, струйчатый и сетчатый типы лощения.

Наиболее распространенным в кушанской Бактрии было вертикальное полосчатое лощение по красному или коричнево-красному ангобу [1, с. 41]. У сосудов закрытой формы оно наносилось как на тулово, так и на горловину. Интересен маленький кувшинчик с носиком и сферическим туловом, покрытым полосчатым вертикальным лощением (рис. 6, 11), причем лощение было нанесено на верхнюю половину тулова, покрытую коричневым ангобом вместе с носиком и ручкой. Кувшинчик с вытянутым туловом также был покрыт вертикальным полосчатым лощением (рис. 6, 12), как и кубок с зооморфным налестом (рис. 6, 7).

Полосчатое горизонтальное лощение было встречено на внешней поверхности сосуда, неравномерно покрытого наклонными мазками коричневого ангоба. Струйчатое лощение имеется на кубке грушевидной формы.

Сетчатое лощение появилось позднее, в Северной Бактрии оно известно со II в. На сосудах открытой формы, найденных на Кампыртепа (вероятнее всего, фиал или чаш), оно наносилось на внешнюю поверхность (рис. 6, 13). Сетчатое лощение украшает тулово небольшого кувшинчика с зооморфным носиком (рис. 6, 9).

Ангобирование наряду с прочерчиванием было одним из самых распространенных приемов украшения посуды в кушанской Бактрии [16, с. 133]. Ангоб встречался разных цветов: красный, желтый, белый, черный... Очень часто он покрывал весь сосуд. Однако частичное ангобирование, характерное для кушанского времени, также встречается нередко. Ангобом покрывались венчики сосудов закрытой (кувшинов, горшков) и открытой формы (тагара, тарелок). Эти полосы часто подчеркивали конструктивные части сосуда (венчик, горлышко, боковую стенку). Иногда ангобом покрывалась вся внутренняя поверхность и лишь частично наружная (у сосудов открытой формы), иногда - наоборот (у сосудов закрытой формы).

Неравномерное или полосчатое ангобирование выявлено на трех фрагментах тонкостенных сосудов, где использовался коричневый ангоб. Причем мазки ангоба имели разное направление: наклонное (с последующим лощением), вертикальное и горизонтальное.

На основе рассмотренного нами разнообразного декорированного керамического материала можно сделать вывод, что орнаментация керамических сосудов имела достаточно важное значение в кушанской Бактрии. На Кампыртепа представлены все ее виды, характерные для керамики этого времени. Мы также попытались показать, что декоративный аспект орнамента не доминировал над семантической нагрузкой. Будем надеяться, что дальнейшие исследования в этих направлениях пополнят наши знания об искусстве кушанской Бактрии.

Библиография:

1. Вязьмитина М.И. *Керамика Айртама времени кушанов* // ТАКЭ. 2. Ташкент, 1945.
2. *Древности Южного Узбекистана*. Токио, 1991.
3. *Культура и искусство древнего Узбекистана: Каталог выставки*. Кн 1. М., 1991.
4. Литвинский Б. А. *Таджикистан и Индия (примеры древних связей и контактов)* // *Индия в древности*. М., 1964.
5. Литвинский Б. А. *Кангюйско-сарматский фарн (к историко-культурным связям Южной России и Средней Азии)*. Душанбе, 1968.
6. Некрасова Е. Г. *К вопросу об унификации терминологии древней керамики Северной Бактрии* // *Древняя Бактрия: Предварительные сообщения об археологических работах на юге Узбекистана*. Л., 1974.
7. Некрасова Е. Г. *Древняя керамика Шерабадского оазиса* // *Бактрийские древности*. Л., 1976.

8. Некрасова Е. Г., Пугаченкова Г. А. *Керамика Дальверзинтепе // Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.*
9. Пещерева Е. М. *Гончарное производство Средней Азии. М.; Л., 1959.*
10. Пидеев Ш. Р. *О генезисе штампованных орнаментов на керамике античной Бактрианы // ОНУ. Ташкент, 1975. 1.*
11. Пугаченкова Г. А. *Халчаян. Ташкент, 1966.*
12. Пугаченкова Г. А. *Искусство Бактрии эпохи Кушан. М., 1979.*
13. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. *Северная Бактрия - Тохаристан. Очерки истории и культуры. Древность и средневековье. Ташкент, 1990.*
14. Рыбаков Б. А. *Космогония и мифология земледельцев энеолита // СА. 1. 1965.*
15. Ставиский Б. Я. *Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.*
16. Сычева Н. С. *Керамика Кара-тепе // Кара-тепе. IV. М., 1975.*
17. Сычева Н. С. *Античные элементы в керамике Северной Бактрии - Тохаристана кушанского времени и проблема связей Кушанского царства с греко-римским миром // Античность и античные традиции в культуре и искусстве народов Советского Востока. М., 1978.*
18. Gardin J. C. *Ceramiques de Bactres // MDAFA. XV. Paris, 1957.*
19. Rtveldze E. V. *La ceramique dans les pratiques culturelles de la Bactriane kouchane // Dossiers d'archeologie, 211. 1976.*
20. Rtveldze E. V. *Kampir-tepe: Structures, Written Documents, and Coins // Bulletin of the Asia Institute. The Archaeology and Art of Cenral Asia. Studies from the Former Soviet Union. New Series. Vol. 8. 1994.*

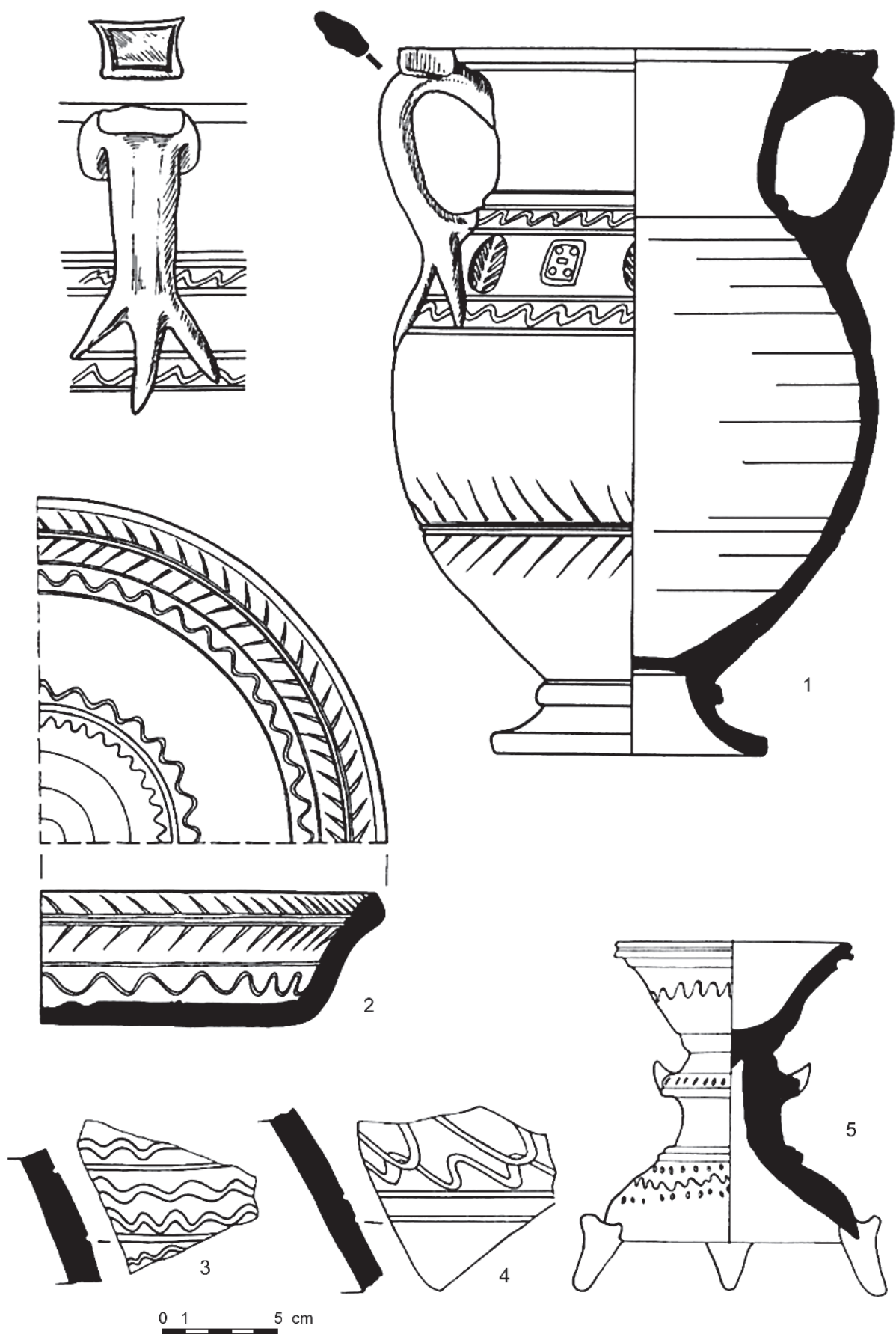
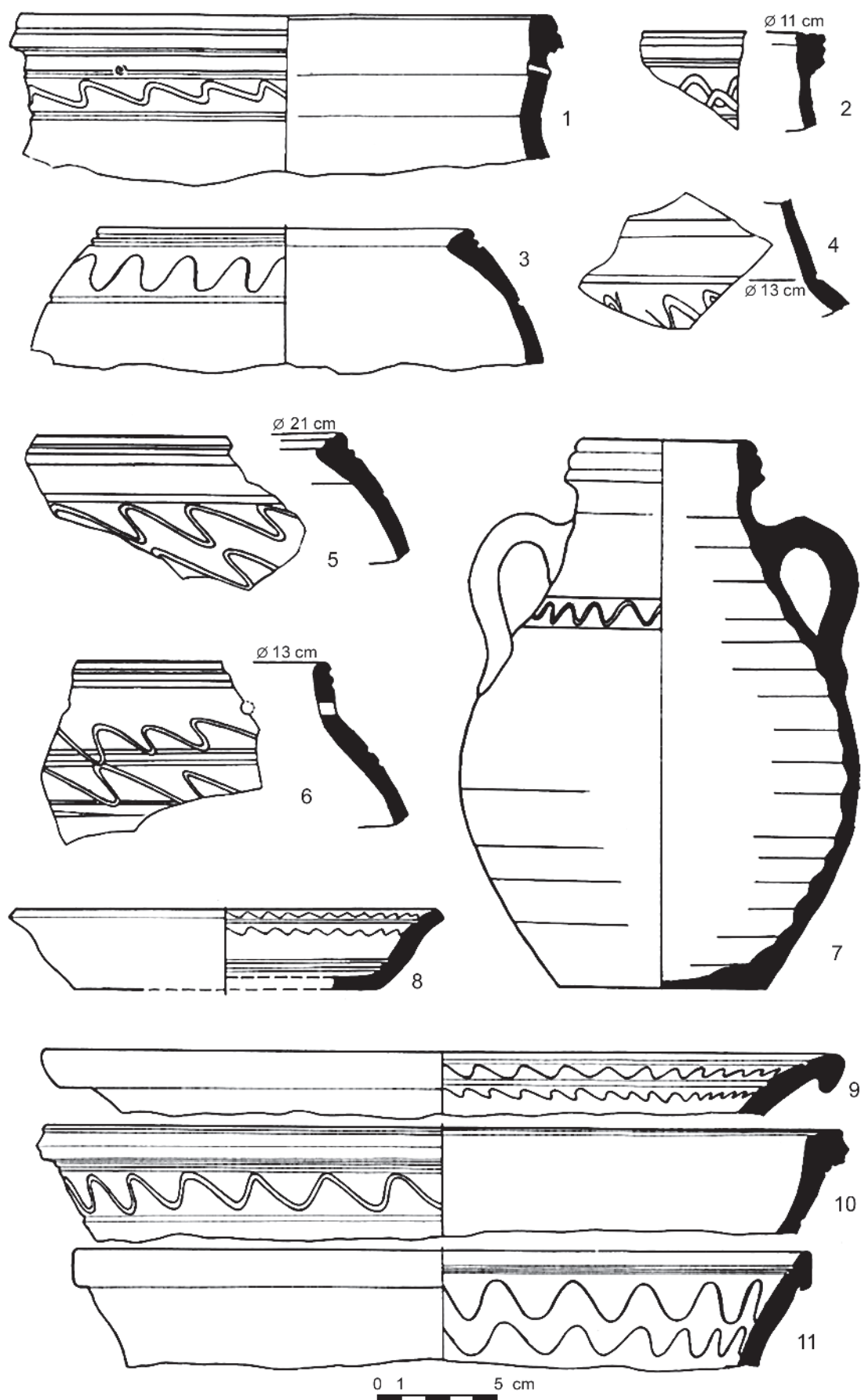

Рис. 1. Сероглиняные амфора и блюдо, курильница, фрагменты хумчей с прочерненным орнаментом.

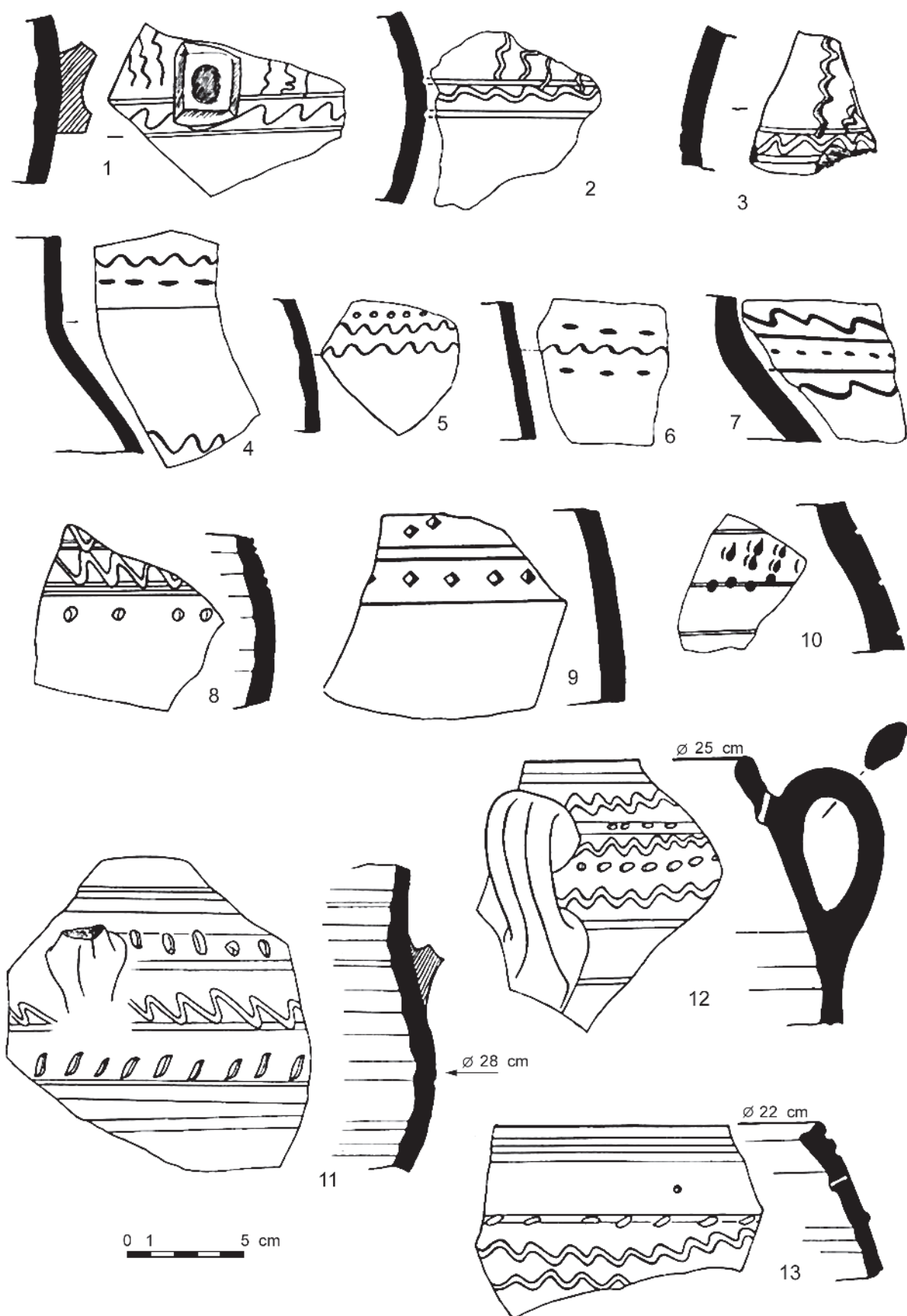

Рис. 3. Керамика с прочерченным волнистым орнаментом, а также точечным орнаментом и орнаментом в виде продолговатых насечек.

Рис. 4. Керамика с прочерченным орнаментом в виде деревьев, елочным и др. орнаментом, орнаментированные сосуды мелких размеров.

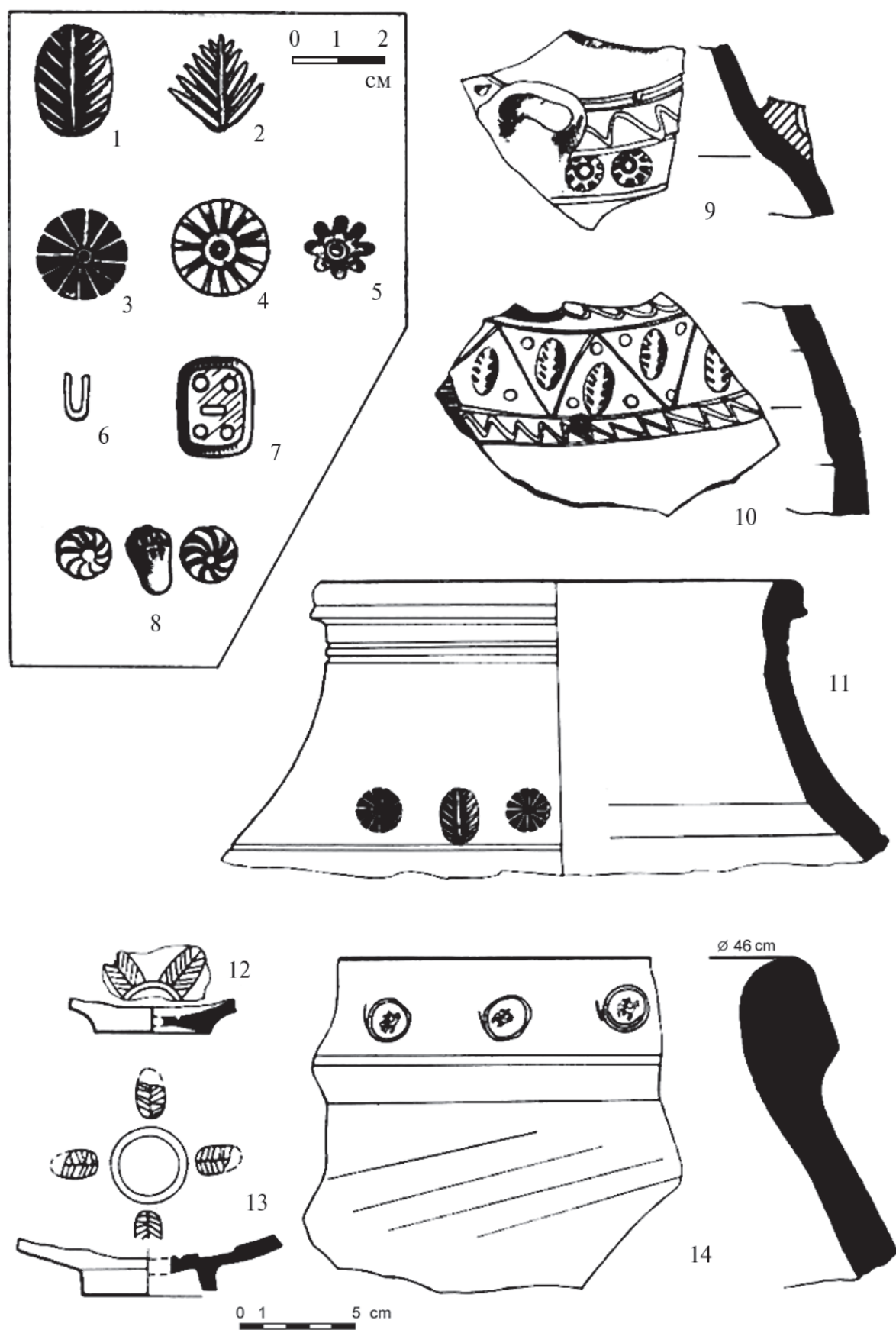
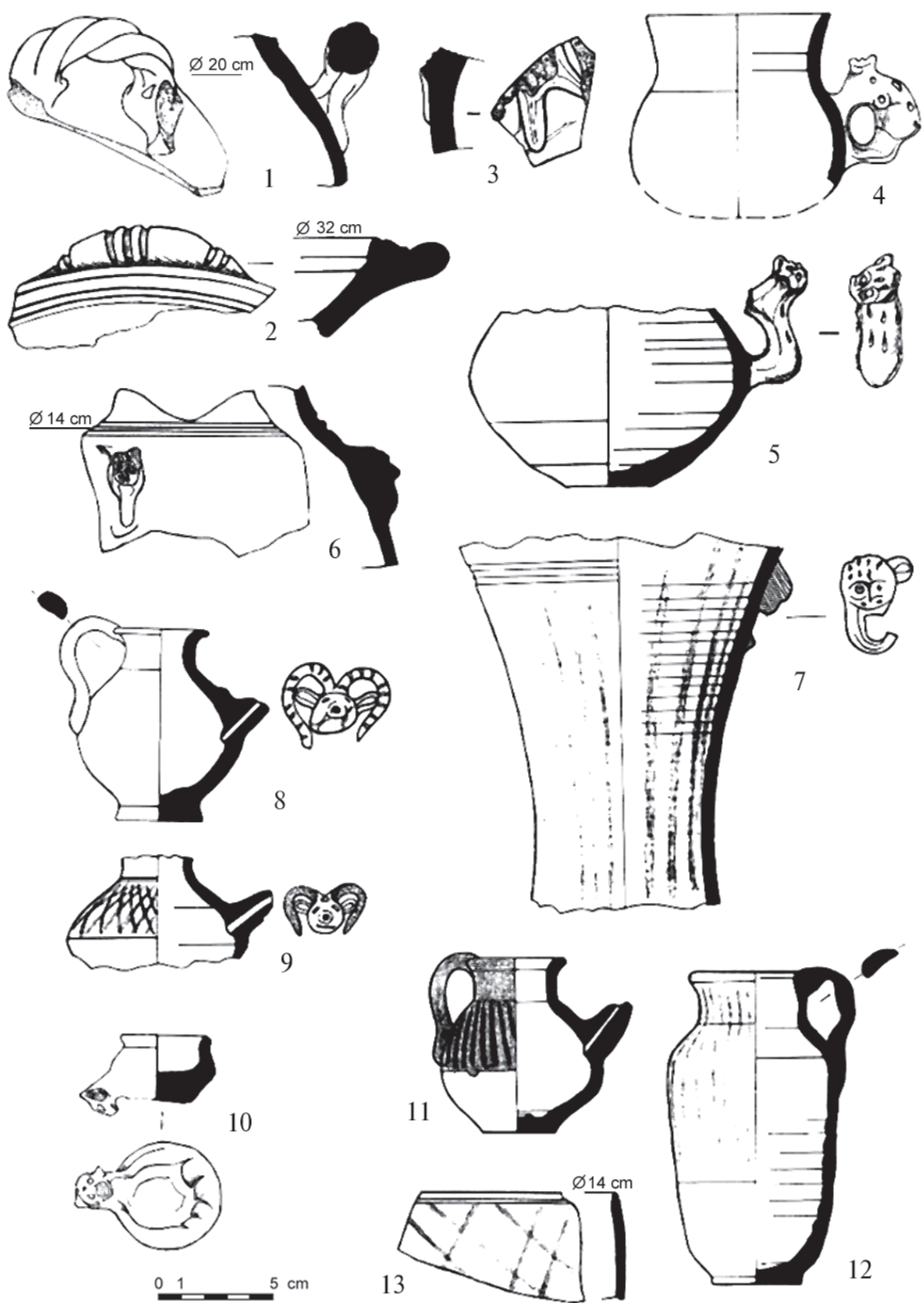

Рис. 5. Керамика со штампованным орнаментом.

Найденные на раскопках городища Кампыртепа бусы и подвески делятся на четыре группы: каменные, украшения из органического материала, из «египетского фаянса» и стеклянные.

I группа. Бусы и подвески из различных пород камня.

Ювелирное искусство Бактрии, куда входило и Кампыртепа, во многом составляло камнеобрабатывающее ремесло. В ее недрах добывались лазурит, бирюза, кварц, оникс, сердолик, горный хрусталь, пирит. Мастера этого региона владели огранкой, обточкой, сверлением, т. е. всем комплексом техники обработки камня, известным на то время.

Изобилие видов изделий диктовалось не только эстетическими и декоративными причинами и назначением, которые придавались бусинам. Каждой из них - по материалу, форме, орнаменту и цвету - приписывали магические свойства. Драгоценными и полудрагоценными каменными бусами украшали одежду, головные уборы, грудь. Считалось, что бусы оберегают от несчастий, исцеляют, влияют на судьбу человека.

При исследовании каменных бус Кампыртепа нами установлено, что основная их часть изготовлена в бактрийских ювелирных мастерских. Отдельную группу составляют каменные бусы, раковины, относящиеся к индийской, иранской, египетской ювелирным школам.

Бусы из сердолика. Сердолик считается недорогим самоцветом и является разновидностью халцедона. По старинным преданиям, амулет из сердолика оберегает от болезней и смерти. Бусы из сердолика в Древнем Египте символизировали богатство, славу; в Индии считали, что этот минерал развивает внутреннюю энергию, а на мусульманском Востоке думали, что сам пророк освятил сердолик и благославил людей носить его.

1 тип. Бусы дисковидной формы со скошенными гранями. Высота - 13 мм, диаметр - 16 мм, отверстие просверлено трубкой не менее 1 мм (рис. 1, 27). Бусы данного типа круглые, в продольном сечении - прямоугольные или трапециевидные; на боковой поверхности помещается отверстие канала. Г. Лемблейн считает, что они сверлились алмазом [10, с. 165]. Данный тип бус широко распространен по всему Закавказью. По материалу и технике изготовления идентичны сасанидским печатям с пехлевийскими надписями. Помимо Закавказья, эти бусы имели распространение в Северном Причерноморье и Средней Азии. По временным характеристикам они соответствуют парфянской и сасанидской эпохам и являются, видимо, продуктом иранского и индийского влияния.

2 тип. Бусы из сердолика с наведенным орнаментом. Отмечены два способа изготовления: а) белые линии на натуральном цвете камня - красном фоне; б) белые линии на черном фоне.

Округлые кампыртепинские бусы - черного цвета с белым орнаментом в форме пятиугольников (высота - 13 мм, диаметр - 9 мм; отверстие, сверленное с двух сторон - диаметром 2 мм) относятся именно к Индии. Бусы данного типа выявлены и на других городищах Бактрии, в частности, в Тепаи-Шах, а также в погребениях Туз-Гыр, в погребении на Жанадарье, в Приаралье (рис. 1, 30) [12, табл. XXXIII, 13; 21, с. 60-61; 22, с. 101-109, рис. 4; 26, рис. 10-12].

Неокрашенные бусы из сердолика с наведенным орнаментом в виде решетки из пятиугольников также относятся по классификации к Северной Индии. Из исследованных нами образцов в эту группу надо отнести бусы из Кампыртепа [25, pl, 11, 17; 26, pl, III-2, V-14, VI-10, VIII-10, IX-15, XII-1]. В Северной Бактрии бусы с таким орнаментом обнаружены в слоях кушанского времени

Бусина
«египетский фаянс».

не только на Кампыртепа, но и на Ялангтуштепа и беспаспортные находки (рис. 1, 30).

По результатам полуколичественного спектрально-эмиссионного анализа нам удалось установить набор химических элементов, входивших в состав исследуемых бус из сердолика: кремний, медь, свинец, цинк, марганец, никель [13]. По содержанию кремния среди сердоликовых бус выделены две группы: первая - с высоким содержанием кремния (более 20 %), вторая - с низким (15 % и ниже). Сердолик в бусах, составляющих вторую группу, отличается пониженным содержанием кремния, кальция и марганца и наличием в химическом составе никеля. Минерал данной группы прекрасного качества, почти без прожилок, прозрачный, яркого цвета. Бусы из него отличаются сложностью форм и высокой техникой обработки. К данному типу относятся вышеописанные кампыртепинские бусы. Не исключено, что эта группа изделий имеет отношение к ирано-индийским ювелирным мастерским.

Бусы и подвески из лазурита. Лазурит - минерал, алюмосиликат натрия и кальция. Название минерал получил, видимо, от арабского слова азул - «небо», «синевя». Как поделочный камень известен с IV тыс. до н. э. Наиболее богатые месторождения лазурита имеются в Бадахшане, Афганистане. Лазурит считался одним из высокоценных самоцветов. «...В раскопках ранних цивилизаций лазуритовые бусы с сердоликом были очень частыми женскими украшениями царственных особ и знати...». Жрецы древней Индии и Вавилона высекали на изделиях из лазурита магические формулы заклинаний. В Индии широко использовали бусы и броши из лазурита для украшения священного быка Нанду [16, с. 189].

Среди находок из Северной Бактрии, по материалам УзИскЭ, выделены три типа лазуритовых бус. Кампыртепинская бусина относится к одному из них.

1 тип. Бусина из лазурита сегментовидной формы, сине-фиолетовая. Высота - 5 мм, диаметр - 7 мм (рис. 1, 34). Сверление одностороннее, диаметр отверстия - 1 мм. Другие два типа - северобактрийские - имеют форму округлую и трапециевидную. Лазуритовые бусы известны из раскопок древнеземледельческих поселений Южного Туркменистана, Ирана, долины Инда, Белуджистана, Афганистана, Египта [4, с. 74, 76; 5, рис. 4; 8, с. 63, рис. 1; 11, с. 71; 14, с. 70; 17, с. 113; 18, с. 3].

Поскольку большое количество лазуритовых изделий обнаружено при археологических раскопках на территории Средней Азии, мы связываем их с местным производством, так как крупные разработки лазурита имелись в Бадахшане.

Бусы из бирюзы. Название этого минерала происходит от персидского «фируз», «пируз». По химическому составу это водный фосфат меди и алюминия. Наибольшим спросом пользовались камни чистого, плотного синего цвета, но они встречаются реже, чем камни с зеленоватым оттенком (как бирюза). К отрицательным свойствам бирюзы следует отнести легкое поглощение жиров и масел, вредящих чистоте и глубине тона. Достоинством синих камней является их способность довольно гармонично сочетаться с золотом.

1 тип. Бусина из бирюзы с городища Кампыртепа. По форме усеченно-бочковидная, светлая, чистая, голубовато-зеленого цвета. Высота - 7 мм, больший диаметр - 6,5 мм, меньший - 4 мм, отверстие, сверленное с одной стороны, диаметром 1 мм (рис. 1, 32). Изученная бусина не очень высокого качества. Трудно что-либо сказать о характере ее происхождения, возможно, она местного производства. Отметим, что бирюза в Средней Азии довольно широко распространена с поры неолита. В Северной Бактрии бусы из бирюзы встречаются уже в эпоху бронзы в Сапаллитепа [4, с. 12, рис. 4, табл. 30; 15, с. 52, 124; 19, с. 43, 83].

Халцедоновый кварц. Кварц наиболее распространен среди всех мине-

ралов. Различные разновидности его с древнейших времен использовались в ювелирном деле. В мире нет другой породы, имеющей такую полную, разнообразную и непередаваемую палитру оттенков цветов. Отдельные разновидности кварца были известны еще древним римлянам и грекам, которые считали его замерзшим льдом. Кварц и его разновидности: кремнь, яшма, кварцит - издавна применялись для изготовления всевозможных орудий труда и охоты. Минералы группы кварца и кварцсодержащих пород древние египтяне наделяли рядом мистических свойств. Так, яшме приписывали свойства предохранять от злого рока и приносить счастье. Чаще всего из кварца изготавливали инталии, камеи и бусы. Халцедон применяли для украшения предметов религиозного культа.

1 тип. Бусина из халцедона округлой формы, коричневая, непрозрачная, диаметром 13 мм, отверстие канала недосверленное, диаметром 2 мм. Окраска минерала обусловлена присутствием соединений железа, что явствует из результатов спектрально-эмиссионного анализа: содержание железа - 20% (рис. 1, 28).

2 тип. Бусина из халцедона дисковидной формы, серого цвета, из очень плотной породы камня, имеет форму таблетки. Высота - 9 мм, диаметр - 16,5 и 10 мм, около отверстия видны сколы, которые образовались при сверлении канала. Само отверстие узкое, диаметром 1 мм (рис. 1, 29).

Халцедоновые бусы разных форм, хотя и более редки, чем сердоликовые, все же известны по всей Средней Азии, в кушанских слоях Хорезма, в Старом Мерве, раннесредневековом Хорезме [8, с. 64-66, рис. 1; 17, с. 109, 116, табл. II-8, V-10; 23, с. 128; 24, с. 88, илл. 1, 2, 12]. Предполагаем, что это бусы местного производства.

Бусы из кальцита. Кальцит - широко распространенный минерал. Название происходит от латинского слова *Calsem* (известь). Характерная особенность его - полосатая, декоративная окраска, в силу чего его часто применяли в ювелирных украшениях, особенно в изготовлении бус. Чисто белые кальцитовые бусы отождествлялись с женской красотой, нежностью. Считалось, что кальцит способствует сращиванию костей, лечит печень, расстройство желудка, оказывает и общеукрепляющее действие.

1 тип. Бусина из кальцита сегментовидной формы, белого цвета; высота - 10 мм, ширина - 19,5 мм; без отверстия. Спектральный анализ показал, что данный минерал содержит большой процент кальция (10 %) и отдельные примеси - кремний (1 %), алюминий (0,4 %). Думаем, что данная заготовка для бусины или подвески - местного производства и относится к раковинному мрамору, состоящему в основном из раковин (рис. 1, 31).

II группа. Украшения из органических материалов.

Бусы из коралла. Известно более 2500 разновидностей кораллов. После удаления верхнего слоя и полировки коралл становится блестящим. В таком виде он применяется в ювелирных изделиях. Для украшений использовали в основном благородный коралл розово-красного цвета или красный. Из кораллов чаще всего изготавливали бусы круглой или цилиндрической формы, которые нанизывались в ожерелья и четки. Полагали, что коралловые бусы защищают от бед, паралича, омолаживают владельца и снимают воспаления. Четки широко использовали гадалки и предсказатели.

Анализируемые кораллы представлены в форме естественных веточек.

1тип. Бусы из кораллов, небольшие (от 5 до 12 мм) относятся к фигурным формам. Сверление как двухстороннее, так и одностороннее, очень тонким сверлом. Бусы такого типа обнаружены на городищах Северной Бактрии: Кампыртепа, Ялангтуштепа, Дальварзинтепа. Цвет бус светло-оранжевый, светло-розовый, красно-оранжевый. По результатам спектрально-эмиссионного анализа, в состав коралловой бусины входит значительное количество соединений кальция (10 %).

Находки коралловых бус известны и в других археологических памятниках Северной Бактрии. Они найдены в наусах первого и второго некрополя городища Тепаи-шах, относящихся к первым векам н. э., а также в могильниках Тупхона и в других пунктах Средней Азии: в Куве, Мерве, в некрополе Байрамали [7, с. 129; 8, с. 57; 12, с. 157; 24, с. 93 и д.р.]. Считаем, что бусы данной группы привезены из Индии (рис. 1, 24).

Костяные бусы. Бусы и подвески из костей разных пород животных - пожалуй, самая разнообразная группа изделий, бытовавших на территории Северной Бактрии (рис. 1, 19-23, 26). В эту группу входят бусы, амулеты и подвески, изготовленные из кости, перламутра и раковин; в частности, раковины-каури, служившие в качестве оберегов. Разнообразие форм, отмеченное в данной группе, объясняется легкостью обработки украшений из указанных материалов. При изготовлении бус из мелких трубчатых костей их сначала надпиливали по кругу, затем обламывали, а следы облома обтачивали на абразиве. В других случаях отверстия приходилось проделывать с помощью металлических сверл, как при обработке каменных бус. Для сверления применяли металлические сверла с наклеенным на конце острием - перки в виде треугольника.

Рассмотрим основные типы украшений из кости.

1 тип. Округлая форма бус с раскопок городища Кампыртепа и могильника Биттепа. Размеры: высота - от 4 до 7 мм, диаметр - от 5 до 7 мм, отверстие узкое, сверленное с одной стороны, диаметр - 1 мм. Цвет оливковый (рис. 1, 20).

2 тип. Яйцевидная бусина с валиками - один экземпляр с Кампыртепа. Высота - 10 мм, диаметр - 5 мм, отверстие - 1 мм, светло-оливкового цвета (рис. 1, 22).

3 тип. Кампыртепинские фигурные подвески в форме уплощенного диска высотой 10 мм, диаметром 13 мм; отверстие, сверленное с одной стороны, диаметром 1 мм. Цвет оливковый (рис. 1, 26). Фигурные подвески сделаны в виде звездочек с шестью гранями. Размер 10x8 мм. Отверстие, сверленное с двух сторон, диаметром 1 мм. Такие подвески назывались разъединителями (рис. 1, 19).

4 тип. Раковины-каури с прорезанными отверстиями на спинке для подвешивания также обнаружены на городище Кампыртепа. Считаем, что все типы раковин привозные, так как целые раковины и створки принадлежат морским моллюскам, обитающим в бассейне Индийского океана и Средиземного моря (рис. 1, 25, 33).

III группа. Украшения из «египетского фаянса».

Бусы и подвески из фаянса. Фаянсовые изделия получили большое распространение в античное время. Ассортимент ювелирных украшений самый разнообразный: округлые и граненые бусы, амулеты и подвески в виде виноградной грозди, амфорок, кулачков, фаллоса, ступней ног, скарабеев, лягушек, богов и т. д. Излюбленные украшения из «египетского фаянса» повторяли в других материалах: лазурите, горном хрустале, гематите, а также в стекле, коралле, бронзе, золоте. Их считали амулетами от сглаза, приписывали им магические свойства.

Состав «египетского фаянса» Северной Бактрии был определен в результате лабораторных исследований. Полуколичественный спектрально-эмиссионный анализ дал относительное содержание основных и примесных компонентов. С помощью более точного химического анализа этой же группы украшений удалось установить, что пять основных окислов образуют основную массу вещества: кремнезем, окись кальция, магния, натрия, калия - в сумме они составляют 93,79 - 97,15 %. Остальные занимают подчиненное положение и принадлежат к группе второстепенных компонентов, играющих роль примесей: алюминий (0,8 %), железо (0,3 %) и т. д. Присутствие бария и

стронция считается локальным признаком среднеазиатских стекол, «фаянса», что вполне согласуется с данными о составе местных почв.

«Египетский фаянс» Северной Бактрии по результатам химического анализа в основном относится к самому древнему стеклу - натриевому, получавшемуся в результате варки стекломассы на натуральной соде. Этот тип принадлежит к египетской школе стеклоделия. Второй тип - натриево-калиевый - получали с использованием золы пустынных растений. В качестве красителя для северобактрийского «фаянса» применяли соединения меди и кобальта, что подтверждается результатами спектрально-эмиссионного анализа. Например, в «фаянсе» с раскопок Кампыртепа обнаружено меди 1 %.

1 тип. Подвеска бирюзового цвета, в виде виноградной грозди представляет собой амулет с петелькой, оттиснутый в форме с рельефными шариками в виде виноградин (рис. 1, 16). Ранее такие же подвески обнаружены в Египте эпохи XVIII династии. В Бактрии такого рода подвески найдены в Тепаи-Шах. Отдаленные аналогии происходят из Северного Причерноморья [3, с.45, 46; 12, с. 139].

2 тип. Фаллическая подвеска серо-голубого цвета (рис. 1, 18). Две фаллические подвески найдены в могильнике Тупхона и в наусе 2 некрополя Тепаи-Шах. Подобные подвески обнаружены в Северном Причерноморье [3, с. 48; 12, с. 61 по гр 262, с. 109]. Подвески из Кампыртепа имеют высоту 20 мм, такую же, как и виноградная гроздь. Состав подвесок - более мелкие дробленые зерна кварца, смешанного с глазурью, который давал крепкую цементную массу, - отличается от состава бус, изготовленных из «фаянса» с рыхлой структурой.

3 тип. Округлые бусы, граненые и дольчатые (рис. 1, 35). Ареал их распространения обширен.

Итак, в результате изучения «египетского фаянса» с Кампыртепа были, как уже сказано, выявлены два его химических типа - содовые и золистые. Содовые традиционно относятся к египетской школе, а натриево-калиевые - к традициям месопотамского стеклоделия. Присутствие в фаянсах Северной Бактрии характерных микропримесей стронция и бария позволяет предположить, что они имеют местное происхождение.

IV группа. Ювелирные украшения из стекла.

Бусы из стекла. Происхождение стекла относят примерно за четыре - пять тысяч лет до нашей эры и не как самостоятельного изделия, а как глазури на керамике. Стекло, в отличие от всех известных материалов для изготовления ювелирных украшений, самое дешевое, доступное. Декоративные свойства стекла неограниченны - от прозрачных до заглушенных тонов. По сравнению с бусами из минералов, стеклянные бусы отличаются богатством используемых технологических приемов в их изготовлении и разнообразием форм. Из стекла гравировали камеи, изготавливали броши, пуговицы, заколки для волос, искусно имитировали каменные бусы.

«...Искусство изготовления всякого рода изящных безделушек из стекла в Риме было доведено до большого совершенства. Подтверждением этого может служить следующий рассказ историка IV в. Лампридия: «Император Гелиогобал, желавший посмеяться над своими паразитами (людьми, находившимися на его содержании. - Н.К.), пригласил их однажды к столу, уставленному самыми изысканными и прекрасными на вид кушаньями и фруктами. Это были предметы из стекла, совершенные по сходству с настоящими. В довершение шутки Гелиогобал, не выходя из-за стола, предложил гостям умыть руки». Конечно, подобную издевательскую комедию можно было разыграть лишь в том случае, если имитация была сделана с большим искусством...» [9, с. 86-88].

В ювелирных мастерских Северной Бактрии работали ремесленники, специализировавшиеся на изготовлении стеклянных бус. Находки свидетель-

ствуют об очень тонкой и высокохудожественной обработке их с применением золота. Так, в Кампыртепа найдены позолоченные бусы, в которых золото находится между двумя слоями стекла или снаружи. Операции по технологиям велись в бактрийских стеклодувных мастерских дифференцированно, что позволяло наладить серийный выпуск бусин. Одной из распространенных была техника «тянутой трубки» (рис. 1, 11-13). Широко использовали навивку стеклянной нити на основу, в результате чего бусина приобретала сложную рельефную поверхность (рис. 1, 1-8). Помимо этого, применяли сгибание (рис. 1, 9-10), тянутую палочку (рис. 1, 14-15, 17), прессование в форме (рис. 1, 16, 18).

Переходя к бусам из стекла, изученным автором, отметим, что экспериментальному исследованию были подвергнуты стеклянные изделия из античных и раннесредневековых археологических объектов Северной Бактрии (по материалам УзИскЭ): Кампыртепа, Дальварзинтепа, Ялангуштепа, Биттепа, Будрач. На основании химического анализа изученных образцов можно выделить три химических типа.

1 тип. Натриево-кальциевый. Данный тип в античности и раннем средневековье имел место в Сирии и Египте. А. Абдуразаков также предполагает, что родина этого стекла - Египет, где щелочью служила природная сода (о чем упоминалось в группе «египетский фаянс»), затем оно распространяется в Индии и Древнем Риме. Такие стекла есть и в Средней Азии, причем они имеют повышенное содержание алюминия [20, с. 7]. К этому типу стекол относятся золоченые бусы из Кампыртепа, изготовленные из тянутой трубки, а также из Дальварзинтепа и Ялангуштепа. Размеры их - от 5 до 10 мм. Интересна техника изготовления золоченых бус. Ленточка стекла нарезалась на разные по размеру заготовки золотой пластины, которую наносили в горячем состоянии на размягченную стеклянную массу. Нагретая почти до размягчения заготовка бусины покрывалась золотой пластиной, припавленной к стеклянной ленточке, также нагретой до размягчения. Затем обе соединенные вместе части бусины вновь опускали в огонь для полного плавления [6, с. 117]. Позолоченные бусы имели большое распространение в Средней Азии [2, с. 81, 89, 127; 17, с. 107].

2 тип. Калиевые стекла. Принято считать, что чисто калиевые стекла сварены на золе пустынных растений, а не на древесной золе. Стеклянные украшения этого химического типа в Северной Бактрии представлены цилиндрическими бусинами из Дальварзинтепа и Кампыртепа. Размеры: высота - 12 мм, диаметр - 5 мм, отверстие - 2 мм. Они изготовлены из синего стекла в технике тянутой трубки. Химический состав и микропримеси позволяют нам предположительно отнести их к бактрийской школе стеклоделия. Область распространения таких бус широка.

3 тип. Магниево-золотистое стекло появилось на территории Средней Азии в античное время. А. Абдуразаков и М. Безбородов считают, что для среднеазиатских стекол характерно повышенное содержание окиси магния и глинозема. По составу последних двух они близки к индийским, а по окиси магния - к ассирийско-вавилонским [1, с. 124]. Бусина с Кампыртепа такого химического типа округлая, небольшая, фиолетовая, изготовлена навивкой. Диаметр бусины - 5 мм, отверстие - 1 мм.

Итак, бусы и подвески с раскопок городища Кампыртепа находят многочисленные аналоги в украшениях Северной Бактрии, Причерноморья, Египта, Сирии, Месопотамии, Индии, а также свидетельствуют о существовании бактрийской ювелирной школы. Основанием для такого вывода послужили результаты исследований химических составов и особенностей изготовления изделий. Важно отметить также высокий уровень развития бактрийских ювелирных мастерских, в частности Кампыртепа, о чем свидетельствует разнообразие материалов и технических приемов местных ювелиров.

Библиография:

1. Абдуразаков А. А., Безбородов М. А. Средневековые стекла Средней Азии. Ташкент, 1966.
2. Абдуразаков А. А., Безбородов М. А., Заднепровский Ю. А. Стеклоделие Средней Азии в древности и средневековье. М., 1963.
3. Алексеева Е. М. Античные бусы Северного Причерноморья. Т. I. М., 1975.
4. Аскарлов А.А. Сапаллитепе. Ташкент, 1963.
5. Аскарлов А. А., Абдуллаев Б.И. Джаркутан (к проблеме протогородской цивилизации на юге Узбекистана). Ташкент, 1983.
6. Безбородов М. А. Стеклоделие в древней Руси, Минск, 1956.
7. Гудкова А. В. К изучению раннекердерских бус (VII-VIII) // Вопросы антропологии и культуры Кердера. Ташкент, 1973.
8. Дресвянская Г. Я. Каменные бусы с городищ старого Мерва // ТТГУ, 1966. Вып. 295.
9. Качалов Н. К. Стекло. М, 1959.
10. Леммлейн Г.Г. Опыт классификации форм каменных бус // КСИ-ИМК.М.;Л., 1950. 32.
11. Литвинский Б.А. Древние кочевники Крыши мира. М., 1972.
12. Литвинский Б.А., Седов А.В. Тепаишах: Культура и связи кушанской Бактрии. М., 1983.
13. Лунева В. Ювелирное искусство Северной Бактрии - Тохаристана (техничко-технологический аспект исследования): канд. дис. иск. Ташкент, 1993.
14. Мандельштам А.М. Могильник Аруктау в Бишкентской долине // КСИИМК.М., 1956. Вып. 76.
15. Мандельштам А. М. Памятники кочевников кушанского времени в Северной Бактрии. Л., 1978.
16. Николаев С.М. Камни. Новосибирск, 1995.
17. Пташникова И. В. Бусы древнего и раннесредневекового Хорезма // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
18. Сарияниди В.И. О великом лазуритовом пути на древнем Востоке // КСИА. М., 1968. Вып. 114.
19. Сарияниди В. И. Раскопки монументальных зданий на Дашлы - 3 // Древняя Бактрия. Материалы СААЭ. М., 1984. Вып. 3.
20. Сингх Р. Н., Абдуразаков А. А. Исследование химического состава древнеиндийских стекол из Хайрадиша // ОНУ, 1988, № 8.
21. Толстов С.П., Воробьева М.Г., Рапопорт Ю.А. Работы хорезмской археолого-этнографической экспедиции в 1957 г. // МХЭ.М., 1960. Вып. 4.
22. Трудновская С. А. Ранние погребения юго-западной курганной группы могильника Тузгыр // Кочевники на границах Хорезма. М., 1979.
23. Трудновская С. А. Украшения позднеантичного Хорезма по материалам раскопок Топрак-кала // ТХАЭЭ. Т. I. М., 1952.
24. Усманова З., Ахбаров И. Бусы из Кувы // Тр. ТашГУ. Вып. 200. Ташкент, 1963.
25. Beck H. G. The beads from Taxila (Memoirs of the Archaeological Survey of India). 65. Delhi, 1941. Pl. 11, 17.
26. Dikshit MG. Etched beads in India // Deccan College Monograph series. 4. Poona, 1949.

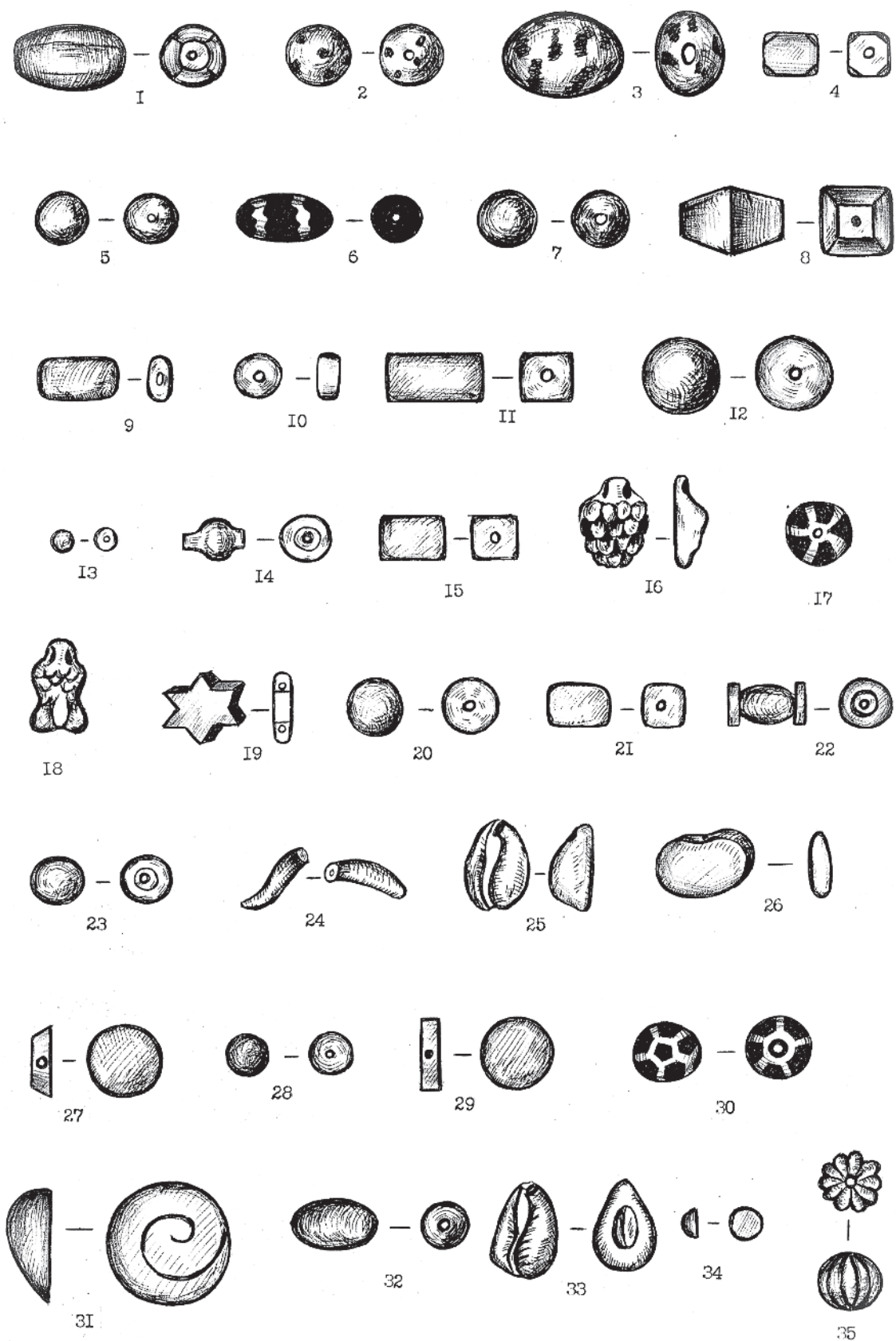

Рис. 1. Стекланные бусы: 1-8 - навивка; 9-10 - сгибание; тянутая трубка; 14, 15, 17 - тянутая палочка; 16, 18 - прессование в форме; 19-23, 26 - бусы и подвески из кости и перламутра; 25, 33 - раковины-каури; 24 - кораллы; 27 -сердолик; 28-29 - халцедоновый кварц; 30 - сердолик с наведенным орнаментом; 31 - кальцит; 32 - бирюза; 34 - лазурит; 16, 18 - подвеска, «египетский фаянс»; 35 - бусина «египетский фаянс».

УНИКАЛЬНЫЙ ГРЕБЕНЬ ИЗ КАМПЫРТЕПА

В. Никоноров

В 1988-1991 гг. Бактрийская экспедиция Ленинградского отделения Института археологии (ныне Институт истории материальной культуры РАН) под общим руководством В. Массона работала двумя группами на древних памятниках, расположенных в Музрабадском районе Сурхандарьинской области. Раскопки на первом объекте - городище Кампыртепа - возглавлял автор этих строк; объектом исследования другой группы, проводившей исследования в 1988 - 1990 гг. и руководимой Д. Абдуллаевым, был раннесредневековый некрополь соседнего с Кампыртепа поселения Шуробкурбан. Работы велись в тесной координации с отрядом Узбекстанской искусствоведческой экспедиции НИИ искусствознания во главе с Э. Ртвеладзе.

Работы отряда Бактрийской экспедиции были сконцентрированы на северо-западе «шахристана» Кампыртепа - там, где жилая застройка прилегает к участку внешней стены между башнями 8 и 10 (рис. 1). Изучение этого объекта (раскоп 8), характеризующегося лучшей, по сравнению с остальными участками поселения, сохранностью остатков архитектурных сооружений и культурного слоя, было начато еще С. Савчуком (Курбановым), который оконтурил и расчистил внешний фас стены и башен, а также раскопал два погребения, датированных монетами Хувишки, в башенных камерах, причем они были устроены там, по всей видимости, уже после запустения крепости [19, с. 66; 40, р. 147].

В результате раскопок удалось вскрыть значительный по размерам участок, включающий в себя как блок жилых помещений, так и элементы фортификации - отрезок крепостной стены с тремя башнями и внутрстенную галерею, причем в разных местах объекта было выявлено до пяти периодов возведения сооружений из сырцовых кирпичей (рис. 1). С точки зрения выяснения хронологии жилой части и связанных с ней внешних укреплений исключительно важны медные монеты, найденные там С. Савчуком и нами, и прежде всего в культурном слое. В подавляющем большинстве они принадлежат чеканам кушанских государей Сотера Мегаса (он же Вима I Так[то], 80 - 90 или 80 - 110 гг. н. э.), Вимы II Кадфиза (90 - 100 или 110 - 120), Канишки I (100 - 126 или 120 - 146) и Хувишки (126 - 164 или 146 - 184)¹.

Таким образом, время функционирования внешней оборонительной стены и прилегающей к ней застройки, в том числе и нашего объекта, вполне резонно укладывается в пределы второй половины I - середины II в. н. э. [40, р. 147]. Этой датировке не должен противоречить и факт обнаружения нами в пом. 4 медной монеты, представляющей собой местное подражание тетрадрахме греко-бактрийского царя Гелиокла: данный халк, носящий на оборотной стороне изображение стоящего Зевса и монограмму в виде треножника, являет собой типологически поздний тип таких подражаний, который мог иметь, как показывают материалы раскопок с другого памятника кушанского периода в Термезском районе - Мирзакултепа, синхронное обращение вместе с монетами Сотера Мегаса [13, с. 32-33, 36-37].

В ходе работ на раскопе 8 были получены важные материалы, проливающие свет на многие стороны жизни местного населения в начале I тыс. н. э., в том числе произведения искусства. Одно из них, чрезвычайно важное с точки зрения характеристики изобразительного искусства Бактрии в античную эпоху, происходит из пом. 3, прилегающего к внутрстенной галерее между башнями 9 и 10, ближе к первой (рис. 1). Это гребень из слоновой кости, декорированный по обеим сторонам рисунками (рис. 2; его воспроизведение с краткой аннотацией см.: 4, с. 285-286, кат. № 158). Он был найден в 1989 г. лежащим на

полу самого раннего периода (I) существования этого помещения, пожалуй, самого интересного из всех трех выявленных периодов его обживания, когда оно представляло собой комнату с побеленными стенами и полом и пристроенным к ее западной стене алтарем каминного типа, также покрытым побелкой. По своей конструкции последний очень похож на алтарь-камин, открытый на Каратепа в Старом Термезе [23, с. 196-197, рис. 28]. На площадке основания алтаря лежал перевернутый вверх дном фиал. Поскольку в заполнении присутствовало лишь очень незначительное количество золы, то продукты сгорания, по всей видимости, намеренно собирались с поверхности этого сооружения и переносились в специальную ямку овальной формы, впущенную в пол I у северной стены и обмазанную изнутри глиной, которая как раз оказалась заполненной чистой золой и пеплом.

Надо полагать, что пом. 3 периода I использовалось для ритуальных целей, на что указывают не только белая окраска его пола и стен, наличие алтаря и связанной с ним лунки в полу, но и факт обнаружения там же плитки-образка с рельефным изображением мужчины в доспехах, стоящего на невысоком постаменте, - скорее всего, уменьшенной копии статуи обожествленного родоначальника династии Великих Кушан, культ которого мог почитаться, по крайней мере, в бактрийской части их империи [36, р. 50, 52, fig. 4, pl. XIV, с]. В соответствии с общей стратиграфией объекта, время возведения и функционирования пом. 3 периода I должно быть отнесено к правлению Сотера Мега-са или, по крайней мере, Вимы II, т. е. ко второй половине I в. н. э.

Но вернемся к самому гребню. Он имеет трапециевидную форму и следующие размеры: длина верхнего и нижнего оснований - соответственно 58 и 66 мм, высота - 53 мм (включая длину сохранившихся зубьев - 16 мм), толщина - 3 мм, причем зубья утоньшаются книзу до 0,5 мм. По контуру гребня, с небольшим отступлением от края процарапаны линии, создающие своего рода обрамление изображениям, нанесенным черной тушью. На одной из сторон мы видим погрудный портрет молодой женщины с головой, повернутой вполборота вправо

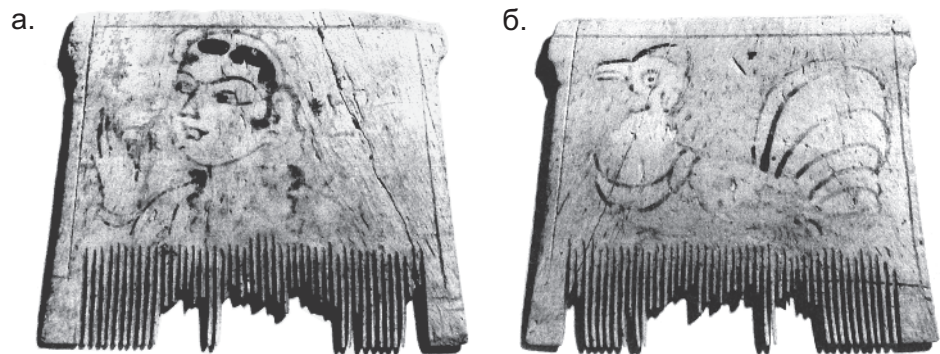

Рис. 2.
Костяной гребень
из пом. 3
(а., б. - виды
с обеих сторон).

и увенчанной головным убором типа покрывала, из-под которого выглядывают черные волосы, причесанные так, что у виска они образуют длинный завиток, а на плечи ниспадают локонами. Лицо округлое; большие глаза с черными зрачками имеют миндалевидные очертания; черные брови изогнуты полумесяцем и сходятся на переносице; нос прямой; чувственный рот полуоткрыт. Она одета в легкое платье с вырезом (?) на груди. На запястье поднятой правой руки, держащей округлый предмет (плод гранатового дерева (?)), видны две параллельные линии, передающие браслет или манжет платья. Изображение выполнено в реалистичной манере и является, скорее всего, индивидуальным женским портретом, а не обобщенным образом, независимо от того, кто здесь подразумевается - божество либо, например, его почитательница (рис. 2а).

Рисунок на другой стороне гребня выглядит несколько стилизованным и показывает стоящего в профиль направо петуха с длинным, немного изогнутым клювом и поднятым распущенным хвостом из шести перьев (рис. 26).

Гребень из Кампыртепа уникален в своем роде. Дело в том, что все известные до его обнаружения декорированные костяные гребни, которые происходят с памятников кушанской эпохи как самой Бактрии (Тилля-тепе, погребение 3 - см.: 41, р. 33-34, 200, 243, ил. 142, cat. № 3/56; Дальварзинтепа - 18, с. 136-137, 220, рис. 97а, 154; 16, р. 87-90, cat. № 65-67), так и областей к югу от Гиндукуша (Беграм - 24, S. 49, Abb. 37; Таксила - 32, р. 79-80, pl. XX; 35, р. 655-656, pl. 199, no. 21), украшены гравированными, а не рисованными изображениями. К тому же, если судить по особенностям их иконографии, все они являются изделиями индийских мастеров. Здесь же важно отметить, что декор нашего гребня явно местного происхождения. Присутствующий на нем женский персонаж несомненно принадлежит к местному бактрийскому этническому типу, о чем определенно свидетельствуют другие произведения кушано-бактрийского искусства, изображающие женщин, такие, как знаменитый скульптурный фриз из Айртама [14, ил. 144; 16, ил. 153], фрагменты скульптуры из Дальварзинтепа [4, с. 274-275, cat. № 115; 15, с. 114-115, рис. 30; 16, ил. 123] и терракот из Бараттепа [4, с. 257, cat. № 25; 15, с. 114, рис. 29; 16, ил. 184] и Кампыртепа [4, с. 291, cat. № 182; 21, с. 39-40, рис. 1в], а также поздне- или посткушанские настенные росписи из Дильберджина [7, с. 97-100, рис. 56, 57, 59; 16, с. 127-128, рис. 9-10]. Все эти изображения отличают особые черты внешнего облика, своего рода местный идеал женской красоты: округлое («луноликое») лицо; большие миндалевидные глаза; изогнутые брови; более или менее прямой нос; сочные губы; прическа из длинных пышных волнистых волос, ниспадающих на плечи и в большинстве случаев образующих крупные спиралевидные завитки на щеках.

Неудивительно и присутствие петуха в декоре гребня из Кампыртепа. Эта домашняя птица была очень популярна среди древнего населения Восточно-

Рис. 3.
Настенные росписи
из Мирана (а. - из
M.III; б. - из M.V;
воспроизведены по:
28, р. 18, 25).

го Ирана и Средней Азии и занимала важное место в зороастрийских религиозных представлениях. Ее считали вестником доброго божества Сраоша, провозглашавшим своим криком на заре прибытие последнего, а также побуждавшим людей вставать рано утром и изгонявшим мрак ночи и злого духа сна. С петухом были связаны различные приметы и поверья: в частности, его изображения на многих памятниках искусства, включая украшения, служили в качестве магических оберегов [2, с. 130-131; 5, с. 202-204; 11; 31, S. 365-368]. Кажется вполне вероятным, что петух на нашем гребне выполнял ту же роль.

Таким образом, можно утверждать, что гребень, найденный на Кампыртепа, с точки зрения особенностей его иконографии имел бактрийское происхождение. Впрочем, допустимо и его изготовление (но без нанесения на его

стороны каких-либо изображений!) в Индии, где не только добывалась слоновая кость, но и существовала высокоразвитая традиция производства изделий из нее. Очевидно, декорирование таких предметов быта, как гребни, рисунками черной тушью было чисто бактрийской традицией, в отличие от индийской, когда изображения вырезались. Как бы там ни было, перед нами самые ранние образцы монохромной живописи Бактрии, причем в ее местном иконографическом варианте, отличном от принципов более позднего буддийского, привнесенного в долину Амударьи уже после завоеваний Канишки I в Индии.

Исключительно интересным представляется тот факт, что список аналогий изображению девушки на гребне из Кампыртепа не исчерпывается только приведенными выше памятниками кушано-бактрийского искусства. Как это ни покажется неожиданным, но не менее близкие параллели встречаются в столь удаленном от Бактрии месте, как Миран в Восточном (Китайском) Туркестане. В 1907 г. выдающийся британский археолог и путешественник Аурел Стейн открыл среди руин двух буддийских комплексов Мирана (M.V и M.III) великолепные жанровые настенные росписи [28, р. 18-29; 43, р. 492-529; 44, S. 173-180], являющиеся самыми древними в китайской Центральной Азии, - их дата вряд ли должна быть позднее второй половины III в. н. э. [28, р. 27], но при этом следует признать, что отнесение их ко времени царствования Канишки I [26, р. 209] представляется более чем сомнительным. Некоторые женские образы на этих фресках [28, р. 18, 25; 43, fig. 134, 135, 138-140, 143, pl. XLIV/M. III. 0019] (рис. 3а, б) имеют очевидное сходство во внешнем облике с нашей бактриянкой, включая характерную прическу со спиральными завитками, сбегаящими от висков на щеки, которую есть все основания считать типичной именно для женской моды античной Бактрии. Кроме того, с точки зрения техники исполнения рассматриваемые изображения из Мирана и Кампыртепа написаны в близкой мягкой манере. Это сходство, естественно, нуждается в объяснении. Ясно, что если говорить о первоисточнике их взаимовлияния, то оно шло из Бактрии в Восточный Туркестан и никак не наоборот, уже хотя бы потому, что декор на гребне значительно старше миранской живописи. До сих пор популярно мнение, что последняя была продуктом знаменитой гандхарской художественной школы в Северо-Западной Индии [25, р. 601; 26, р. 209; 28, р. 20-21; 38, р. 253; 39, р. 186]. Но что известно о живописи самой Гандхары, славной своей замечательной скульптурой? Очень немного, и то лишь благодаря нескольким поздним фрагментам (V в. (?)) из Хадды, которые роднит со стенописью Мирана разве что буддийская тематика [24, S. 52-53, Abb. 63; 28, р. 124, fig. 2]. В то же время в кушанской Бактрии, в отличие от Гандхары, живопись занимала достаточно видное место среди других видов изобразительного искусства. Возникнув и развиваясь в условиях весьма сильного воздействия эллинистического искусства, она смогла сама повлиять не только на соседние регионы (в частности, на Хорезм) [6, с. 213; 33, р. 125], но также и на весьма отдаленные (Миран). Отметим, что в литературе уже высказывалась точка зрения о том, что «ранняя (миранская) живопись Восточного Туркестана возникла и развивалась под серьезным влиянием художественной культуры Бактрии» [9, с. 139]. Это влияние, помимо изложенных выше наблюдений за женскими персонажами на фресках из Мирана, прослеживается как в иконографии некоторых из изображенных там же юношей и мужчин, так и в мотиве с гирляндоносцами, эротами, музыкантшами и актерами, хорошо известном в искусстве Бактрии по скульптурным фризам из Халчаяна, Фаязтепа и Сурх Котала и использованном в Миране [16, с. 225; 27, р. 46, 49]. Остается лишь добавить, что кушано-

бактрийские связи с Восточным Туркестаном нашли также свое отражение в терракотовых статуэтках и украшениях на керамике из Хотана и во внешнем сходстве флейтиста на реликварии из Кучи с мальчиком на росписи из Халчаяна [16, с. 225].

Надо полагать, что активное проникновение бактрийской культуры в Восточный Туркестан началось в первой половине II в. н. э., т. е. сразу после того, как кушанский царь Канишка I установил там свой политический контроль [1, с. 88-90; 26, р. 208-209; 29]. Бактрийская культурная экспансия не было столь внушительной по сравнению, например, с согдийской, однако и после ухода кушан из Восточного Туркестана там могли оставаться бактрийские торговые ремесленные колонии, в том числе в районе Мирана. Автору этих строк уже приходилось выступать с гипотезой о возможном участии бактрийских художников в оформлении тамошних культовых сооружений [12, с. 174]. На первый взгляд это противоречит тому обстоятельству, что одна из надписей индийским письмом кхароштии, обнаруженных на стенописи из комплекса M.V, сообщает имя художника - Тита, т. е. это, скорее всего, пракритская форма латинского имени Тит (Titus), что, в свою очередь, намекает на западное (римское) происхождение его носителя [28, р. 21; 39, р. 186; 43, р. 530-531; 44, S. 172]. Однако едва ли вообще оправданно рассматривать личное имя некоего человека в качестве этнического определителя - в нашем случае оно вполне могло представлять собой обычное заимствование из ономастики иной этнокультурной среды, примеров чему великое множество. Но даже если в жилах автора миранских фресок действительно текла какая-то часть римской крови², то он должен был вырасти в буддийском окружении: в самом деле, он был прекрасно осведомлен как в самой доктрине буддизма, так и в принципах буддийской иконографии, что было бы весьма затруднительно для странствующего художника, который не только прибыл из далекого Средиземноморья, но и был человеком совсем другой культуры. Наконец, - и это, пожалуй, главное - Тита, судя по всему, имел хорошую подготовку в искусстве живописи бактрийской школы.

Предполагая, таким образом, бактрийское происхождение миранского художника, нетрудно объяснить и факт использования им для надписей на росписях в M.V письменности кхароштии, широко применявшейся в первые века н. э. в южных оазисах Восточного Туркестана [1], а не, например, основанного на греческом бактрийского письма, что казалось бы более логичным для выходца из Бактрии. Дело в том, что наряду с бактрийско-греческой, собственно греческой и другими письменность кхароштии также была распространена в кушанской Бактрии, прежде всего в ее буддийских общинах [о языковой ситуации в этом регионе при Кушанах см.: 10, с. 269-270; 17, с. 97-101; 23, с. 210-221]. К тому же Бактрия не без оснований рассматривается в качестве одного из основных центров распространения буддизма (а вместе с ним и языков буддийских религиозных текстов, включая северо-западный пракрит на алфавите кхароштии) в Восточном Туркестане [34, р. 432-434]. Так что оформительская деятельность в Миране художника-бактрийца буддийской ориентации выглядит вполне вероятной.

Как видно из вышесказанного, уникальный гребень из Кампыртепа, сам по себе являющийся чрезвычайно интересным памятником кушано-бактрийского искусства, позволяет также говорить и о бактрийско-восточнотуркестанских культурных связях. Само собой разумеется, вопрос о сходстве изображений на росписях из Кампыртепа и Мирана требует более тщательной проработки, в том числе и с точки зрения техники их исполнения.

Примечания:

¹ Эти даты правления Великих Кушан приводятся по хронологии Дж. Крибба, разработанной им с учетом данных недавно открытой надписи в Рабатаке (Афганистан) [42, р. 101, 106].

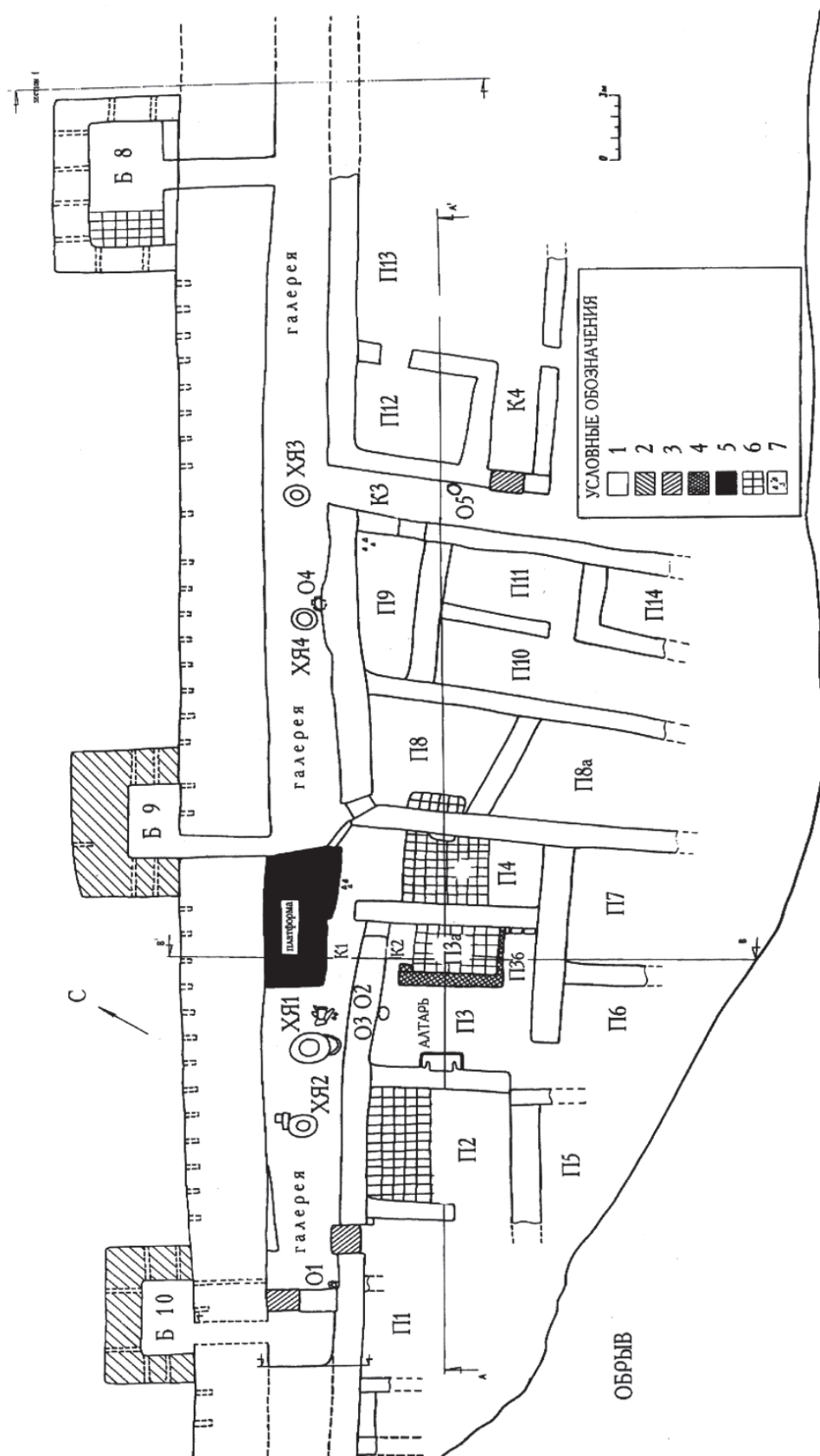
² К примеру, по довольно осторожному мнению Э. Ртвеладзе, развивающего отчасти романтическую теорию Г. Дебса о некоторых римских легионерах из числа захваченных парфянами в результате поражения армии Марка Красса при Каррах в 53 г. до н. э. и депортированных в Среднюю Азию, которые оказались затем на службе у одного из хуннских вождей [см. 3; 30], Тита из Мирана мог бы быть потомком этих римлян [20, с. 72].

Библиография:

1. Воробьева-Десятовская М. И. Индийцы // *Восточный Туркестан в древности и раннем средневековье: этнос, языки, религии*. М., 1992.
2. Григорьев Г. В. Тус-Тупи. К истории народного узора Востока // *Искусство*. № 1. М.-Л., 1937.
3. Дебс Г. Г. Военное соприкосновение между римлянами и китайцами в античное время // *ВДИ*. № 2. 1946.
4. *Древности Южного Узбекистана*. Токио: Университет Сока. Ташкент. Институт искусствознания им. Хамзы. 1991.
5. Иностранцев К. А. Материалы из арабских источников для культурной истории Сасанидской Персии. Приметы и поверья // *Записки Восточного Отделения Императорского Русского Археологического Общества*. Т. XVIII. Вып. 2-3. Санкт-Петербург, 1908.
6. Ковалева Н. А., Рапопорт Ю. А. Траурная сцена в настенной росписи из Хорезма // *ВДИ*. № 2. 1991.
7. Кругликова И. Т. Настенные росписи Дильберджина // *Древняя Бактрия. Материалы САЭ 1969 - 1973 гг.* Вып. 1. М., 1976.
8. Кругликова И. Т. Настенные росписи в помещении 16 северо-восточного культового комплекса Дильберджина // *Древняя Бактрия. Материалы САЭ*. Вып. 2. М., 1979.
9. Литвинский Б. А., Соловьев В. С. Средневековая культура Тохаристана (в свете раскопок в Вахшской долине). М., 1985.
10. Массон В. М. Северная Бактрия (в античную эпоху) // *Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии*. М., 1985.
11. Мирбабаев А. К. Из истории культовой традиции: символика петуха // *Борбад, эпоха и традиции культуры*. Душанбе, 1989.
12. Никоноров В. П. К истории бактрийско-восточнотуркестанских культурных связей // *Формирование и развитие трасс Великого шелкового пути в Центральной Азии в древности и средневековье. Тез. докл.* Ташкент, 1990.
13. Пидеев Ш. Р. Монетные находки из Мирзакултепа // *Нумизматика Узбекистана*. Ташкент, 1990.
14. Пугаченкова Г. А. Скульптура Халчаяна. М., 1971.
15. Пугаченкова Г. А. Новые данные о художественной культуре Бактрии // *Из истории античной культуры Узбекистана*. Ташкент, 1973.
16. Пугаченкова Г. А. Искусство Бактрии эпохи кушан. М., 1979.
17. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. Северная Бактрия - Тохаристан. Очерки истории и культуры (древность и средневековье). Ташкент, 1990.
18. Пугаченкова Г. А., Ртвеладзе Э. В. и др. Дальверзинтепе - кушанский город на юге Узбекистана. Ташкент, 1978.

19. Ртвеладзе Э. В. Кушанская богиня // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах '89. Ташкент, 1989.
20. Ртвеладзе Э. В. Великий шелковый путь. Энциклопедический справочник. Древность и раннее средневековье. Ташкент, 1999.
21. Савчук С. А. Предметы малого искусства из Кампыртепа // Общественные науки в Узбекистане. № 7. 1984.
22. Савчук С. А. У Оксийской переправы // Вехи времен. Рассказы о памятниках истории и культуры Узбекистана. Альманах '89. Ташкент, 1989.
23. Ставиский Б. Я. Кушанская Бактрия: проблемы истории и культуры. М., 1977.
24. Auboyer J., Darbois D. Afghanistan und seine Kunst. Prague: Artia, 1968.
25. Azarpay G. Art in Iran. VI. Pre-Islamic Eastern Iran and Central Asia // Encyclopaedia Iranica. Vol. II. Fasc. 6. London; New York, 1986.
26. Bivar A. D. H. The History of Eastern Iran // The Cambridge History of Iran. Vol. 3 (1): The Seleucid, Parthian and Sasanian Periods. Cambridge; London; New York; New Rochelle; Melbourne; Sydney, 1983.
27. Bromberg C. A. An Iranian Gesture at Miran // Bulletin of the Asia Institute. New Ser. Vol. 5 (1991). Bloomfield Hills, 1992.
28. Bussagli M. Painting of Central Asia. Geneva: Skira, 1963.
29. Cribb J. The Sino-Kharosthi Coins of Khotan: Their Attribution and Relevance to Kushan Chronology // The Numismatic Chronicle. Vol. 144: 128-152; Vol. 145. London, 1984/1985.
30. Dubs H. H. A Roman City in Ancient China. London: The China Society, 1957.
31. Geiger W. Ostiranische Kultur im Altertum. Erlangen: Deichert, 1882.
32. Ghosh A. Taxila (Sirkap), 1944 - 1945 // Ancient India. No. IV. New Delhi, 1947/1948.
33. Grenet F. Palais ou palais-temple? Remarques sur la publication du monument de Toprak-kala // Studia Iranica. T. 15, fasc. 1. Paris, 1986.
34. Litvinsky B. A., Vorobyova-Desyatovskaya V. I. Religions and religious movements - II // History of civilizations of Central Asia. Vol. III. The crossroads of civilizations: A. D. 250 to 750. Paris, 1996.
35. Marshall J. Taxila. An Illustrated Account of Archaeological Excavations carried out at Taxila under the Orders of the Government of India between the Years 1913 and 1934. Vol. II, III. Cambridge: Cambridge University Press, 1951.
36. Nikonorov V. P., Savchuk S. A. New Data on Ancient Bactrian Body-Armour (in the Light of Finds from Kampyr Tepe) // Iran. Vol. XXX. London, 1992.
37. Pougatchenkova G. A. Les tresors de Dalverzine-tepe. Leningrad, 1978.
38. Rowland B. Art along the Silk Roads: A Reappraisal of Central Asian Art // Harvard Journal of Asiatic Studies. Vol. 25 (1964 - 1965). Cambridge (Mass.), 1965.
39. Rowland B. The Art and Architecture of India. Buddhist. Hindu. Jain. Harmondsworth: Penguin Books, 1977.
40. Rtveldze E. V. Kampir-Tepe: Structures, Written Documents, and Coins // Bulletin of the Asia Institute. New Ser. Vol. 8 (1994). Bloomfield Hills, 1996.
41. Sarianidi V. Bactrian Gold from the Excavations of the Tillya-tepe Necropolis in Northern Afghanistan. Leningrad, 1985.
42. Sims-Williams N., Cribb J. A New Bactrian Inscription of Kanishka the Great // Silk Road Art and Archaeology. 4 (1995/96). Kamakura, 1996.
43. Stein A. Serindia. Detailed Report of Explorations in Central Asia and Westernmost China. Vol. I, IV. Oxford: Clarendon Press, 1921.
44. Yaldiz M. Archeologie und Kunstgeschichte Chinesisch-Zentralasiens (Xinjiang). Leiden; New York; Kobenhavn; Keln: E. J. Brill, 1987.

Рис. 1.
План объекта работ Бактрийской экспедиции (Раскоп 8).
Условные буквенные обозначения:
Б - башня;
К - коридор; О - очаг;
П - помещение;
ХЯ - хозяйственная яма.
Цифрами с 1 по 5 обозначены сооружения из сырцовых кирпичей соответственно I, II, III, IV и V строительных периодов;
6 - полы, выложенные сырцовыми кирпичами;
7 - развалы фрагментов больших керамических сосудов (хумов).

О древнем поселении Кафиршахаре (Чукуркишлаке) и его цитадели Кафиртепа (Кампыртепа) существует несколько легенд, передаваемых из поколения в поколение.

В одной из них сообщается, что Кафиршахар и Кафиртепа были основаны царицей Хадо царства Дашти-Арзанак. Они были разрушены «царем царей» Ираншахом, а восстановлены Искандаром Зулькарнаином, т. е. Александром. Подробнее об этом рассказывается так. В далекие времена в верховьях Амударьи, между Кугитангскими горами и Тургандарьей (Шерабад-дарья) простиралась необъятная полупустыня, Дашти-Арзанак. Племя, обитавшее на этой земле, в основном занималось коневодством, скотоводством, а народ, живший по берегам реки, выращивал фруктовые деревья, злаки, ловил рыбу. Но большую часть пахотной земли отводили под просо, а потому земля и получила название «Дашти-Арзанак» («Просяная степь»).

Всеми этими племенами повелевала царица Хадо. Ее столицей был Шахари Арзанак. По традициям того времени Хадо, как и ее ровесницы, обучались военному делу, езде на неоседланном степном скакуне, владению саблей, копьем, меткой стрельбе из лука. К своему двенадцатилетию она стала необычайно красивой. Прослышав о ее красоте, царь Балха Хусров отправил в Арзанак большой караван со всевозможными драгоценностями во главе со своим визирем, а также послов, чтобы посватать Хадо. Царица и народ Арзанака встретили их гостеприимно. Но кормилица Хадо, прочитав переданное ей визирем послание царя, пришла к выводу, что цель царя Балха была не женитьба на Хадо, а владение «землей и водой» Дашти-Арзанака. Решив, что в случае войны Дашти-Арзанак не сможет противостоять Балху, они сочинили обманное письмо, в котором говорилось: «...Я, царица Хадо, согласна выйти за Вас замуж, но не могу пойти против обычая моих предков, по которому наши девушки выходят замуж по достижении четырнадцатилетнего возраста. Если царь Балха согласен, то пусть подождет моего четырнадцатилетия».

Получив послание, царь Балха воспринял его как отказ Хадо и замыслил войну против Дашти-Арзанака. Однако, боясь потерять уважение соседних государств, он отказался от открытого нападения и решил похитить Хадо.

Но Хадо стала укреплять свои границы. По ее поручению зодчие на юго-восточной границе начали строительство крепости - «кала», поскольку это место казалось самым удобным для переправы войск царя Балха.

Позднее, после нашествия арабов, эту крепость называли «Кафиркала» (Кампыртепа).

Через пару лет зодчие закончили строительство крепости, и царица с приближенными посетила ее. Народ, оказав им торжественную встречу, устроил праздник, длившийся несколько дней. В одну из праздничных ночей Хадо переоделась в мужское платье и тайком на коне отправилась проверить ночной дозор крепости. Когда она подъезжала к берегу реки, на нее напали лазутчики царя Балха. Она сразила саблей несколько человек, но врагов было значительно больше, и они попытались взять ее в плен. Однако неожиданно на них напал какой-то пастух. До стражников крепости донеслись звон клинков и ржание лошадей. Прибыв к месту сражения, они увидели, что

все лазутчики перебиты, Неизвестный пастух был тяжело ранен и лежал на земле. А царица была цела и невредима, но связана. По ее приказу раненого пастуха перенесли в крепость и за его лечение взялась сама Хадо. Между тем у народа Дашти-Арзанака существовал обычай: если мужчина спасет от смерти девушку, то спасенная должна выйти за него замуж; если же женщина спасет от смерти мужчину, он должен взять в жены спасительницу, даже если и был уже женат. В противном случае они становились изгнанниками. Следуя этому обычаю, Хадо вышла замуж за пастуха и в положенный срок родила ребенка.

Узнав об этом, царь Балха собрал многочисленную армию и, переправившись через обмелевшую Амударью у Кафиркала, напал на Дашти-Арзанака. Хадо в ответ направила своего мужа в Кафиркала, а гонцов послала в соседние царства с просьбой о помощи. Защитники Кафиркала и население Кафиршахара (Чукуркишлака) оказывали врагу упорное сопротивление, и лишь через несколько месяцев, разрушив стены крепости, воины Балха ворвались в нее. В сражении погиб и муж Хадо. Враг, разрушив крепость и перебив все население, в том числе детей, двинулся к столице шахри Арзанака.

Хадо, получив известие о падении Кафиркала и смерти мужа, стала готовиться к обороне. Через несколько дней передние ряды противника напали на столицу. Арзанаццы несколько раз отражали атаки врага, но, когда подошли главные силы противника, Хадо поняла, что войне скоро придет конец. На следующий день перед сражением она надела доспехи простого воина, завернув своего ребенка в материал, крепко привязала его к спине и с передовым отрядом начала сражение. Битва длилась до ночи. Враг победил и вступил в город. Один из врагов нанес такой сильный удар копьем в грудь Хадо, что насквозь пронзил и ее, и ребенка, привязанного к спине.

После сражения царь Балха повелел найти тело царицы. Но отыскать ее, переодетую в воинские доспехи, в темноте не удалось. Не нашли ее и на следующий день. В гневе царь Балха приказал отрубить головы всем, кто занимался поисками тела царицы. По его же указу были истреблены все жители города с детьми, а сама столица сожжена.

Рассказчики (Халил Панжи, 73 года, Ахмедов Худайкул, 81 год) к легенде добавляют, что кормилица Хадо под покровом темноты с помощью собак отыскала среди убитых тела Хадо и ее ребенка и перенесла их в заранее подготовленную пещеру-гробницу в Кугитангских горах.

О жителях Дашти-Арзанака, в том числе Кафиршахара и Кафиртепа, рассказывают, что они почитали Солнце, Луну, звезды, воду и огонь. Своим покровителем считали бога плодородия У (?). Ему поклонялись и делали жертвоприношения. Символом плодородия у них было просо - арзан, якобы источник из фаллоса всемогущего бога У. Поэтому верховный жрец Кафиршахара, в отличие от других соплеменников, носил подвеску в виде фаллоса. Так как в пищу население Дашти-Арзанака употребляло в основном просо, то иноземцы называли их «просоедами» - «арзан хурон».

У арзанаццев было множество праздников в честь небесных светил и своих божков. Один из праздников назывался «Избрание матери плодородия». По дошедшим до нас рассказам, для проведения праздника люди Кафиршахара собирались возле Минчоктепа, стоявшей до середины 70-х годов XX в. посреди Чукуркишлака (Кафиршахара). Жрец выбирал молодых деву-

шек и отводил подальше от места сбирища. С них снимали всю одежду, оставляя только бусы. Затем девушкам давали команду бежать к Минчоктепа, на вершине которой стоял обнаженный верховный жрец в ожидании победительницы забега. Первая, приблизившаяся к месту собрания людей, должна была взобраться на вершину холма, пасть на колени и поцеловать фаллос верховного жреца. Верховный жрец резким движением срывал бусы с шеи поднимавшейся с колен девушки и возлагал ей на голову венок из злаков. С этого момента она становилась «матерью плодородия». Ее рассыпавшиеся бусы оставались на холме. Уносить их никому не позволялось, так как считалось, что вместе с бусами умер и дух девушки. А «мать плодородия» приобрела дух божественный.

Вторым этапом праздника был выбор жен. Все девушки и женщины, по каким-либо причинам оставшиеся без мужей, могли участвовать в состязании «киз кувмок» - «догони девушку». Участницы снимали шаровары и оставляли их на вершине холма. Вместе с мужчинами они отходили к берегу Амударьи, протекавшей в полутора километрах от селения. По знаку жреца женщины бежали в сторону Минчоктепа. За женщинами, пробежавшими половину расстояния, пускались наперегонки мужчины. Они должны были обогнать женщин, первыми взобраться на холм, отыскать шаровары понравившейся девушки или женщины и поднять их над головой. Хозяйка шаровар становилась женой этого мужчины. Победителям соревнования верховный жрец давал горсть проса. У жителей Кафиршахара бытовало поверье, что у мужчины, посеявшего просо, впоследствии будет много детей.

Жители Кафиршахара отдавали трупы умерших на съедение птицам или собакам. С того времени западнее Минчоктепа остался фундамент башни смерти диаметром 8-9 м. Позже Минчоктепа и фундамент башни были уничтожены, а земля распахана под хлопчатник. Обнаруженные же при вспашке кости захоронили.

Существует также предание о том, что Искандер Зулькарнайн (Шохли Искандар), т. е. Александр Македонский, переправился со своими полчищами к Кафиркала через Амударью. В это время у жителей Кафиршахара проходил праздник избрания «матери плодородия». По обычаю в такие дни воевать и убивать людей было запрещено. Поэтому дозорные оставляли свои посты и принимали участие в праздновании. Александр не ожидал такой легкой победы над защитниками крепости, и это задело его гордость. По его приказу схватили верховного жреца, напустили на него собак «гурков» - «могильщиков», население истребили, оставив в живых только девушек, и выставили на переправе охрану.

От этих воинов-охранников и девушек-наложниц произошли голубоглазые дети. От них пошел другой род, впоследствии сражавшийся с арабскими захватчиками. Легенда гласит, что арабы, переправившись через Амударью, встретили в Кафиркала сильнейшее сопротивление какого-то неизвестного народа, отчаянно дравшегося за свой город. После многомесячной осады Кафиркала была взята и разрушена, а народ истреблен (развалины домов этого поселения существовали на территории Чукуркишлака до 60-х годов XX в.). До нашествия арабов крепость называлась просто «кала», а после завоевания ее арабами - «Кафиркала».

Рассказывают также, что, когда на земле существовали добрые и злые

духи, принимавшие облик человека, Кафиршахар еще назывался шахри Гулгула. Жили, дескать, в этом городе безбожники и развратники, поклонявшиеся только женскому началу. Каждую ночь они устраивали любовные игры, отчего над городом поднимался такой шум, что слышно было даже в Балхе. Однажды шум прекратился, и удивленные жители Балха доложили об этом царю. Царь приказал молодому пастуху пойти в шахри Гулгула и узнать, что там произошло.

Пастух, переправившись через Амударью, увидел развалины города. В поисках живых людей он добрался до Минчоктепа и увидел девушку, игравшую бусинками. Он попросил ее рассказать о причине гибели города. Девушка, кокетничая, поведала: жители города не верили в бога, а поклонялись небесным светилам и огню. Главным божеством они считали Санам, позволявшую без всякого стыда совокупляться женщинам и мужчинам, за что бог прогневался на этот народ и уничтожил его. Пастух хотел возвратиться домой, но девушка не отпускала его, пока он не сблизился с ней. В Балх они возвратились уже мужем и женой. С этого времени в Балхе стали происходить удивительные вещи: то в какой-нибудь семье пропадет ребенок, то от малокровия умирает здоровый человек, то пропадет население ближайшего от Балха кишлака. Жена же пастуха занималась хозяйством, помогала мужу пасти скот. Но у нее был один недостаток: она не могла печь лепешки в тандыре и разводить огонь в очаге. Однажды, когда жены не было дома, к пастуху в гости пришел старик-маг и поинтересовался его женой. Пастух рассказал ему о недостатках своей жены. Старик-чародей объяснил пастуху, что его жена – не женщина, а злой дух-змея, принявший человеческий облик. Он посоветовал пастуху уничтожить его и научил, как это сделать. Пастух попросил возвратившуюся домой жену испечь лепешки в тандыре. Она сначала отказалась, но пастух настоял на своем. Когда жена пастуха стала лепить лепешки на раскаленные стенки тандыра, муж схватил ее за ноги, толкнул в тандыр и закрыл отверстие крышкой. Из тандыра раздалось грозное змеиное шипение. Затем пастух услышал такие слова: «Пастух, ты и мой враг-чародей обманули меня. Знай же, что жителей Кафиршахара съела я. Я разрушила город. Я уничтожила бы и Балх с его людьми». Так Балх был спасен от злодеяний страшного оборотня.

Мы видим в этих легендах отголоски реальных, некогда имевших место в данном регионе.

СОДЕРЖАНИЕ:

Предисловие. Археологические исследования	
Кампыртепа: цель и некоторые итоги	3
Э. Ртвеладзе	
Кампыртепа - структура. Периодизация	5
Д. Русанов	
Градостроительная культура эпохи Кушан	19
И. Азимов	
К восстановлению архитектурного облика Кампыртепа	33
С. Курбанов	
Археологические исследования цитадели Кампыртепа	39
К. Шейко	
Раскопки жилого комплекса в восточной части Кампыртепа	75
Д. Ильясов	
Терракоты Кампыртепа	97
О. Цепова	
Декорированная керамика Кампыртепа	107
В. Лунева	
Бусы из Кампыртепа	123
В. Никоноров	
Уникальный гребень из Кампыртепа	131
Ш. Устаев	
Легенды о Кафиршахаре	139

Материалы тохаристанской экспедиции
Выпуск 1. Археологические исследования Кампыртепа
(Сборник статей)

Издательство «**SAN'AT**»
Академии художеств Узбекистана.
Изд. № 00019.

Научный редактор **Э. Ртвеладзе.**
Редактор **Б. Кнопов.**
Корректор **Л. Леус.**

Оригинал-макет изготовлен на базе технических и
программных средств «**MEDIA LAND**»

Директор **С. Миргородский.**
Коммерческий директор **Г. Бондаренко.**
Компьютерный дизайн и верстка **Н. Шамухамедов.**
Компьютерное обеспечение:
Д. Акифьев, И. Двойнос, А. Дроздов, Е. Миргородская, Н. Рузыбаев.

Подписано в печать 01.06.2000. Формат XXxXX 1/₁₆
Гарнитура Arial Ctr. Печать офсетная. 9 печ. л.
Тираж 500 экз. Заказ № XXX.
Отпечатано с диапозитивов, изготовленных в ЧП «АВОГОР»,
в типографии «**ГРИДАН**».